

84(2Кос.Каз)6

665 538

X98

Хубиев Назир

БЕЛОКРЫЛЫЕ
ВЕРШИНЫ

Хубиев Назир

БЕЛОКРЫЛЫЕ ВЕРШИНЫ

Стихи

Поэмы

РГБУ
«Карачаево-Черкесское
республиканское книжное издательство»

ЧЕРКЕССК

2014

АВТОГРАФ

Предлагаемая читателю книга «Белокрылые вершины» — наиболее полное издание поэтических произведений известного карачаевского поэта Назира Хубиева.

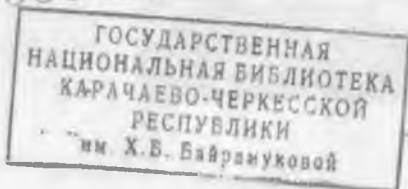
Сборник состоит из нескольких разделов: «Моя Родина», «Мне снова приснилась война», «Киргизские края», «Женская красота». Часть произведений публикуется впервые. В специальном разделе «Стихотворения из ранних тетрадей» собраны произведения 1950—1960 гг.

В заключительном разделе публикуются поэмы Назира Хубиева, снискавшие в свое время любовь и признательность читателей.

Сборник стихотворений «Белокрылые вершины», подготовленный к 80-летию Народного поэта КЧР Назира Хубиева, получился разнообразным и интересным по тематике, достойным по художественному уровню, богатым по языку.

АВТОГРАФ

665538

X $\frac{4702280200-10}{911(03)-2013}$ 10-2014

ISBN 978—5—7289—0324—6

© Н.А. Хубиев, 2014
© РГБУ «Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство, 2014

Людмила Егорова,

доктор филологических наук, профессор

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЗЛЁТ

Назир Хубиев – один из ведущих поэтов Северного Кавказа; его творчество получило признание и далеко за пределами родного края. Большой знаток и пламенный певец гор Кавказа, руководивший одним из семинаров IV Всесоюзного совещания молодых писателей (1963) в Москве Николай Тихонов справедливо писал: «У карачаевского поэта Назира Хубиева — человека сложной судьбы, проведшего юность в Киргизстане и только недавно вернувшегося в родные горы, естественно, живёт в стихах благодарность и воспоминания о дружбе, о местах, которые были свидетелями его детства. Конечно, с новым чувством он смотрит, вернувшись на родину, на долины Карачая, его восторг перед горными пенистыми речками, перед снежными вершинами, перед альпийскими лугами и даже описание облаков, такое подробное и живописное, заменяет разговор с заново обретенной родиной»¹.

С тех пор прошло более полувека. Все эти годы Назир Хубиев неуклонно поднимался на перевалы и вершины подлинной поэзии. Неоспорим его авторитет на Кавказе: очерк о жизни и творчестве Назира Хубиева опубликован в книге «Знаменитые люди Кавказа» (2005). В этом уникальном издании представителей карачаевского народа только двое: генерал армии Владимир Семенов и Назир Хубиев. Но и за пределами Кавказа набирала силу слава поэта-горца, о чем свидетельствует книга «Новая песня в старых горах» (2008). Более 80 выдающихся поэтов, писателей и учёных России и зарубежных стран стали авторами этого уникального издания: Николай Тихонов, Константин Симонов, Расул Гамзатов, Кайсын Кулиев, Наталья Капиева, Наум Гребнев, Яков Козловский, Владимир Пименов, Умар Алиев, Лейла Бекизова и др. Среди авторов этой книги – мать двух Героев Советского Союза Любовь Тимофеевна Космодемьянская и первая учительница Назира Хубиева Мария Павловна Куликова, которая после смерти матери поэта, приехав на Кавказ из далёких киргизских краёв в 1971 г., усыновила его. Все авторы «Новой песни в старых горах» лестно отзываются о творчестве

¹ Тихонов Н. Большая правда поэзии // Комсомольская правда. – 1963. – 12 мая.

карачаево-балкарского писателя. Книга получила высокую оценку в средствах массовой информации Карачаево-Черкесии и Ставропольского края; на презентациях, организованных Ставропольским государственным университетом, Пятигорским музеем М. Лермонтова, Карачаево-Черкесской республиканской библиотекой им. Х. Байрамуковой и Карачаево-Черкесским государственным университетом.

И, конечно же, центральное место в этой книге заняли статьи и письма Николая Тихонова. В течение 16 лет, со дня знакомства до конца своей жизни, Николай Семенович оставался наставником Назира Хубиева. Он постоянно следил за работой своего подопечного, переводил его стихи и баллады, помог ему поступить на двухгодичные Высшие литературные курсы Союза писателей СССР при Литературном институте им. А. М. Горького, писал предисловия к его книгам. Как справедливо заметил Кайсын Кулиев, это было для Назира счастливым даром судьбы, и он навсегда остался благодарным учеником.

Вот и предлагаемая читателю книга стихотворений и поэм названа автором под непреходящим впечатлением строки из письма к нему Н.С. Тихонова: «И во сне вижу белокрылые вершины».

Читатели часто задают вопрос: «В какой семье родился Назир Хубиев, и как он стал поэтом?». Конкретным ответом на него, по моему, является начало очерка Петра Придиуса, который, будучи председателем Краснодарского краевого отделения Союза писателей, интересовался литературными успехами сопредельных республик: «Пожалуй, ни в отечественной, ни в мировой литературе не найти другого подобного примера, когда бы одна семья безграмотного селянина подарила людям сразу трёх писателей. Между тем на Кавказе, в соседнем с нами Карачае, такая семья есть. Из восьмерых детей супругов Хубиевых, табунщика Ахии и хранительницы домашнего очага Мамурхан, трое стали членами Союза писателей СССР. Трое! Старший, Осман, был поэтом и прозаиком, средний, Магомет, — поэт, прозаик, фольклорист и литературовед, самый младший, Назир — поэт. Каждый по-своему талантлив и оригинален, знакомство с творчеством любого из них полезно и интересно»¹.

Назир родился 30 июня в 1934 году на высокогорном Мухинском перевале, на летнем пастбище древнего карачаевского аула Джемат, воспетого великим русским поэтом М. Лермонтовым в поэме «Хаджи-Абрек». В семье колхозного табунщика. С самого детства любознательный мальчик был влюблён в лошадей и горы. Он мог часами слушать песни горных речушек и звон грохочущих среди диких скал водопадов и любоваться полётом ширококрылых орлов. Но мирная жизнь была прервана Великой Отечественной войной. Старшие братья Назира сразу ушли на фронт, а в 1942 году территория Карачаево-Черкесии была оккупирована гитлеровцами. Мальчик видел кровопролитные бои на перевалах Кавказского хребта, и дет-

¹ Придиус П. Сын Эльбруса // Кубань. — 1988. — № 2.

ские впечатления, слитые с неутихающей болью утраты (на фронте погиб старший брат Назира — Ахмат), отзывались в его стихах, представленных ниже в разделе «Мне снова приснилась война». Спустя почти двадцать лет на седом Марухском перевале, 18 августа 1963 года, в день открытия там обелиска, две тысячи участников массового восхождения, затаив дыхание, слушали суровые строки стихотворения студента 3 курса Карачаево-Черкесского пединститута Назира Хубиева «Героям Марухского перевала»:

Вас утаить не смог холодный саван.
Вас и под снегом ветер отыскал.
И слёзы гор бегут, бегут, как лава,
По ледникам сковавшим губы скал.

Слились в одно солдатская отвага
И этих гор ледовая броня.
И вы назад не сделали ни шага,
Врагов жестоких яростно громя.

Сжимая сталь иззябшими руками,
Вы здесь вели последний смертный бой,
И в том бою не прятались за камни,
А прикрывали камни вы собой.

Перевод Г. Орловского

А в сентябре 1943 г. в жизни мальчика случилось еще одно событие, которому было суждено оставить глубокий след в жизни и творчестве будущего поэта — «встреча» с М.Ю. Лермонтовым: «Впервые меня, семилетнего мальчика, в Домик Лермонтова привезли отец и бабушка на арбе через Гум-Башинский перевал. В Домике приветливо встретила нас молодая и красивая женщина, которая рассказала о судьбе поэта и показала памятник, воздвигнутый ему в городском сквере». Как выяснилось через годы, это была Наталья Владимировна Капиева, которая в годы Великой Отечественной войны жила и работала в музее, была единственным его хранителем.

В 1943 году карачаевский народ незаслуженно был обвинён в измене Родине и в ноябре того же года депортирован в республики Средней Азии и Казахстан. Так в нерасторжимый узел в душе ребенка сплелись военные впечатления, имя Лермонтова, ужас депортации. Вновь процитируем статью Назира Хубиева «Зов Родины»¹: «...В 1950 году, когда я учился в четвертом классе, моя первая учительница Мария Павловна Куликова, прочитала наизусть стихотворение М. Лермонтова «Кавказ». Я заплакал от радости и тоски по родному Кав-

¹ Хубиев Н. Зов Родины // Пятигорская правда. — 2012. — 8 сентября.

казу. Для меня это был зов насильно отнятой Родины. Строки лермонтовского стихотворения разбудили в моем сердце нежные чувства к прекрасному, зажгли огонёк любви к поэзии, и я начал слагать стихи <...>.

Через 14 лет я вернулся на Кавказ. И первым делом поехал в Пятигорск, посетил Домик Лермонтова и Наталью Владимировну Капиеву).

Однажды Н. В. Капиева рассказала Назиру Хубиеву об одном потрясающем случае из жизни музея периода войны и просила его написать об этом. Это стихотворение — «Домик Лермонтова» — Назир не раз читал на праздниках поэзии:

Была войной охвачена планета.
Вся в чёрном, но сединами светла
Вдруг в Пятигорске к домику поэта
Немолодая женщина пришла.
Ей сердце жгла тяжёлая утрата.
Издалека добравшись налегке,
Стояла мать погибшего солдата
С кизиловою палочкой в руке.
Стояла мать, вздыхала и молчала —
Упал на землю замертво джигит,
Но лермонтовский томик был сначала
В его кармане пулею пробит.
Бывают люди в домике поэта.
И, не пытаясь памяти унять,
В день смерти сына, в чёрное одета
Сюда из года в год приходит мать.

Перевод В. Савельева

Нельзя не сказать и о начале творческого пути Назира Хубиева в Киргизстане. Назир начал писать стихи в 1950 году, когда учился в четвертом классе (из-за депортации и тяжелой болезни среднюю школу он окончил с запозданием). Это было очень сложное время, когда депортированным народам строго запрещалось заниматься литературным творчеством, а о публикации и речи не могло быть: ведь в третьем издании толкового словаря русского языка, составленного С. И. Ожеговым в 1953 году, отсутствовало слово «карачаевцы». Но вот Сокулукская районная газета Киргизии «Народная трибуна» от 31 августа 1955 г. опубликовала его стихотворение «Светлый путь», посвященное первоклассникам, идущим первого сентября в школу. Старший брат Назира, Осман Хубиев, ставший известным писателем еще до войны, работал в школе села Белогорка. Директор школы, Пётр Михайлович Петриченко, прочитав стихотворение Назира в газете, спросил:

— Осман Ахияевич, скажите, пожалуйста, Назир Хубиев кем-то Вам доводится или однофамилец?

— Он мой младший братишка, — ответил Осман.

— Тогда позвольте поздравить Вас и Назира с появлением его хорошего стихотворения в газете. Прошу Вас передать ему мой сердечный привет и самые добрые пожелания.

Этот диалог стал семейным преданием в роду Хубиевых. Осман приехал к родным в посёлок Первомайский, побеседовал с матерью и братом Магометом об увлечении младшего брата поэзией. Так Назир вышел из «подполья», и этот день был одним из самых счастливых в его жизни.

Да, было и очень трудно, но мир не без добрых людей. Председатель русской секции Союза писателей Киргизии, уроженец Смоленщины, близкий друг Михаила Исаковского и Александра Твардовского, ответственный секретарь журнала «Литературный Киргизстан», известный поэт Сергей Андреевич Фиксин, заметил в ученике 9 класса Сокулукского района Фрунзенской области Назире Хубиеве литературные способности. Сергей Фиксин часто вспоминал строки первого четверостишия Назира, написанного еще в 1950 году, когда он учился в 4 классе:

Пришла зима — заснула речка,
Слабее стало солнце греть.
Котенок спит на теплой печке
Усатый, словно старый дед.

Русский писатель помог Назиру стать членом литературного объединения при Союзе писателей Киргизии. В данное издание просятся страницы из его статьи «Наш земляк из Теберды»:

«Детство и юность Назира Хубиева прошли в благодатной Чуйской долине. Видимо, глубоко впечатляющие пейзажи Северного Кавказа, а затем Киргизии пробудили в ребёнке чувство прекрасного, зажгли в его душе робкий поэтический огонёк. Мальчик начал писать стихи о горах, о крутых водопадах, о своих школьных друзьях. Писал он и на родном языке, и на русском (...) Как цветок, обильно политый свежей водою, Назир почувствовал в себе прилив новых сил. Пользуясь территориальной близостью к городу, он стал чаще наведываться в Союз писателей и редакцию газеты «Комсомолец Киргизии»¹.

Скоро его приняло в свою семью литературное объединение молодых писателей. Хубиев не пропускал ни одного собрания, хотя они нередко затягивались до глубокой ночи, и начинающему поэту с трудом приходилось добираться до Сокулука на попутных грузовиках. Успешно окончив среднюю школу, Назир вкусил сладость самостоятельного труда в совхозе, и первую радость своего приобщения к литературе. Его стихи всё чаще стали появляться в газетах республики...

¹ Фиксин С. Наш земляк из Теберды. // Литературный Киргизстан — 1962. — № 1.

Наконец свершилось то, о чем мечтали тысячи и тысячи караевцев, балкарцев, ингушей, чеченцев, калмыков, крымских татар. В своей автобиографии Назир Хубиев напишет: «В 1957 году вернулся в родные горы, согретые солнцем великой правды». В 1960 году он издал первую книгу своих стихов на родном языке. За нею последовали публикации в центральных журналах: «Молодая гвардия», «Молодежная эстрада», «Юность», «Дружба народов», «Звезда», «Октябрь» и др. Порадовали любителей поэзии сборники его стихов: «Всадник», «Перевал», «Свет вершин» и «Сенокос», изданные в Москве, а также сборник стихов «Благодарность», вышедший в Бишкеке на киргизском языке, и другие.

Назир Хубиев был моим студентом, когда я работала в Карачаево-Черкесском пединституте (ныне госуниверситете). С тех пор прошло более 50 лет, и я продолжаю следить за его работой и радуюсь успехам поэта, к которым, несомненно, относится и новый сборник стихотворений и поэм «Белокрылые вершины». Я прочитала рукопись с большим интересом и радостью: настоящая поэзия не стареет. Это достойный итог, знаменующий 80-летие поэта и 60-летие его творческой деятельности, которая ведет отсчет с 1955 года, от публикации стихотворения «Светлый путь» (хотя даже в этом сборнике есть стихи, датированные еще 1952 годом).

Предлагаемая читателю книга — наиболее полное издание поэтических произведений Н. Хубиева: их более 260, в том числе 5 поэм. Немало стихов осталось и за рамками издания: это был редкий случай, когда главная просьба автора заключалась в сокращении корпуса текстов, и масштабы этого сокращения задавались им нешуточные. Сборник отличается разнообразием тематики, глубиной содержания, высоким художественным уровнем, богатством языка и отточенностью формы. Во многих стихах заметно выросшее мастерство поэта, своеобразие его философского взгляда на мир, солнечный оптимизм и лирический взлет романтика. Все это приближает сборник к лучшим произведениям национальной поэзии Российской Федерации.

«Белокрылые вершины» состоят из нескольких разделов. Первый — «Моя Родина», самый объемный, задает тональность всему сборнику. В нем я особенно могу выделить широко известные стихотворения поэта «Родина», «Мой Карачай», «Камень Карча», «Деревянная чаша», стихи о матери, о семейных ценностях, о духовной красоте его земляков и красоте родной кавказской природы.

Во втором разделе «Мне снова приснилась война» — неизбежные «Баллада о погибшем брате», «Слезы орла», «Кавказский пейзаж», «Героям Марухского перевала», «Лавина».

«Киргизские края» — третий раздел сборника. Собранные воедино стихи о Киргизии высвечивают две важные вехи в развитии этой поэтической темы. Прежде всего это 1956 год, когда затеплилась надежда на свободу творчества. Певцу опального народа открылась возможность творить и выходить к читателю со своими произведениями, полноценно участвовать в жизни союза писателей Киргизии.

Взлет глубоких чувств, благодарности и признательности краю, приютившему его народ в годину величайшей трагедии, осознание того, что Киргизия стала для него, ребенка, юноши второй родиной, окрасили все стихи этого цикла, в таких, например, пронзительных строках:

Я с тобой связан хлебом, солью
Навсегда, могилою отца.
Ты во мне и радостью, и болью
Будешь жить до самого конца

Перевод Н. Хубиева

Вторая веха — 1975 год, когда после долгой разлуки Назир вновь приехал в Киргизию на празднование Дней советской литературы в составе писательской делегации (от Северного Кавказа в нее были включены Кайсын Кулиев и Назир Хубиев). Празднование традиционных «Дней» осталось незабываемым фактом биографии поэта-карачаевца, и вновь забил источник вдохновения. Фрунзенская осень 1975 дала мощную отдачу его в поэтическом творчестве, когда воспоминания юности органически слились с раздумьями зрелого человека («Город зеленого листа» и многие другие стихотворения).

Четвертый раздел сборника — «Женская красота», посвященный любовной лирике, совершенно неожиданен для знатоков поэзии Назира Хубиева, в нем публикуются многие неизвестные ранее стихотворения и, в основном, в переводе автора. По силе художественно воплощенного чувства лирического героя, по мастерству выделяется и раннее стихотворение, давшее название разделу, «Женская красота», и поздние: «Музыка колес», «Жаворонок», и особенно «Спят и горы, и долины» с его рефреном «Белокрылые вершины, краснокрылая заря». Его хочется повторять вновь и вновь: он символизирует идеальную чистоту переживаемого любовного чувства и силу страсти в их нерасторжимом единстве.

Особое место в сборнике занимает раздел «Стихотворения из ранних тетрадей». В нем собраны стихи 1950—1960-х гг., быть может, уступающие популярным текстам предыдущих разделов или представляющие их вариации, но без этого раздела невозможно представить себе путь писателя в его полном объеме, оценить масштаб его творчества и, главное, его преданное служение Поэзии.

В заключительный раздел сборника вошли поэмы, в свое время снискавшие любовь и признательность читателей. Это и «Первая учительница», автобиографическая поэма (как и фрагмент из поэмы «Перевал»), и поэма «Алые косы». В период немецкой оккупации Чехословакии 26 марта 1943 г. в тюрьме г. Беслау за участие в подпольном антифашистском движении была казнена 22-летняя коммунистка Мария Кудержикова. В день казни она отрезала свои косы и просила, чтобы их передали матери.

В глазах Марии —
врагам проклятье,
Ее не согнули ни боль, ни неволя.
Тревожные красные пятна — на платье,
В огромных глазах — отражение боли...

Поэмы «Первый сноп» и «Сенокос» отражают красочный трудовой быт горцев казаков, радуют яркими красками.

Сборник в целом заставляет по-новому взглянуть на истоки творчества Назира Хубиева. Конечно, и раньше были очевидны его народность (обязательно вспоминалось стихотворение «Деревянная чаша»), и то, что он художественно одаренный носитель горского менталитета, но знакомство с наиболее полным корпусом текстов Хубиева убеждает и в приверженности поэта к поэтическим формам родного фольклора. Среди его поэтических произведений, как опубликованных в настоящем издании, так и оставшихся в архиве Хубиева, немало алгышей — здравиц, добропожеланий. И даже стихотворения о весеннем пробуждении природы воспринимаются как алгыш в честь рождения весны.

Широкой читательской аудитории стихи Хубиева представлены в переводах русских поэтов-переводчиков Н. Тихонова, К. Сиимонова, М. Румянцевой, Я. Козловского, Е. Рейна, Ф. Чуева, Л. Аксельруда и многих других. Как выяснилось, особенно часто переводил Назира москвич М. Синельников. При таком количестве переводчиков — более тридцати — можно было ожидать досадной поэтической многоголосицы в переводах, но к счастью, этого не случилось. Назир остался самим собой, его творческий почерк сохранен в каждом стихотворении, что говорит о высоком мастерстве переводчиков и поэта-карачаевца, который и сам успешно соревнуется с профессиональными русскими переводчиками, представляя многие стихотворения сборника в своих собственных переводах. Особенно заметен его талант в переводах стихов любовной лирики. (Кстати, именно это издание открывает возможность для филологического исследования вопроса о поэтических переводах с карачаево-балкарского языка на русский.) Н. Хубиев переводит не только собственные стихи: еще в 1981 г. он стал членом Совета по художественному переводу правления Союза писателей России.

Среди переводчиков, включенных в итоговый сборник Н. Хубиева «Белокрылые вершины», немало замечательных писателей Ставрополя: старейшие из них — Андрей Исаков и Гервасий Орловский, до этого работавший в Карачае; нельзя пройти мимо и переводов Геннадия Фатеева, Александра Яльмарова и, особенно, талантливых, безвременно ушедших из жизни, Аллы Борисовой и Виктора Бабиченко. Последний переводил, хотя и немного, не только с карачаево-балкарского языка, но Н. Хубиев привлекал его какой-то изюминкой своего таланта. Особую популярность получили его переводы хубиевских стихотворений «Мой Карачай», «У пейзажа кавказского нету вины...» и др. О дружеских отношениях Баби-

ченко и Хубиева свидетельствует отправленное Бабиченко незадолго до смерти письмо:

«Дорогой Назир, здравствуй!

Дошел до меня слух, что закончил ты учебу. Вроде даже книгу издал в Москве и вернулся домой.

Ну и как, пишется тебе или нет? Если пишется, покажи мне что-нибудь. Соберусь с духом, да переведу. Это у нас с тобой получалось всегда отлично. Я как-то копал свой архив, наткнулся на твои стихи. Вещей семь, кажется, я перевел. Среди них есть, на мой взгляд, просто хорошая лирика — «Зимняя колыбельная», «Сосновый запах». Жаль, не удалось их нигде опубликовать. Есть ли они у тебя. Напиши мне.

Виктор Бабиченко.

Переведенная Бабиченко «Колыбельная» публикуется в первом разделе сборника.

Хотелось бы обратить внимание на то, что поэма «Алые косы» в переводе М. Румянцевой дана полнее по сравнению с тем, как она представлена в московском издании сборника Н. Хубиева «Свет вершин» (1981). Помнится, что там явственно ощущалась непонятная читателю скороговорка. И только теперь, получив от автора полный текст перевода (мы приводим его лишь с небольшими сокращениями), мы можем восхититься лирической стихией, воплощающей переживания Марии и матери казненной патриотки.

Остается добавить, что за достойный вклад в развитие литературы Карачаево-Черкесии и Российской Федерации Назиру Хубиеву первым среди писателей Карачая было присвоено почетное звание Народного поэта Карачаево-Черкесской Республики. Поэт награжден орденом Дружбы народов и многими медалями. Назир Хубиев — почетный гражданин города Карачаевска. Его произведения входят в университетские программы «Литературы народов Северного Кавказа» (в Северо-Кавказском федеральном университете этот курс изучают не только филологи), в школьную программу по карачаевской литературе; его произведения составляют региональный компонент литературного образования в регионе.

В заключение я хочу поздравить Назира Хубиева с предстоящим юбилеем, с новым поэтическим взлетом, и сказать читателям, что сборник избранных стихов «Белокрылые вершины» является прекрасным подарком для любителей подлинной поэзии.

МОЯ
РОДИНА

Мой Карачай

Парят орлы ширококрылые
Над древней горною страной,
Где ветер бродит над обрывами
И пахнет далью неземной.

Где звон ручьёв как голос тоненький,
А голос рек как медный звон,
Я в том краю в чабанском домике
У перевала был рождён.

Не только белой грудью матери
Я вскормлен был, а мёд хвои
И снег на скалах, летом матовый,
Дарили силы мне свои.

Я песни пел джигитам громкие,
Ел с чабанами кислый сыр
До той поры, покуда Родиной
Не призван был, как горский сын.

Мой Карачай! В края далёкие
Водила жизнь меня с собой...
Я не забыл в разлуке клёкота
Орлов над снежною грядой.

Я не забыл в дорогах пройденных,
Как на лугах блестит роса.
Мой край! Моя, как песня, Родина,
Где горы словно паруса¹.

1957

---

¹ Стихотворение опубликовано в антологии молодой поэзии «Факел», М., «Молодая гвардия», 1963.

Всадник

Кайсыну Кулиеву

Над хребтом, темнотою крошечной покрытым, –
Ветер, блески и громы. Бушует гроза.
Лес рыдает, как мать над убитым джигитом,
Оглушает гроза, обжигает глаза.

В ночь такую бесстрашно коня направляет
Всадник в бурке, и путь его только вперёд.
Знает он: тьма уйдёт и гроза отсверкает,
Встанет солнце и доброе утро придёт!

1952

Сон

Весна и горы. Теберды ущелье.
Родной аул на солнце стал светлей.
Поёт река и в мир несёт веселье,
И соловьино вторит сердце ей.

Наш старый дом, меня к себе зовущий, –
Я счастлив, точно детство на заре, –
Лохматый пёс, мне лапу подающий...
Обросший мохом камень во дворе...

И камень я, как друга, обнимаю,
На нём отец мой отдыхал не раз.
Он ничего так не любил, я знаю,
Как этот камень во дворе у нас.

1952

Лучше быть мне травинкой на почве родимой,
Чем высокой сосной средь чужих тополей.
Чем прожить падишахом в стране нелюбимой,
Лучше нищим бродить по отчизне своей.

Чем звездою сиять над страной незнакомой,
В чуждых недрах лежать дорогою рудой,
Стану дымом над крышею отчего дома,
Стану глиной в земле драгоценной, родной.

1956

Журавлиный крик

Опять на деревьях желтеет хурма,
А горы от холода хмурыми стали.
Летят, пробиваясь сквозь плотный туман,
Кричат журавли, что отбились от стаи.

Им трудно умчаться от родины прочь!
От белых вершин, что взметнулись шатрами!
Как медленно тянется длинная ночь,
Как громко кричат журавли над горами.

Да как, заблудившись в ночи, не кричать,
Не звать, не искать своё счастье крылами?..
Он будет в душе моей долго звучать —
Волнующий крик журавлей над горами.

1956

Камень Карча

Баллада

У нас на Кавказе, в горах Карачая,
Где несётся в теснине Кубань, грохоча,
Грудью, в землю ушедший, столетья встречая,
Камень Карча¹ там высится, сталью звуча.

Пусть трясётся земля – он ещё непокорней
Устоит – пусть в Кубани иссохнет волна,
Говорят, он с Эльбрусом единого корня,
Хоть одна голова над землёю видна.

С Карачаем прощаясь, в день чернее всех прочих,
Чтоб с землею родной не порвалась связь,
Вот от этого камня предки брали кусочек,
Веря счастья найдут с ним, домой возвратясь.

В чёрный день мой народ, расставаясь с горами,
Уносил тот кусочек в скитанья с собой,
Целовал и хранил этот камень годами,
И просил у судьбы возвращения домой.

А вершины всё ждали хозяев прихода
Из степей, побелели в печали своей,
А из глаз тосковавшего горько народа
Лились слёзы надежды во мраке ночей...

Ночь исчезла, что долго была над горами,
Камень предка узнал вновь частицу свою,
И, вернувшись, народ обнимает свой камень,
Солнцем правды согретый в родимом краю!

1957

---

¹ Карча – легендарный родоначальник карачаевского народа.
Камень Карча – символ родины.

Карачаевск

Город мой – в сердце гор,
Как весенний цветок.
Где б я ни был, твой облик
Позабыть я не мог.

Ждал я встречи с тобой,
Словно встречи с отцом.
Ты встречал меня, город,
Добрый, светлым лицом.

Я к тебе торопился
С песней издалека.
Белым стадом бредут
Над тобой облака.

Замедляют орлы
Свой высокий полет
И глядят на тебя,
Будто смотрят вперед.

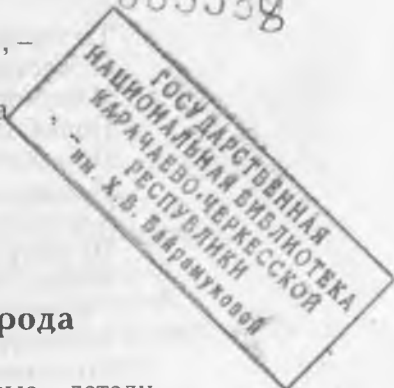
Город, сердце мое, –
Для тебя одного.
Город, имя народа
Ты несешь моего.

1957

Родная природа

Увидел тебя я впервые – летели
Над пиками гор облака, облака...
С тех пор и хранишь ты тепло колыбели
И вкус материнского молока.

665538

Рассвет на Кавказе

Ночь уходит скорыми шагами,
Дремлет ветер, крылья опустив,
Спит Эльбрус наш, вечными снегами
Край высот орлиных озарив.

Скрылся месяц ясный за горою,
Гаснут звёзды в небе голубом,
Край родной наполнен тишиною,
Луг наряжает тонким серебром.

Тихо шепчут маленькие ели,
Чешет ногу, не спеша, олень,
Тур с вершины движется в ущелье,
Где царит предутренняя тень.

Здесь Коста встречался с бедняками,
Пушкин ждал прекрасную зарю,
В чёрной бурке Лермонтов на камни
Пал, прославив Родину мою.

1957

Раздумье

У человека с жизнью договор
На постоянство чувств и отношений...
Я замечаю с некоторых пор,
Что плачу чаще, а пою душевней.
Чем дальше, тем становится милей
Всё, что зовётся родиной моей:
Чинара за окном, Эльбруса шапка,
Реки напев, и мост над нею шаткий,
И небо над долиной кверху дном,
И запах в узких улочках бараний...

Как просто всё! И на день с каждым днём
Короче время встреч моих с горами.

1957

Облака

То, как отары в знойный день июля,
Ложитесь вы на горные вершины,
То пеленой колеблемого июля
Скрываете вы грозные пучины.

То, вспыхивая яркой позолотой,
Вы небо украшаете собою,
То, скованные сонною зевотой,
Спускаетесь в ущелье голубое.

То, неразлучной стаей журавлиной
Кочуете в солнечные страны,
То, поднятые песней соловьиной,
Всю ночь в горах пасётесь, как джейраны.

То, словно зонт из ласкового шёлка,
Горянку укрываете от зноя,
То, целый день глядите втихомолку
В её лицо, как утро, молодое.

То пышной кипой шерсти перемытой
Висите вы над зябл.увшим Эльбрусом,
То реете над синью Бермамыта
И на сердце ложитесь грустным грузом.

То, устилая белым хлопком дали,
Вы на глазах стремительно растёте,
То козьем пухом самой нежной шали
Скалистый пик вдруг мягко обовьёте.

То инеем ажурным, серебристым
Распишете высокий звонкий купол,
То, радостно любуясь утром чистым,
Вы так светлы, что всем нам глянуть любо.

То крышею из тонкой жести белой
Стараетесь от бурь укрыть планету,
То малой стайкой, тихой и несмелой,
Спешите вновь и вновь бродить по свету.

То, как невесты, вы под взглядом вдовьим
Смущаетесь, счастливые бродяги,
То, схожи с грузным выменем коровьим,
Становитесь тяжёлыми от влаги.

То, словно закадычные подружки,
Вы, как одно, с огнём заката схожи,
То, как большие белые подушки,
Покоитесь на легком синем ложе.

То, заскучав за грешною землею,
Вы ливнем низвергаетесь в долины,
То, полные отвагой боевою,
Штурмуете высокие вершины.

То, развернув неслышным взмахом крылья,
Над сказочным Эльбрусом вы парите,
То, снова рады встрече, ставшей былью,
С любовью вы на целый мир глядите.

То, наш салам несёте вы народам,
Что за свою свободу дружно бьются...
Но из любого дальнего похода
Спешите вы на Родину вернуться.

1957

Горная речушка

Рожденная под облаками
Из уст хрустального ключа,
Ты на бегу целуешь камни
И мчишься дальше, хохоча.

К тебе подходит тур напиться,
Спустившись с горной крутизны.
Сосна доверчиво глядится
В кипение твоей волны.

Улыбки девушек-горянок
Собрала ты по берегам
И запахи лесных фиалок,
Что расцветают по утрам.

Тебя и в зной сопровождают
С вершин далёких верьки.
Тебя сестричкой называют
Внизу несущейся реки.

И как узнать, чья доля лучше
В краю, где гор синеют льды?
Не будь в горах таких речушек,
Так не было б и Теберды.

1957

Горный снег

Я влюблён в тебя, горный снег,
Белый-белый, словно туман.
Без тебя я тоскую, и смех мне – не смех,
Белый снег, как овечий айран¹!

---

¹ Айран – кислое молоко.

Я влюблён в тебя, горный снег,
Мне в разлуке с тобой нелегко.
Белый-белый, питающий тысячи рек,
Как материнское молоко.

1957

Огонь в горах

Азамату Суюнчеву

У белых от снега шатров перевала
Пасутся отары негаснущих звёзд.
Отсюда весёлый ручей-запевала
На камни слетает и брызжет взахлёст.

А месяц, как рог молодого джейрана,
Пугливо глядит из-за горных громад.
Зато, словно тур, со скалы осиянной
Вниз прыгает смело седой водопад...

Как долго рвались мы навстречу друг другу,
Чтоб свидеться здесь, у ночного костра.
Прекрасен огонь, что рассеял разлуку
И ярко горит у ручья до утра.

И пусть не померкнет отныне вовеки
Свет нашей счастливой и доброй судьбы.
Пускай озаряет и горы и реки,
О мраке недавней разлуки забыв.

Шапа¹ наполняет вином нашу чашу,
С родною землей разговор мы ведём.
Джигиты поют, веселятся и пляшут,
А месяц на ветке горит фонарём.

¹ Шапа — помощник тамады, виночерпий.

Нам радости большей, чем эта – не надо,
Пой, друг мой, я вместе с тобою спою.
Нальем в лунный рог серебро водопада
И выпьем за светлую долю свою!

1957

* * *

Когда случится
С жизнью распротиться,
О, горы,
Чьи владения бескрайни,
Хотел бы стать я
Вашею частицей –
Песчинкою,
Снежинкой
Или камнем!
Хоть безымянным.
Мой Кавказ суровый,
Мне б лечь
В твою гранитную основу!

1958

* * *

Не добраться врагам, не пройти, не пробиться
Через сердце моё в мой родной Карачай,
Свил гнездо ты на скалах, как вольная птица,
Мой суровый, ветрами исхлестанный край.

Пусть глаза мне завяжут, и оставят в пустыне,
Всё равно я к тебе добреду, Карачай,
Пусть мне вечную жизнь посулят на чужбине,
Всё равно я к тебе возвращусь, Карачай!

1958

Девичья грудь

Таких вершин, как гениев, немного.
Они судьбою не каждому даны...
Со склонов, упдающих отлого,
Сходили сказки детства в мои сны.

Казалось, что на каменное ложе
Лег белый голубь детства отдохнуть.
О, мой Эльбрус, я это понял позже:
Напоминаешь ты девичью грудь!

Закаты никли, высились восходы,
Шло вечное движенье бытия.
Нет ничего талантливей природы,
Не сразу это тоже понял я.

Как мудро, что от века первозданна,
Ничуть не изменясь до этих пор,
Бела, как молоко, и чуть туманна,
Девичья эта грудь – на фоне гор.

Могла ж быть уподоблена кинжалу
Или папахе, дивная гора,
Иль, изменяясь в веках мало-помалу,
Лежать двумя горстями серебра.

Но нет, но нет, – грудь изваяв девичью
Искусно, как и голнце птиц и трав,
Природа спела гимн её величью,
Над всем Кавказом на руках подняв:

«Глядите, люди, что сравнится с нею?!
Вовек в ней пламень жизни не погас!..
Теплей светила, лепестка нежнее,
Грудь матери, ты всех вскормила нас.

Мать и дитя – прекрасней нет единства.
Как счастлив я, что над судьбой моей
Девичья грудь – как символ Материнства...
Нет ничего дороже матерей.

1958

* * *

В кругу друзей, у скорбных стен кладбища,
Проживший жизнь, но в нас живущий друг...
И на порог последнего жилища
Он перейдет с усталых плеч и рук.

О, вы, друзья, соратники и братья,
Что провожают и в последний путь!
Как жаль, что теплоты рукопожатья
Уже нельзя на этот раз вернуть.

1958

* * *

«Детей,
как листья,
вдаль уносит ветер...»
Не говори так,
мама,
про меня –
Ты без меня давно жила на свете,
Я ж без тебя не жил ещё и дня.

1958

Писатель Родины моей

Леониду Соболеву:
к 60-летию со дня рождения

Кубань, сливаясь с бурной Тебердою,
Поет в ущелье, радость не тая.
Веселый горный ветер над водою
Шумит, шумит, приветствуя тебя.

Сияет солнце ласковое ярко,
Согрет которым мой родной Кавказ.
Шахтер, табунщик, каменщик, доярка
С тобой ведут беседы много раз.

Твои тома известны Карачаю,
Они нас учат Родину любить.
Читая их, рассветы я встречаю, —
Нельзя с «Морской душою» не дружить.

Тебе наказ даю, как избиратель,
Расти нас так, как Горький молодых,
Товарищ старший, опытный писатель,
Прости меня за этот слабый стих.

1958

Коста

Под самое небо крылато
Над кручей взлетали орлы...
Здесь с думой ходил ты когда-то
По тропам моей стороны.

Осетии нарт вдохновенный,
Твой голос до неба взлетал,
В глаза богатеям надменным
О горе людском рассказал.

Насилие грудью встречая,
О правде стихом говорил,
В России, в горах Карачая
С простыми людьми ты дружил.

Растил осетинскую лиру,
Рыдал над судьбою сирот,
Всеобщему братству и миру
Отдал своих песен полёт.

Предвестник желанной свободы,
Учением гнал темноту
И песней в суровые годы
Ты звал на борьбу бедноту.

Был связан ты с русским народом,
Чей Лермонтов славил Кавказ.
Встречал Петербург пред восходом
Тебя, как родного, не раз.

Стих твой был штыком солдата,
И гневом, как правды гроза...
Ночь гнёта ушла без возврата –
Открыли мы к солнцу глаза.

Навеки сдружились народы,
От счастья их песня чиста.
Под солнцем великой свободы
Поют твои горы, Коста!¹

---

¹ Это стихотворение впервые было прочитано в октябре 1959 года в селе Коста Хетагурова Карачаевского района на митинге, посвященном 100-летию со дня рождения поэта.

Колыбельная

Свежий снег на горных склонах
Не растает до весны.
Спи, мой маленький орленок,
И во сне поверь во сны.

Ты поверь, что где-то с вербой
Повстречается апрель.
Ты поверь в мечту и верность,
И в крыло свое поверь.

Чаши зимние молчаньем, —
Не вином полным-полны.
И над горным Карачаем
До весны витают сны.

Спит форель в глубоких ямах,
Сакли спят и спят сады.
Спит над ними в небо прямо
Поднимающийся дым.

Сонно-сонно. Даже солнцу
Наступило время спать.
Спи и ты, пока проснется
В крыльях жажда улетать.

1959

Деревянная чаша

Вот она,
Деревянная чаша, —
Предков моих
Заветный бокал.
За кунацким столом,
Деревянная чаша,
Мой прадед не раз
Тебя поднимал.

И горных обвалов
Неистовый гул,
Пастух крепконогий,
Пасущий отару,
И предков затерянный
В скалах аул.

Память – колдунья
Прядет неустанно
Воспоминаний
Суровую нить.
Отец мой,
Праправнук
                  седого алана,
Чаша,
Тебя завещал
                  мне хранить.

Сосны в ущельях
Шумят вековые,
Горы, как нарты,
В броне ледяной.
В могучие руки
Мои молодые
Время вручило
Подарок иной.

Жизнь вручила
Из золота чашу,
Наполнила творчеством
Душу мою,
Но память о предках –
Деревянную чашу
По заветам отца
Я с почётом храню...

1960

Аул Хурзук

Доктору технических наук,
профессору, поэту и переводчику
Исмаилу Алиеву

Над хребтами Кавказа
Пролетели века.
Край легенд и алмазов,
Где плывут облака.

Край ты снежного груза,
Самый первый наш звук.
У подножия Эльбруса
Ты гнездишься, Хурзук.

Над тобою веками
Храм стоит Мамия,
Как орёл над хребтами,
В звезд влюблённый, как я.

Ты героев Отчизна,
Генералов очаг,
Испытавший ты в жизни
Много горя в горах.

Неподвластное время
Скачет гордо вперёд.
Горцев гордое племя,
Здесь живёт мой народ.

Ловишь, как золотую
Рыбку, космоса звук.
Мне поёт дорогую
Песню речка Хурзук.

Здесь начало всё наше,
Здесь тюльпаны красней,
Здесь и девушки краше,
Поцелуй вкусней!

1960

Материнские думы

Туманом густым на крутые дороги
Под вечер падёте, незримо для нас.
В ущельях сердец притаились тревоги,
Живут ожидания в зеркале глаз.

И слёзы печали роняя ночами
В молчании хижин, светлиц и квартир,
Так долго не спите, следите очами,
Глядите, как звёзды, на дремлющий мир.

И видите дальние, дальние дали,
Пучины морей и оплечия гор.
О, матери думы, вы – чёрные шали,
Но светлым окном озарили простор.

Когда собеседник – погибших одежда,
Одежда пропавших на прошлой войне,
Вы снова живёте крупницей надежды
И счастливы кратким виденьем во сне.

И шарик планеты на вашей ладони
Мизинцем легко на оси повернуть.
И матери думы – крылатые кони,
Вам равен безбрежности пройденный путь.

И матери думы вместили подробно,
Объяли весь мир, как родное село,
И сердце, которое солнцу подобно,
Земле подарило и свет, и тепло.

1960

* * *

Лишь дерево рухнет, ответит скала
Рыдающим громом и вспышкой багровой,

Но яростной молнии грянет стрела,
И молча расколется камень суровый.

Так матери сердце ответит слезой,
А слёзы твои и на слово призыва,
Но собственной боли укол грозовой
Оно, как скала, сохранит молчаливо.

1960

Разговор с судьбой

Ты порой насмешливо смотрела,
Как метался я среди огня,
А потом придерживала стремя –
Помогла вскочить мне на коня.

1960

* * *

Пусть пляшет дождь, пронзая вышину,
Пусть всходят травы яркие повсюду,
Пусть ласточки несут с собой весну –
Весенний мир всегда подобен чуду.

Рождается земля весной вновь,
Забытой детской сказкой нас тревожа.
И чище потому весной любовь,
И сердце потому весной моложе.

Танцуй же, дождь, над грозною горой,
Сияй же, солнце, над простором милым,
Весенний гром, порадуй нас игрой,
Ты, молния, сверкай на небе мирном.

Всё равно наделён я завидным уделом,
И до смертного дня мне покоя не знать всё равно.
Словно лань на вершине под облаком белым,
То появится слово, то снова исчезнет оно.

1960

Себе

Если сердце твоё
Переполнено счастьем
И уже для сочувствия
Места в нём нет,
Если слово своё
Окрылить ты не властен, —
То скажу напрямик:
Ты ещё не поэт.

Если ты не взбирался
На снежную гору,
Не глядел,
Как клубятся внизу облака,
И не мёрз до костей
В злую зимнюю пору, —
То и цену весне
Ты не знаешь пока.

Если не прокличал ты
Беззвёздное небо
И рассвет после ночи такой
Не встречал,
И в разлуке
С землёю родимую не был, —
То и силу любви к ней
Ты не испытал.

Если мать в трудный час
Недовольна тобою
И с Отчизной своей
Не связал ты мечты,
И желанных гостей
Не встречаешь с любовью,
То и подлинным горцем
Не стал ещё ты.

Если ты не шагал
По дороге военной,
Не оценишь и
Мирный Отечества дым.
Если ливень тебя
Не хлестал белопенный,
То и в бурке пока
Ты не ведал нужды.

Если смотришь спокойно
В любимые очи,
Значит не опаленный,
Уже ты остыл.
Коль родимый народ свой
Ты любишь не очень, —
То счастья
Пока что не ведаешь ты.

1960

Отцовская бурка

Годы, что клин журавлей над горами,
С криком прошли и сокрылись во мгле.
Лучшие люди уходят с годами,
Мужество вечно живёт на земле.

Самое славное и дорогое
В песенных шумных хранится лесах.
Память горда именами героев,
Старые бурки остались в домах.

Бурка лохматая, с турьего рога
Свесилась добрая бурка отца.
Будто бы в детстве, стою у порога
Там, где на свете война без конца.

Горы седеют, и люди стареют,
Реки мелеют в ущельях родных,
Чёрная бурка от горя седеет,
Молча и праведно к ней я приник.

В доме храню я отцовскую бурку,
Годы, что клин журавлей, утекли.
Бурка отцовская светится, будто
Знамя Победы во имя земли.

1960

Белый снег

Куда уходит белый снег,
Когда весна приходит?
– Уходит в землю белый снег,
А в небе солнце бродит.

Что делать будет белый снег
Под чёрной почвой поля?
– Разбудит зёрна белый снег
И вызовет на волю.

А чем же встретит белый снег
Весенних птиц кочевья?
– Живёт на ветках белый снег,
Когда цветут деревья.

А чем же станет белый снег,
Когда совсем растает?
— Ручьём звенящим станет снег,
Весенней песней станет!

1960

* * *

Камней не видим под ногами,
А ведь настанет время им
Неумолимо встать над нами,
Как мы сейчас на них стоим.

1961

Моё гнездо

Мне снился сон вдали от гор, и в дальнем далеке
Седые горы видел я, был к ним лететь готов.
Я, словно с матерью родной на материнском языке,
Люблю с горами говорить на языке орлов.

Тебе вершины смотрят вслед, когда в горах идёшь,
Похож на материнский взгляд их добрый,
долгий взор.
С отеческою речью так орлиный клёкот схож,
Что мнится — сложены на нём все песни наших гор.

Мне вспомнился ветер гор, взмывающий, сквозной,
И водопады, и леса, и вековые льды.
Я на чужбине тосковал. Как ласточка весной,
Спешил к тебе, родной аул, в ущелье Теберды.

Нигде так солнцу не сиять и рекам так не петь,
Как здесь, в краю лесистых гор, пронзивших небеса.
Везде, в каких морях ни плыть, где я ни буду впредь,
Блеснут мне снежной белизной Кавказа паруса.

Мне снился сон вдали от гор, и в дальнем далеке
Седые горы видел я, был к ним лететь готов.
Я, словно с матерью родной на материнском языке,
Люблю с горами говорить на языке орлов.

1961

Озеро Тубанлы-Кёл

Ресницы солнца золотые
Целуют радужную гладь,
Хранят вершины снеговые
Средь острых скал природы клад.

В тебе пасётся звёзд отара,
Сходя по Млечному мосту.
Ручьи несут тебе в подарок
Свою любовь и чистоту.

И даже небу спорить трудно
С твоей глубокой синевой.
Я подсмотрел, как стадо турье
Идёт к тебе на водопой.

Люблю тебя, мой край суровый,
Орлиных крыльев взмах косой.
И терпких запахов еловых
Росою сдобренньй настой.

Меня в аул зовёт дорога,
Хотя торопит час ночной,
Стою у синего порога:
Расстаться трудно мне с тобой.

1962

Чучхурский водопад

Вершины белый бивень,
А ниже склон гряды.
И — ты,
Весь гром и ливень,
Гул камня и воды!

Вокруг скалы, словно зубры
Со снегом на рогах,
И, как дракона зубы,
Разбросаны в ногах.

Былых вершин обломки,
Обросшие травой...
И надо всем — твой громкий
И вечный голос твой!

Плечом приподнят горным,
Долиною любим,
Ты ночью — белый с чёрным
Днём — белый с голубым.

Сквозь искристую роздымь,
Высоко, как салют,
В тебе играют звёзды
И радуги встают.

И сразу, как проснётся,
Под птичью трель и звон,
В тебе ныряет солнце
И плещется весь день.

Среди глядящих многих
Свой след вминаю в снег,
Как будто ветроногих
Тарпанов¹ слышу бег.

¹ Тарпан — сильная, выносливая лошадь.

Высь рядом голубая,
Мощь снеговых громад,
И музыкой Домбая –
Чучхурский водопад!

1962

Домбайские водопады

Как из подземелья
Слышен гул волны –
Горные ущелья
Музыкой полны.

Зубрами застыли
Скалы под снегами,
Ливни золотые
Проколов рогами.

В гулких водопадах,
В солнечных лучах
Мириады радуг
Бьются на мечах.

В звуках битвы – рокот,
Дикий плач со смехом
И орлиный клёкот
Вперемежку с эхом.

Если пересохнут
Водопады вдруг –
Радуги оглохнут
И ослепнет звук.

Скроет ли отроги
Дымка голубая –
Вспомнится в дороге
Музыка Домбая.

1962

Снежный мост

Там, где луг пестрел в цветах,
Где трава в олений рост,
Летом в знойный день в горах
Мальчик видел снежный мост¹.

И под солнышком сверкал
Будто весь из серебра.
Любовалась среди скал
Им высокая гора.

Мальчик видел как старик
Рано, рано по утрам
Гонит стадо напрямик
Через мост, как по горам.

Он над горною рекой,
Словно мраморный, белел.
Может нарт своей рукой
Чудо строить здесь сумел.

Удивлён малыш Унух,
Задаёт такой вопрос:
– Кто же, бабушка-пастух,
Тут построил снежный мост?

– Помню, раннею весной
Над потоком твёрд и прост
Был лавиною большой
Здесь построен снежный мост.

1962

---

¹ Поэт так поясняет эту сказочную игру природы: «Снежная лавина обрушилась с высокой горы на горное ущелье, где протекал бурный поток. Его волны пробивали себе тоннель снизу, а холодная спрессованная снежная масса оставалась над потоком. Через нее летом в июне я перегонял коров, овец, телят, ягнят на другой берег, где пестрели альпийские луга. Снежную массу горцы называли снежным мостом» (Из письма автора редактору-составителю).

Мы времени книгу листаем

Уносится осень в зеленые тёплые дали,
Повсюду оставив отметины жёлтых следов,
Мы времени книгу листаем, теряя детали,
И листья теряет деревьев семья и кустов.

И снова мосты навели журавлиные стаи
Над реками осени, к звеньям прибавив звено,
Мы времени книгу листаем, теряя детали,
Поля опустели, долины затихли давно.

Шуметь в небесах журавлиные крылья устали,
Уже за горами не видно кочующих птиц.
Мы времени книгу листаем, теряя детали,
Не чувствуя, сколько ещё нам осталось страниц.

Живые лучи по вершинам едва побежали,
Слегка осветили их снежный наряд в вышине,
Мы времени книгу листаем, теряя детали,
И счёт потеряли пробившейся вдруг седине.

И, словно полны неподдельной, высокой печали,
Над цепью снегов, как мечты, протекли облака,
Мы времени книгу листаем, теряя детали,
И зрелости ждём, но граница её далека.

И день на исходе, и многое мы потеряли,
И новые всюду могилы встают и кресты,
Мы времени книгу листаем, теряя детали,
И только не тронут души моей том и мечты.

1963

Берёза и ласточка

Как только рассвет на Эльбрусе расплавится,
Берёза в окошко моё постучит.
У ласточки ласковой крылья расправятся
И щебет её над землей прозвучит.

Окно распахнув, я берёзу приветствую,
Приветствую ласточек утренний хор.
Над миром пылает, святая, приметная
Заря на вершинах родных моих гор.

И ветви берёзы зашепчутся ласково,
Река по ущелью ускорит свой бег...
Берёза белая
И чёрная ласточка,
Без вас
разве может, прожить человек?

1963

Эльбрус

Николаю Тихонову

Как белый тур, обвеянный снегами,
Привязанный охотником к хребту,
Ты держишь небо над землёй рогами,
Рогами отгоняешь темноту.

Твои утёсы – в праздничном уборе,
Рассветным отливают багрецом.
Ты кажешься мне праотцом нагорий,
Седобородым, древним мудрецом.

Когда твоя громада снеговая
Издалека мне посылает взгляд,
Мне кажется, что мать ещё живая,
И возвратился с поля битвы брат...

И, высоко приподнимая туры
Кремнистые рога, глядишь в простор,
И разгоняешь тьму ненастной хмури,
И солнце к нам приводишь из-за гор.

1963

Золотой Худес

Течёт поток, бежит он неустанно,
Несёт долинам радостную весть
О том, что песня утра перевозданна,
О том, что в ней любовь и счастье есть.

И музыкой наполнены до края
Громады скал и синева небес,
Я вечный пленник Эльбрусского края,
Где спешит к Кубани золотой Худес.

Мой соловей поёт в лесу зелёном,
Волшебный звон зовёт зарю к реке.
Прекрасен день в моём краю весёлом,
Стоит Эльбрус совсем невдалеке.

1963

Река Азгек

Вдали от гор печальными глазами
Я видел в мире много славных рек.
Но пахнет детством, первыми цветами
Ущелье, где шумит родной Азгек.

Бежит тропинка белая турёнком
Высоко в горы, в перевозданный снег,
И мне в глаза доверчивым ребёнком
Глядит незамутнённо мой Азгек.

Свой голос слышу у его истока,
И скрип родных прадедовских телег.
На палке скачет мальчик чёрноокий
У родника, где начался Азгек.

Глубокими глотками не однажды
Там воду пил джигит Хаджи-Абрек¹.
Живи и здравствуй утоленьем жажды
Моей земли, клокочущий Азгек!

Ты пенишься в теснинах исполинских,
Бессмертен гул, неукротим твой бег,
Ты скачешь, словно всадник тебердинский,
На песенный турнир, родной Азгек.

Вдали от гор я повидал под небом
Немало добрых и глубоких рек.
Ты пахнешь детством, молоком и хлебом,
И первыми цветами мой Азгек.

1964

Родина

Без тебя я – бескрылый орёл,
Без тебя я – ущелье безводное,
Без тебя я – себя б не обрёл,
Без тебя я – растение бесплодное.
Без тебя я – потухший очаг,
Без тебя я – что сакля пустая,
Без тебя я – давно бы зачах,
А короче – ничто без тебя я.

1964

¹ Хаджи Абрек – герой поэмы Михаила Лермонтова «Хаджи Абрек», посвященной древнему карачаевскому аулу Джемат.

Разговор с покойным другом

*Назиру Кагиеву,
поэту и врачу*

Погасшая звезда не загорится,
В сухой реке не запоёт вода,
В пустынном небе не сверкнёт зарница,
Твой голос не воскреснет никогда.

Я жажду соловьиного напева,
Смолк соловей, весенний сад отцвёл.
В густом лесу ищу родное дерево,
Чернеет пень, повален крепкий ствол.

Я с гор принёс в твой дом слова привета.
Застыл очаг, забывший об огне,
А ты глядишь задумчиво с портрета,
Но что ответит фото на стене?

В толпе десятилетий и мгновений
Потерян голос и растрочен пыл.
Раскрыл тетрадь твоих стихотворений...
Как прежде ты со мной заговорил.

1965

Табунщик

Слепящие вспышки мгновенны и строги,
В горах над Эльбрусом всё небо в огне,
И сердце орла в необъятной тревоге
В гнезде над ущельем, в седой вышине.

Гроза громыхает. Мгновенье настало:
Сомкнулись потоки, сливаясь в падун.
И чёрные тучи упали на скалы,
И в страхе помчался к обрыву табун.

Ты скачешь верхом на коне тёмногривом
Стрелой между пропастью и табуном,
И лошади ржут, подвигаясь к обрыву,
И снова гроза полыхает огнём.

И сердце твоё замирает тревожно,
Бесстрашное, сильное сердце орла.
Храпит над обрывом твой конь осторожный,
И молнией белой сверкает стрела.

На горы легли уже чёрные тучи,
Слепяще дрожат громовые лучи,
Ревёт и беснуется ветер летучий,
Колхозный табун ты спасаешь в ночи.

Орла не спугнёшь грозовыми ветрами,
И молнии не испугают орла.
И клёкот орлиный звучит над горами,
Гроза на вершинах костры разожгла.

1966

Теберда

Всю красоту земли огромной,
Весны бессмертной и мгновенной
И краски утренней зари,
В миг незапамятный и тёмный,
В день сотворения Вселенной
Дарил тебе титан Тейри¹.

Меня с легендой чудесной
Знакомил, как причастный чуду,
Рассказчик мудрый и седой.
Он говорил, что в поднебесье

---

¹ Тейри — бог неба в карачаево-балкарском языческом пантеоне.

Зовётся исстари повсюду
Тейри творенья – Тебердой¹.

Века уходят без возврата,
Но в ночь забвения глухую
Цветут легенды под луной.
О, как был щедр Тейри, когда-то
Отчизну давший нам такую...
Не надо Родины иной!

Красноречив был прародитель,
Придумавший её название,
И позабыть его нельзя.
Не он ли – первый мой учитель?
Не от него ль пошли сказанья
И песен звонкая стезя?..

И в сердце моего народа,
Умельца и языкотворца,
Цветёт сокровищница слов,
Передаётся год от года
Из сердца горца в сердце горца...
Я к ней искать пути готов.

Пока народ живёт на свете,
Его сокровище хранимо
И песня первая живёт...
Там самоцвет на самоцвете
Горит, горит неутомимо,
Певца, и рудознатца ждёт.

Недаром красоту Вселенной,
И радость трепетную жизни,
И краски утренней зари
Державной данью вдохновенной
Ты подарил моей отчизне,
Хозяин неба, бог Тейри.

1967

---

¹ Теберда – в переводе с карачаево-балкарского означает божий дар.

Матери

Наверно, этой ночью наши горы
Укроет белой буркой снегопад.
Легко крылу орлицы, под которым
Орлята подрастающие спят.

А твой орёл погиб – тебе не спится.
Погиб, а у детей – своё житьё.
Ну как не позавидовать орлице
И тем птенцам, что около неё?

Пускай вдали я от родного края,
Мой стих туда стремится, где впотьмах
Молитвы обо мне не замирают
До звёздочки последней в небесах.

Я помню, ты стояла на тропинке,
Сжимала посох смуглая рука.
Я видел, ты слезинку, как росинку,
Смахнула краем горского платка.

Печальна ты – глаза мои с рассветом
Не различают солнечную нить.
А если улыбнёшься – вся планета
Спешит твою улыбку повторить.

1967
Берлин

Ливень в горах

Константину Симонову

И облака идут всё дальше в горы,
К Эльбрусу, их вождю и тамаде,
И меж собой ведут переговоры
О долгожданном ливне, о дожде.

Ударил гром над гребнем Бермамыта –
Сигнальный выстрел синей высоты.
Гора фатой туманною повита,
Как бы горянка, Апсаты¹.

И снова в небе прокатился выстрел,
Глухой, как ржанье дикого коня,
И всадник-ливень разом рысь убыстрил
И ринулся, поводьями звеня.

Но по пути, мы вместе с ливнем скачем
Из Кисловодска в Малый Карачай.
Журчат ручьи то с хохотом, то с плачем,
И вторит плеску пенье птичьих стай.

И Лермонтова помнящий Подкумок
Гудит в ущелье, разрывая тьму,
Стремится к морю и светлеет в думах,
И парус белый чудится ему...

Спешим туда сквозь грозы и теснины,
Где выше горы, где белее снег,
Где зеленеют травы Бийчесына
И табунов неукротим разбег.

Шумят луга — ковёр весны широкий...
За буйволами движется арба,
Бегут навстречу буйные потоки,
И речь громов торжественно-груба.

И вот остался ливень за плечами,
Внизу джарла², мы вышли из жерла...
Живые звезды теплятся свечами,
Привал — в пещере, под гнездом орла.

---

¹ Апсаты — мифическая покровительница гор и лесов, богиня охоты.

² Джарла — название оврагов, буквально — овраг.

На пастбище ночном высокогорном -
Байрам¹ Победы, горцы ждут гостей.
Там хоровод ведут джигиты в чёрном,
Плывут горянки станом лебедей.

И вот Эльбруса вспыхнули отроги,
Остановились наши скакуны.
Несут чагыр², кипящий в турьем роге.
...Мы пьём за невернувшихся с войны.

Белая Овечка

Здесь, среди теснин, видна
Маленькая речка.
Называется она
«Белая Овечка»³.

Стережет её гранит —
Каменные стены.
Серебро воды звенит
В обрамленьи пены.

Речка звонкая поёт
Голосом кобуза⁴.
Струи светлые несёт
С ледников Эльбруса.

Не состарили года
Реченьку снегами
Пахнет сладкая вода,
Горными цветами.

---

¹ Байрам — праздник.

² Чагыр — вино.

³ По-карачаевски буквально: «Белая барашка». Название одной из горных речушек под Мухинским перевалом, где родился поэт. Перед кошем, домиком животноводов Хубиевых, они сливались в одну речку.

⁴ Кобуз — гармонь.

Пляшет летом и зимой,
Льётся водопадом
И беседует с луной
И со звёздным стадом.

Всё рокочет в тишине
Маленькая речка.
Снится детям при луне
Белая Овечка.

* * *

Когда судьба то птицей, то растением
Меня формует сорок раз на дню,
Гранитом буду – обросту терпением,
Снежинкой стану – свежесть сохраню.

Зерном проснусь, и колос встанет спелый,
Ручьём пробьюсь – напев исполню свой.
Судьба моя, со мной что хочешь сделай...
Не разлучай с моей землёй родной!

1968

Явился я на белый свет

Явился я на белый свет
В распахнутую даль,
Чтобы познать на гребнях лет
И радость и печаль.

Явился я на белый свет—
Кавказа вольный сын,
Чтоб силе духа — не секрет—
Учиться у вершин.

Явился я на белый свет
И говорю: «Живи!»
Тому, чему исхода нет
В отваге и любви.

Явился я на белый свет
Пожизненно гореть,
И мир, который был воспет
По своему воспеть.

Явился я на белый свет,
Чтобы презрев обман,
Найти для мира амулет
От бед его и ран.

Явился я на белый свет
И, человек земной,
Стремлюсь оставить в жизни след
Под жёлтою луной.

1969

В небе родины

Где в небесах
Для птиц граница?
Но в небе родины сильней,
И гулче сердце будет биться,
Родное солнце светлице,
Под этим солнцем жизнь светлей.

Когда летят к отчизне птицы,
Не знают устали крыла.
И журавлей, как разгорится
Вдали родной весны зарница,
В дороге не задержит мгла.

1969

С Эльбруса я пришёл

Из царства гор, где песня водопада
Очаровала некогда Карча¹,
С Эльбруса я пришёл... И льдов прохлады
Мне шлёт привет рассветного луча.

И новым солнцем синь вершин объята,
И встали горцы в утреннюю рань,
И камень гор для них дороже злата,
Куда красивей серебра Кубань!

Поёт зурна о подвигах, и строго
Задумались немеркнущие льды,
И помнит горцев доблестных дорога,
И камни сохраняют их следы.

Доныне наши славные места
И Лермонтова помнят, и Коста².
Ещё живут свидетели былого,
Поившие айраном Льва Толстого...

Здесь даже сакли строят из гранита,
Хранят в груди потоков голоса...
В ракетах устремленье не забыто
Утесов, обращённых в небеса.

Из царства гор, где песня водопада
Очаровала некогда Карча,
С Эльбруса я пришёл... И льдов прохлады
Мне шлёт привет рассветного луча.

1969

---

¹ Карча — легендарный родоначальник карачаевского народа.

² Коста Хетагуров — великий осетинский поэт. Ему было 11 лет, когда его отец Леван навсегда переселился из Северной Оссетии в Карачай в 1870 году.

Я живу, если к высям порою иною
Устремляюсь,
О камни изранив ладонь.
Я живу, если стелется конь подо мною,
Лишь впервые сегодня осёдланный конь.

Я живу, если снова рождению рассвета
Всем своим существом
По-мальчишески рад;
Если с грустью гляжу,
Как над древней планетой,
Горы держат и небо, и тихий закат.

Я живу, если женщине лучшей не чужды
Ни огонь в моём сердце, ни наше жильё;
Если служат большой
Человеческой дружбе
И моё откровенье, и слово моё.

Я живу, если белым цветеньем рябины
Растревожен до боли,
Взволнован до слёз;
Если, словно бы горные реки долинам,
Чистоту сокровенную людям принёс.

Я живу, если кручи,
Дремавшие сонно,
Пробуждает весной неожиданный миг;
Если снова ликует беспечное солнце
В широко распростёртых объятых моих.

Я живу, если вижу
В родном поднебесье,
Как орёл высоту набирает вдали;
Если мне удаются счастливые песни
О любви, о мужанье, о судьбах земли.

Осенняя акварель

Так нежно неба синева струится
Над белизною снеговых высот,
Плывёт заря, как розовая птица,
И пламя с крыльев золотом течёт.

Багряный цвет горит на горных склонах,
Рябиной алой полыхнул костёр,
Пасётся тур в лугах светло-зелёных,
Орёл над миром крылья распростёр.

Олений клич звучит напомниманьем
О майских днях, но тают на лету
Отряды птиц в воздушном океане,
И грустно опустевшему хребту.

Но я слежу за стаей журавлиной
И вижу возвращенье журавлей...
Цветы нагорья над родной долиной
Сверкнут ещё багряней и белей.

Бежит ручей полянами, лугами,
Берёзы мягко светятся во мгле,
И ласточка пронесит над снегами
Письмо весны на маленьком крыле.

1969

Золотой лист

Короче день, длиннее ночь.
Желтеют склоны гор печально,
И уносясь куда-то прочь,
Лист золотой горит прощально.

Уже берёза поутру,
Когда придёшь её проведать,

Спешит, качаясь на ветру,
Тоску осеннюю поведать.

Курлычут в небе журавли
И, плача, в сизой дымке тают.
Но прежде, чем пропасть вдали,
Они сквозь сердце пролетают.

Сквозь сердце... А под облака –
Потом. И крылья их, как руки,
Всё машут мне издалека...
А в небе желтизна разлуки.

Эх, птицы, был я дольше вас
С горами разлучён родными,
Но сердце, помню, как сейчас,
Лишь ими наполнилось, лишь ими.

Не потому ли дорог мне
Лист, золотым огнём горящий,
В родимой горной стороне
С родной берёзой говорящий.

Кружась, летит он меж ветвей –
Неодолим закон природы,
И с дерева судьбы моей,
Знать, так же опадают годы.

Да, я сегодня осознал,
Что лето, прошумев по склонам,
За самый дальний перевал
Умчалось на коне зеленом.

Все песни осени слились
В одну, широкую, большую...
Спой, золотой осенний лист,
Мне эту песню золотую!

1969

Орлёнок

Часто, часто по ночам
Видится моим очам:
Явь ли это или сон,
В полдень на мою ладонь
Орлёнок сам садится.
Горбонос, упрямя, когтист,
Крылья – две лавины,
Зоркий взгляд его скалист,
Полн огня рябины.
Сам себе твержу: держи,
Хоть держать и трудно.
Белокрылый, ты скажи,
Чей ты и откуда?
Из каких орлиных стай?
Шепчет солнце: — Не гадай!
Да, тебе с недавних пор
Сон волшебный снится:
У тебя, у сына гор,
Должен сын родиться.

1969

Свет вершин

Скалы древние спят, как усталые горные боги,
Снятся белым берёзам туманные белые сны.
Свет огромной луны заливаает хребты и отроги,
В белых яблоках кони. Хмельные потоки весны.

Золотого огня первобытный и звонкий обломок
Был оторван от солнца крутой богатырской рукой,
И царит в очагах вековой победитель потёмок,
Свет могучего нарта, дарящий тепло и покой.

Свет прекрасных очей, ожидания отсвет лучистый,
Путь суровых мужей озаряет призывным огнём,

А в глазах матерей мир чудесный, нетронуто чистый,
Где проносится всадник то с белым, то с чёрным конём.

Свет высоких вершин я зову незакатной звездой,
Обагрят заря мутноводный разлив снеговой.
И тюльпана поклон ярко – радужный всплеск над волною,
Как далёкий привет, на мгновение послан тобой.

Белый свет водопадом обрушился с чёрного неба
Звон кинжала в нём слышу и яростный топот коня.
Голос мастера слова и руки создателя хлеба
Я привык узнавать в ослепительном блеске огня.

Свет небесной тропы, где на первое шёл я свиданье,
Сохраню навсегда, в это чистое пламя влюблён.
И струится с небес, из тревожных глубин мироздания
Колыбельная песня, знакомая с первых пелён.

И погаснет огонь человеческой жизни мгновенной,
Но останется свет, словно пламени самая суть.
Свет угасшей звезды, свет негаснущего сердца Вселенной
Осветит в небесах человеческий доблестный путь.

1970

Родному народу

Ты без хлеба зимой оставался, бывало,
Но без песни ни дня не остался, народ.
Пусть удачи порою тебе не хватало.
Только с мужеством ты не расстался, народ.

Если песня нужна, чтоб идущий по скалам
Эту песню запел, буду песнею я,
Если нужен кинжал тебе, стану кинжалом,
Чтоб врагов побеждала Отчизна моя.

1970

Кисловодск

На земле благодатной кавказской,
Достигая вершин красоты,
Небывалой волшебною сказкой,
Солнцем ласковым кажешься ты.

Окружён ты горами уютно,
Не страшны тебе ветер, мороз.
В твоих парках всегда многолюдно,
Ты – букет расцветающих роз.

Кисловодск – это солнечный город,
Город нежных и ласковых струй,
Как цветок¹ Кисловодья, ты молод,
Словно первой любви поцелуй.

Эталон несказанной природы,
Где единой семьёю живут
Моей Родины гордой народы
Тебя городом дружбы зовут.

1970

День рождения дочери

Мадине

Пробудитесь цветы вслед за птицею,
Взмывшей к сини весеннего дня!
Солнце утра встаёт светлолицее,
Колокольчиком гулко звеня.

Плещут волны рассветного холода
Серебром соловьиных речей,

---

¹ В культурах народов мира мы находим обилие цветов, выступающих символами вечной молодости и бессмертия (прим. сост.).

Одуванчика пенится золото,
И журчит пробуждённый ручей.

Просыпайся же, солнце рассветное!
К нам пришло и рассеяло сны
Утро светлое, утро заветное
С золотыми цветами весны.

Повтори же мне в утро весеннее
Голос ветра, журчанье ключа,
Отражая подснежников пение,
Нежной ласточкой щебеча.

1970

Мой кунак

Даниилу Долинскому¹

Когда весной, прозрачной и туманной,
Щебечут птицы над гнездом моим,
Спешу ко мне ты, мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

И летом, когда солнцем осиянный,
С пером жар-птицы день в горах сравним,
Спешу ко мне ты, мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

Я жду тебя, и осенью багряной,
Когда печальный лес неповторим
Спешу ко мне ты, мой кунак желанный,
На языке орлов поговорим.

И в час, когда повалит снег нежданный,
Путь для тебя к нам в горы проходим.

---

¹ Долинский Даниил Маркович – ростовский поэт, переводчик.

Спешу ко мне ты, мой кунак желанный!
На языке орлов поговорим.

1970

Кому дороже сон

Младенцу, что видит в своей колыбели
Цветные и звучные первые сны,
Иль тем матерям, что давно поседели
Чьи дети домой не вернулись с войны?

Тому, кто во сне затоскует по дому,
По снежной зиме и зелёной весне...
И всё же всех больше сон дорог слепому:
Он видит вселенную только во сне.

1971

Чёрный сон

Чёрное солнце садится на нашем дворе,
В мире полднемном черно – ничего не видеть,
С горя чернеет серебряный снег на горе,
Сердце чернеет, как снег, –
Умерла наша мать.

Только вчера я богат был.
Я беден сейчас!
Мамины руки не будут меня обнимать.
И на душе тяжело, беспросветно у нас,
Рушатся горы души –
Умерла наша мать.

И облака, опускаясь до самой земли,
Стелются, плачут –

Рукой их можно достать, —
Будто бы скорби небесной, белея,
Плывут корабли
Над почерневшей травой...
Умерла наша мать.

Горе разрезало душу рекою Бедой.
Как далеко ты ушла — не найти, не догнать.
Нынче в горах снегопад, и метель над тобой.
Как тебе холодно, зябко под снегом лежать.

Чёрный мой день в опечаленном доме настал.
Кто меня выйдет теперь у калитки встречать?
В мире большом умирает начало начал,
Если уходит тебя породившая мать.

1971

В ночь смерти матери

Баллада

В душе моей рухнули тысячи гор,
И солнца погасли навек,
Расплавился камень, и стонут с тех пор
В душе моей тысячи рек.

В душе моей рухнули тысячи гор,
Рассвет с тёмной ночью в борьбе,
Погас материнский очаг, и с тех пор
Лишь ветер рыдает в трубе.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И тысячи песен тогда
Замолкли, не вышли на вольный простор,
И мной овладела беда.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И жизнь сократилась моя,
И вместе со мною рыдают с тех пор
В родимом ущелье друзья.

В душе моей рухнули тысячи гор,
Погасла вдруг тысяча звёзд,
И тысячи бед в моём сердце с тех пор
Нашли себе тысячу гнёзд.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И столько ж цветов полегло,
И тысяча взлётов убито в упор
Из тысячи чёрных стволов.

В душе моей рухнули тысячи гор,
Ночь долгая в тысячу лет
Настала, о, сколько слезинок с тех пор
Я пролил, и счёта им нет.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И столько ж волос в серебре,
И тысячу воронов вижу с тех пор
На вишне твоей во дворе¹.

В душе моей рухнули тысячи гор,
И вспенились тысячи рек,
И тысячу слов мне сказали с тех пор,
Какой моя мать — человек.

1971

---

¹ В г. Карачаевске по улице Халилова, 21 — перед домом Хубиевых росла мамина вишня, которая славилась сладкими ягодами. Летом больная мама любила лежать под этим деревом и угощать вишнями всех, кто приходил её проведать. Она умерла в декабре 1971 года. Весной следующего года дерево высохло. (*Примечание автора.*)

У очага

Внимала мне вершина, в окна глядя.
Сияли звёзды над зубцами скал.
Стихи из школьной маленькой тетради,
Свои стихи я матери читал.

Как счастлив был тот мальчик, вдохновенно
Стихи читавший, -- и не мог устать!
А в очаге лизал огонь полено,
И нежно на меня глядела мать.

И вновь над саклей вьются кольца дыма,
Вновь пламя обхватило головню...
И, как бывало, матери любимой,
Стихи читаю -- жаркому огню.

Нет матери -- и сакля стала ниже,
Поблекшим звёздам так уж не сиять,
Но вновь ложится на пол отсвет рыжий,
Стихи огню читаю я опять.

Как будто бы осталась в нём частица
Её тепла, тепла её души,
И солнце детства ласково лучится...
Не исчезай, помедли, не спеши!

Летят года и машут мне крылами,
Их веренице вслед гляжу с крыльца,
И мечется, изнемогает пламя,
Как птица, потерявшая птенца.

Тебя уж нет. И сердце мне пронзила
Разлуки боль в ущелье Теберды.
Едва мерцают надо мной светила,
Полна печали песнь живой воды.

Мне кажется, что в этот час печали
Стал медленней потока бурный бег,
Мне кажется: вершины ниже стали,
Прохладной – солнце, и темнее – снег.

Но там, где пламя полыхает ало,
Я молча сяду, голову склоню.
И, как любимой матери, бывало,
Прочту стихи струистому огню.

1971

Подкова

В день 60-летия со дня рождения
Керима Отарова,
народного поэта
Кабардино-Балкарской Республики

Как месяц, отражённый родниковой,
Серебряной, лучащейся водой,
Лежит в горах старинная подкова
Как знак судьбы и памяти живой.

Подкова, как судьба была сурова!
Жестокий дождь и снеговая мгла...
И солнце жгло всё вновь, и вновь, и снова,
Но ржавчина пристать к ней не могла.

Подкова, ты – судьба, и оттого-то
Потомки нартов именем «налчык»¹
Град, где гостям распахнуты ворота,
И нарекли в мечтаниях своих.

---

¹ «Налчык» (г. Налчык) – в переводе с карачаево-балкарского означает подкова.

В день бездорожья, в чёрный час ненастья,
Промчавшись сквозь огонь, пройдя туман,
Подкову заблудившегося счастья
Ты по земле искал, как талисман.

Взошла звезда в миг нашей краткой встречи,
Горит звезда – твоя судьба, Керим,
Шумит поток в ущельях горской речи,
Балкарской песни свет неугасим.

Желаю счастья городу и дому,
Чтоб вечен был подковы четкий след,
Чтоб вышел ты навстречу мне, седому,
С улыбкой и вином спустя сто лет.

1972

У могилы матери Кайсына Кулиева¹

Твой путь нелегкий укрывал туман,
Потушен был лавинами очаг,
Но ты – с надеждой шла Узеирхан,
Что завтра будет солнечным в горах.

Встречались в жизни холод и жара,
Легли на спину тяжести войны,
Но ты стояла, как сама гора,
Ожидающая ранней весны.

¹ Впервые это стихотворение было прочитано 11-го ноября 1977 года в ауле Верхний Чегем на митинге, посвященном 60-летию со дня рождения Кайсына Кулиева. Поэт слушал стоя и вытирал слёзы в присутствии Чингиза Айтматова, Сергея Михалкова, Михаила Дудина, Мустая Карима, Зульфийи, Карло Каладзе, Наума Гребнева и др. В заключение он обнял меня и поцеловал. (Примечание автора.)

Тебя терзали голод, нищета,
Пришлось немало испытать всего,
Но не погасли солнце, доброта,
Земная щедрость сердца твоего.

Характер был твой добрый, золотой,
Его в наследство получил твой сын,
Поэт великий, человек простой
Учитель мудрый, пламенный Кайсын.

Всегда Отчизне верен, как тебе,
За нашу землю проливал он кровь.
Скалой гранитной становясь в беде,
К родному краю сохранил любовь.

Сегодня я приехал на байрам¹ —
Исполнилось Кайсыну шестьдесят,
Но прежде, чем его обнять, горам,
Тебе, я должен поклониться, мать.

Но нет тебя, добрейшая, в живых —
В ауле древнем я нашёл погост.
Была святою ты среди святых,
Но я об этом не скажу здесь тост.

Я только молча кланяюсь земле,
Где горы держат на плечах зарю.
Спасибо трижды, Женщина, тебе,
За всё его добро тебя благодарю!

1977

Терек

Своих ущелий пленник одичалый,
Через века промчавшийся прибой,

---

¹ Байрам — праздник, торжество.

Ты вечный бой ведёшь в горах Дарьяла
И катишь грохот волн перед собой.

Ты пролетаешь над хребтами громом,
Как полымя, прокладывая путь,
Гранитный град сметаешь волноломом,
И облаков проламываешь грудь.

Ревут быки – береговые скалы,
Готовы к столкновению их стада,
Но ты, Кавказа пленник одичалый,
Ты бегом разделил их навсегда.

Качнулись воды, вспенились, вздохнули,
И всплеском белизны заслонены
Луна и солнце в грохоте и гуле,
Под плач, и смех, и пение волны.

И Лермонтов поёт о днях Тамары,
И голос сердца с гулом бури слит,
И внемлет небо, и зажглись Стожары
И вновь звезда с звездою говорит.

1971

Койшаурская долина

Осенней Койшаурскою долиной
Я проезжал перед началом дня.
Дремали облака. Спал снег вершинный,
Долину белизною осеня.

Спала земля, уставшая от песен,
От переплеска света и теней.
И, мне казалось, снам её был тесен
Весь звёздный мир, мерцающий над ней.

И вот уже снега зарозовели,
Шепнулись листья, будто в этот миг
Ущелье вспоминало Руставели,
Легко шурша листьями его книг.

На древних холмах Грузии осенней
Открылись мне багряные леса,
И грустью увядающих растений
Встающий день туманил мне глаза.

Но водопада шум в знобящей рани
Мне несказанно душу теребил,
Как будто слышал я полёт Мерани,
И был потока звон - как звон удил.

И у дороги рощица пылала,
И мне её огонь напоминал
Костёр того давнишнего привала,
Где Лермонтов под буркой ночевал.

Вставало солнце. Таяли росинки.
И склон ясел, что был спросонья хмур...
И долго-долго был, как взгляд грузинки,
Мне светел путь в долине Койшаур.

1971

Предание о Казбеке

Теснины скал, одетых сонным снегом,
В дремоту погружаются во мгле,
И горный вихрь, пресытившийся бегом,
Как юный горец дремлет на скале.

Спят горы, недоступные от века,
И ночь течёт, как медленный напев,
Не полыхают жарко льды Казбека,
И небеса алеют, просветлев.

По снежным крыльям сводчатое небо
Стекает звонким лунным серебром...
Мне слаще мёда и дороже хлеба
Родных потоков перекатный гром.

О, гул легенд и песен о Казбеке!
Я их слова в дороге повторял,
И пели в лад стремительные реки,
И пенным струнам отвечал Дарьял.

... Скитались гуси дикие когда-то,
Один из них спустился и отстал,
И стая не заметила утраты,
Не оглянулась на уступы скал.

Растаяли в струе лазури гуси,
Окаменел оставшийся один.
И брата распознал в седом Эльбрусе,
В семью вершин вошёл, как властелин.

Высок полёт пришельца над горами,
И недвижим его алмазный снег,
Пылает ровно ледяное пламя,
Глядит на звёзды дикий гусь, Казбек.

1971

Дагестан

Там, над хребтом, рыдания гул,
Чёрной буркой ложится туман.
Глядя на горы, плачет Расул
О прошлом твоём, Дагестан.

Там, над планетой, гнездится аул,
Птицы волшебной полёт ему дан.
Песню отца продолжает Расул,
Светит огнями в горах Дагестан.

Ветер суровый навеки уснул,
Исчезли следы твоих ран.
Песню двадцатого века Расул
Поёт в «Журавлях», Дагестан.

1980

Азербайджан

Таёт ночь над каспийской волной,
Рассыпается синий туман,
Расстилается передо мной
Расцветающий Азербайджан.

От Эльбруса – поклон и привет,
Труд крестьян твоих и горожан
Благодатен, так пусть твой рассвет
Будет радостным, Азербайджан!

Будут сказкой восточной пиры,
Будет сок виноградный багрян,
Потекут, как напевы, ковры,
Яркокрасочный Азербайджан!

Из Шемахи уходит в Дербент
Светло-розовых туч караван.
Развернулся, как свиток легенд,
Пламенеющий Азербайджан.

Вижу с башни крутой Кыз-Кала¹:
Гневом Каспий седой обуян.
И над пеной валов проплыла
Чайка белая, Азербайджан.

---

¹ Кыз-Кала – бакинская «Девичья башня», с которой, по легенде, бросилась в море заточенная красавица.

Помнит башня и помнит вода
Косы чёрные, девичий стан.
И как в море упала звезда,
Помнит молния, Азербайджан.

Здесь грядущим векам Низами
Драгоценный оставил дастан¹.
Гордо имя его назови,
Очарованный Азербайджан.

Был в селении я Салахлы,
Где родился Самед-великан²,
Где несли его песни орлы
Над вершинами, Азербайджан.

А в глубинах подземных пород
Чёрной нефти бурлит океан.
Чайка парусом белым несёт
В утро новое, Азербайджан.

Ты плывёшь под счастливой звездой...
Над цветами весенних полян,
Ты поёшь, соловей золотой,
Торжествующий Азербайджан!

1971

Мои годы

Это не птицы в небе осеннем,
Это годы мои летят.
Птицы вернутся порою весенней
Годам моим нет дороги назад.
Огонь их сжигает быстро, дотла.

---

¹ Дастан — стихотворная повесть.

² Имеется в виду выдающийся поэт Азербайджана Самед Вургун.

И было ль тепло хоть на мгновенье
Кому-то у моего очага?
Годы мои ушли молодые,
Ушли, как по рекам, как по дорогам.
Их не задержат горы в сугробах.
Наступит в ущельях глубокая осень,
Выпадет снег, и юность пройдёт.
Я буду рекой, станет пеною проседь,
Станет волной каждый прожитый год.
Годы мои, как сухие поленья,
Огонь их сжигает быстро, дотла.
И было ль тепло хоть на мгновенье
Кому-то у моего очага?

1969

Луч солнца

Павлу Селегею,
директору Пятигорского музея
М. Лермонтова

Лермонтов – небо без грома и туч,
Вечный источник доброго света.
Лермонтов – солнце, а ты его луч,
Греющий скромный домик поэта.

Лермонтов – море, ты капля его,
Ставшая частью звёздного груза.
Лермонтов – горы. Он выше всего,
Парус белеющий – сердце Эльбруса.

Лермонтов – небо без грома и туч.
Вечный источник доброго света.
Лермонтов – солнце, а ты его луч,
Греющий скромный домик поэта.

1974

Легенда о луне

Затмение луны встречает медный звон,
Стучит ночной аул в звенящие тазы...
Хотел бы съесть луну небесный смерч, дракон,
И караульные давно уже заснули псы.

Но частый стук земли услышал небосвод,
И снова светит месяц молодой.
Но кто тревогу в свой черёд пробьет,
Чтоб уберечь от смерча шар земной?

1975

Речушка Соловей

Сыну *Тимуру*

Речушка детства торопливо скачет
Среди родных камней и скал,
Со мной при встрече, как сестричка, плачет
В краю, где к песне я тропу искал.

От счастья слёзы травкой вытирает,
Поёт, звенит речушка Соловей,
Со мной, как в детстве, пляшет и играет
У сердца солнца, снега и камней.

Её воды вкуснее нету, знаю,
Я не однажды это испытал.
Здесь родилась любовь к родному краю,
В гнезде орла, среди снегов и скал.

К земле родной привязан я навеки
Корнями сердца, солнечных лучей.
Пускай текут в огромном мире реки,
Ты мать моя, речушка Соловей.

1979

Якут

Ивану Гоголеву

Никогда не стоял у полярного круга,
Где держит звезду олень на рогах,
Но снится мне край и северная вьюга,
Где люди роют золото в горах.

Гнездятся мудро соловей и нежность,
Якутский друг, всегда в твоих стихах,
Хоть мерзлота там вечная и снежность,
Там люди роют золото в горах.

Ты очеловечил дикий край сердечным
Теплом светил, что держишь на плечах.
Сияй, якут, огнём ты солнца вечным,
Где люди роют золото в горах!

1979

Горы

Горы, горы – гордый край планеты,
Держите вы небо на плечах.
Ваши главы в снег и лёд одеты
И живут у солнца на руках.

Горы, горы – к звёздам путь-дорога
Здесь берёт начало с ваших плеч.
Предки говорили: язык Бога –
Это горных водопадов речь.

Горы, горы – сказочное чудо,
Кто под солнцем мог придумать вас?
В день творенья был ты создан мудро,
Гордый, белокрылый мой Кавказ.

Горы, горы – вы моя основа,
Мой отец и мать моя – Эльбрус.
Возвращаясь из дальних стран я снова,
Родиною солнечной горжусь.

Горы, горы – мужество и нежность,
Вы моя опора и мечта.
Вы – любовь к Отечеству и верность,
Крылья песен, свет и красота.

1980

Ручей

Пускай в ущельях ручейкам и тесно,
Но звук их озаряет мрак ночей.
Журчи, журчи, как жаворонка песня,
Всегда во мне родимых гор ручей!

1980

Я родился в ауле Джемат

Велик, богат аул Джемат
М. Лермонтов

Там, где звёзды пахнут цветами,
Белокрылые горы стоят,
Где целуется солнце с хребтами,
Я родился в ауле Джемат.

Там, где слышится клёкот орлиный,
Не смолкая, поёт водопад,
Где Нарзанной зовётся долина,
Я родился в ауле Джемат.

Там, где Лермонтов в бурке лохматой
Ночевал на вершине Ак-Чат,
Где легенды и песни крылаты,
Я родился в ауле Джемат.

1980

Пятигорск

Я в этот город с детства был влюблён¹,
Где солнца первый луч Бешту встречает.
Сюда, спеша, лечу со всех сторон,
Как будто он от гибели спасает.

Как будто он планеты божество,
Я кланяюсь, сняв свою папаху.
Здесь дух поэта. Осень – торжество,
Земля особым ароматом пахнет.

---

¹ Поэт вспоминает: «Впервые меня, семилетнего мальчика, в Домик Лермонтова привезли отец и бабушка на арбе через Гумбашинский перевал. Это было 20 сентября 1943 года. В Домике приветливо встретила нас молодая и красивая женщина, которая рассказала о судьбе поэта и показала памятник, воздвигнутый ему в городском сквере. Как выяснилось через годы, это была Наталья Владимировна Капиева. <...>

В 1950 году, когда я учился в четвёртом классе Красно-Октябрьской средней школы №6 Сокулукского района Киргизии, моя первая учительница, Мария Павловна Куликова прочитала наизусть стихотворение М. Лермонтова «Кавказ». Я заплакал от радости и тоски по родному Кавказу. Для меня это был зов насильно отнятой Родины.

М. Лермонтов был кумиром и моих старших братьев Османа и Ахмата, которые ушли на фронт в июне 1941 года с лермонтовскими томиками в карманах. Ахмат погиб в сентябре 1941 года в Киевском сражении. Осман вернулся в 1943 году с фашистской пулей под сердцем и в течение 20 лет возглавлял Союз писателей Карачаево-Черкесии. Третий брат мой, член Союза писателей СССР, кандидат филологических наук, известный лермонтовед Магомед Хубиев часто выступал в Пятигорске на Всесоюзных лермонтовских научных конференциях.

Я – участник 36 лермонтовских праздников поэзии, бывал на митингах, посвященных дням памяти поэта». (Хубиев Н. Зов родины // Пятигорская правда, 2012. – 8 сентября)

Кусты, деревья, крылья распластав,
Стремятся к небу, согретые лучами.
Здесь молча плачут беркуты, устав,
И смотрят на Машук печальными глазами.

Стоит угрюмый друг поэта клён,
И смотрит на Эльбрус тоскливо домик.
Я в этот город с детства был влюблён:
Прекрасный, словно лермонтовский томик.

1981

Дуэль у Машука

Когда прихожу я на место дуэли,
То слёз не хватает и боль не осилить.
Орлы, что однажды с вершины слетели,
В великой печали навеки застыли.

И видится мне: середина июля,
Вечернее солнце ненастного лета,
И черные тучи, и чёрная пуля,
Прервавшая лучшую песню поэта.

Вот здесь, у подножья, двое стояли,
Сверкали в закатных лучах эполеты.
Пятнадцать шагов их теперь разделяли,
Пятнадцать шагов, а в руках пистолеты.

И Лермонтов смотрит на дальние горы.
Скользит по вершинам невидящим взглядом.
Один лишь Машук ему станет опорой,
Единственный друг, оказавшийся рядом.

Но верит поэт, что добро побеждает,
И пусть даже жизни осталась минута,
Добру салютуя, он в воздух стреляет,
И нет благородней такого салюта.

Но жалкий противник добром не ответил
И не опустил своего пистолета,
А долго, внимательно, медленно метил
И выстрелил в самое сердце поэта.

Земля содрогнулась от горя и муки,
Седые вершины детьми зарыдали,
И молнии небо ломало, как руки,
И гром огласил все окрестные дали.

Эльбрус разразился обвалом жестоким:
От снежной лавины стонала планета.
С небес и ущелий катились потоки,
Как слёзы Земли, потерявшей поэта.

Когда прихожу я на место дуэли,
То слёз не хватает и боль не осилить.
Орлы, что однажды с вершины слетели,
В великой печали навеки застыли.

1970

Город Нальчик

Танзиле Зумакуловой,
поэту, лауреату
Государственной премии России
им. А. М. Горького

Ты раскинулся, дивный и сказочный город,
У зысоких вершин и стремительных рек.
Ты, как прежде, красив, удивительно молод,
Улыбаешься мне, как родной человек.

Ты, умытый дождями и солнцем согретый,
Ежедневно встречаешь желанных гостей,
Как могучий красавец Эльбрус, ты, воспетый,
Как волшебный источник, целебный ручей.

Здесь, как песни любви, так милы и крылаты
Юмор балкарский, кабардинская речь.
В парках ели стоят, как на страже солдаты,
Что влюблённых хотят в свои тени завлечь.

Город дружбы и братства, свободы, уюта,
Где рождается мир, где прекрасен Кавказ.
Нет нигде для души вот такого приюта,
Где ласкает, зовёт взгляд девических глаз.

Нальчик — море цветов восхитительно разных,
Здесь рождаются радуги, царит аромат.
Город женщин красивых, мужчин очень важных,
Здесь пленяют всегда чистота и наряд.

Горы все наблюдают по утрам спозаранку,
Как ласкает рассвет голубою рукой.
Косы чёрные юной, прелестной горянки,
Над хрустальной, кристальной и звонкой рекой.

1984

Старик и голуби

Из Касея Баталова

На улице, залитой светом солнца,
Навстречу мне шагал седой старик.
Узнал я в древнем человеке горца,
К нему всем сердцем сразу же проник.

Он был похож на скалы вековые,
Где ветры дуют и белеет снег.
На нём следы остались фронтовые
И времени неудержимый бег.

Он кормит просом голубей у моря,
У всей природы, солнца на виду.

Спустившись, звёзды в сумерках на горы
Огни сердец зажгли на берегу.

Он каждый день приходит к белым птицам,
В которых видит божество, кумир.
И сердце старика всегда стучится:
На всей планете берегите мир!

1991

Сухум

Развалка скорбит

Светлой памяти
Тамары Васильевны Абуловой

Ты ушла без возврата, покинув сей мир.
Я думал наивно, что встретимся снова.
Пред смертью спросила: «Не звонил ли Назир?»
Как жаль, что судьба бесконечно сурова...

Виноватый стою у могилы твоей,
Я грешный, прости, онемевший от горя.
Не вижу, не чувствую солнца лучей,
И небо угрюмо, как мертвое море.

И холмик чернеет под веткой сосновой,
Роняю я слёзы, цветы возлагая.
И сердце пробито утратою новой,
Развалка¹ скорбит по тебе, дорогая.

1991

---

¹ Развалка — название горы возле Железноводска.

Лермонтов

1

На свод небесный смотрит неустанно
Эльбрус, как царь всех снеговых вершин.
Сияют звёзды, небо первозданно,
Идёт дорогой Лермонтов один.

Он молча думу думает при свете
Полночных звёзд на склоне Машука,
Прекрасно зная, что за всё ответе:
За мир огромный, тучи, облака.

Струится свет луны полночной тонко,
Он слышит шум в ущельях горных рек...
Промчались годы бурные, и звонко
Гремит кровавый мой жестокий век.

Поэт, как прежде, смотрит на вершины,
И с звёзд высоких он не сводит глаз.
Полны тревогой горы и долины:
Опять война, опять в огне Кавказ.

2

Вершины гор, туманный сбросив груз,
Твой день рожденья снова отмечают.
Парит и светит гордый мой Эльбрус,
Твой дом поэтов радостно встречает.

Пришел к тебе, пророк и божество,
Я, уроженец древнего Джемата.
Ликуй, Кавказ, сегодня торжество!
Коней седлают внуки Азамата¹!

¹ Азамат — персонаж в романе М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени».

Здесь дни и ночи кажутся светлей
И каждый камень жемчуга дороже.
Твой клён роняет золото с ветвей,
Другим как будто становлюсь я тоже.

Хоть хрупок мир здесь с некоторых пор,
Толпятся горы в праздничной надежде.
Вражду оставить, бесполезный спор.
Ты призываешь к разуму, как прежде.

Ты предан был Кавказу моему,
Воспел его от камушка до солнца.
Я говорю: «Мир дому твоему!
Прими поклон от преданного горца».

1995—1996

Одинокая могила

Осенний ветер налетает стыло.
Глубоких дум всё неразрывный круг.
Видна мне одинокая могила¹
Под облаками на горе Машук.

Над нею ливни плачут очень часто
Ветра несут дыханье высоты,
Сияет солнце и снега лучатся,
Мерцают звёзды и цветут цветы.

Здесь горному орлу спокойно спится.
Здесь гишина – земли и неба связь.
Смерть реет где-то ниже этой птицы,
Спугнуть её бессмертие боясь.

---

¹ Известный военный топограф А.В. Пастухов, покоривший Эльбрус, Казбек и Арарат, завещал похоронить его на вершине горы Машук.

Три каменных подушки в изголовье:
Седой Эльбрус, Казбек и Арарат.
Среди кавказских горцев есть присловье:
Без неба жизнь для птицы – словно ад.

Отсюда дня является рождение.
Здесь солнце греет камни жаром рук.
И по утрам заря горит в волненье
Над той могилой на горе Машук.

Орлы, бессмертны. Нет на свете силы,
Чтобы о них развеять вдруг.
...Видна мне одинокая могила
Под облаками на горе Машук.

Любимый город

К 70-летию г. Карачаевска

В начале был ты Микоян-Шахаром,
Потом – Клухори, испытал всего.
Моя столица, город ты не старый,
Народа имя носишь моего.

Грозой весенней ласково умытый,
Растёшь ты, славный солнечный цветок.
Со всех сторон хребтами гор укрытый,
В родном краю, любимый уголок.

Кавказский край волшебный, благодатный,
И ты – особый камушек его.
Пью воздух твой чудесный, ароматный,
Нет для меня дороже ничего!

Ты, Карачаевск, стал моей звездой,
Души моей – заветный лепесток.
Не ты ли гул Кубани с Тебердою
Так любишь слушать, мирный городок?

Твои цветы – глаза моей любимой
Меня зовут из всех краёв Земли
Своей могучею магнитной силой,
Равна которой только мощь любви.

Во дни войны, когда огни пожарищ
Пылали здесь в ущелье дорогом,
Сосед соседу – был он юн иль старец –
Навеки становился кунаком.

И ты, мой славный и прекрасный город,
Когда палач усатый нас сослал,
Притих у скал, преодолая голод,
Своих сынов так терпеливо ждал.

И пусть не все они к тебе вернулись,
Но главное – к тебе, к тебе, к тебе!
И плечи гордых горцев разогнулись
Наперекор коварству и судьбе.

1997

Славный тебердинец

Заслуженному учителю России,
народному учителю Карачаево-Черкесии,
директору Тебердинской средней школы № 2
Магомеду Халилову в день 60-летия

В краю вершин и ласкового солнца,
Где звонко тели флейта и свирель.
Рожден в роду прославленного горца¹,
Орлы твою качали колыбель.

---

¹ Имеется в виду Саид Халилов – выдающийся революционер и просветитель Карачая. Его брат Хызыр Халилов был известным учителем еще до революции.

Ты рос орлёнком в водопадном гуле,
Не ведая печали и тревог,
Но в сорок третьем свет погас в ауле.
И твой народ был изгнан на Восток.

Земля киргизов – Чуйская долина –
Была второю родиной твоей.
Тебе всё снились горные вершины
И трелью тебердинский соловей.

Летело время, грыз, познал науки,
Хотя они и твёрже, чем алмаз.
Народ вернулся в горы и все муки
Остались там. Сверкает вновь Кавказ.

Окончив вуз, прекрасным педагогом
Ты стал, мой друг. Горит твоя звезда.
Спасён от смерти в годы ссылки Богом,
Тобой гордятся горы, Теберда.

От всей души желаю восхождения,
Счастливой жизни много, много лет,
Сегодня, в день твоего рождения,
Мой милый друг, Халилов Магомед!

1999

Карачаево-Черкесия моя

Живём на Кавказе,
Где гордо белеют
Вершины Эльбруса
Своей сединой,
Где воды Кубани
И светят, и греют,
И ходят хлеба
Золотую волной.

Живём мы веками,
Как братья, народы:
Карачаевец, русский,
Черкес, абазин,
Ногаец и грек.
С нами солнце свободы.
Одна у нас Родина,
Дом наш един.

Сдружились навеки
С Россией великой.
Связали судьбу с ней
И вместе живём.
Гордимся мы дружбой,
Семьёй стоязыкой.
И край свой
Жемчужный
Мы раем зовём.

Республика наша,
Как сказка природы:
Зовут Теберда
И Архыз и Домбай.
В горах навсегда
Породнились народы.
И стал общим домом
Родимый наш край.

Богата дарами
Земля золотая,
Сокровищ хранится
Великий запас.
Республика наша
Всегда молодая.
Эмблема – Эльбрус,
Что венчает Кавказ.

Мой край

Мы – дети Адама и Евы.
Мы – сёстры и братья навек.
О дружбе и братстве напевы
Звучат у стремительных рек.

Мы – дети родного Кавказа,
Пусть будет пошире наш круг,
Где слово дороже алмаза,
Где горец русскому друг.

Нет пасынков, знаем, у Бога,
Мы – равные всюду, везде.
Лишь к миру и дружбе дорога,
И нет её лучше нигде.

Нет мира и дружбы дороже, –
Твердим, повторяя не раз:
К себе каждый будет построже,
Чтоб слышал нас гордый Кавказ.

Хотят нас поссорить годами,
Кому-то так выгодно, знай.
Клянусь я родными горами,
Частица России – наш край.

2000

Певцу Теберды

В день 60-летнего юбилея
депутата Государственной Думы
Российской Федерации,
народного поэта Карачаево-Черкесии
Азрета Акбаева

Солнце, горы Домбая
В твоём сердце живут.
Ты – полпред Карачая,
Земляки тебя ждут.

Честь, достоинство горца
Ставя выше наград,
Луч ты щедрого солнца,
Греть людей всюду рад.

Ты не верь документам,
Что тебе шестьдесят.
Улыбнись ты студенткам,
Спросят: «Ты не женат?»

И моргнёт несомненно
Снова юность тебе,
На свидание мгновенно
Выйдешь ты при луне.

Значит ты ещё молод,
Не грусти, не тужи,
Не страшны зной и холод,
Всё ещё впереди.

Побывал ты в Чегеме,
Посетил ты Хунзах,
Не бывал лишь в гареме,
В Шемахе, шахиншах.

Ты – грузин в Цинандали,
А в Джамбуле – казах,
Тебя знают все дали,
Тебя любят в горах.

Армянин в Ереване,
В Бресте ты – белорус.
Даже ночью в тумане
Тебе светит Эльбрус.

Нынче всюду свобода,
Новой жизни черты!
Будь слугою народа
Ты, певец Теберды!

Песня не умирает

Светлой памяти карачаевского актёра,
композитора, певца и музыканта
Ибрагима Джабаева

Ты сыном был Кавказа и свободы,
Тебя талантом наградил сам Бог.
Родился ты артистом от природы,
Познавший горя, множество дорог.

Вдали от гор, на чужбине горькой
Провёл ты с нами много, много лет,
Где боль народа стала песней звонкой,
Конца которой не было и нет.

Душа твоя слилась навеки с нею –
Звучит твой голос милый и родной.
Твой вечный сон нарушить я не смею,
Сияешь ты мерцающей звездой.

Гнетёт тоска, грызёт меня годами.
В родном краю ищу твои черты.
Свой Сары-Тюз связал ты с городами,
Ущелья гор и снежные хребты.

Когда ты пел, с тобою вместе пели
Вершины гор, ущелья, облака.
Во всех садах соловьи звенели,
Играла звонко горная река.

Пришёл проведать я твою могилу,
Чтоб поклониться, возложить цветы!
А песня жизни не теряет силу,
Стоят, как прежде, горные хребты.

2002

Абхазия

Древняя земля, где трудится веками
Гордый, непокорный, песенный народ.
К небу он привязан снежными горами,
К миру неустанно, к братству всех зовёт.

Абхазия – крылья тёплого солнца,
Абхазия – непридуманный рай.
Абхазия – честь и мужество горца.
Абхазия – это сказочный край.

Горы и ущелья, водопады, реки,
Море голубое, ласковый песок,
Богом облюбован ты край навеки,
Предками воспетый золотой цветок.

Ты гостеприимна и зимой, и летом
Осенью прекрасной, сказочной весной.
Каждый житель твой мне кажется поэтом,
Край неповторимый, ставший вдруг страной.

Абхазия – крылья тёплого солнца,
Абхазия – непридуманный рай.
Абхазия – честь и мужество горца.
Абхазия – это сказочный край.

2002

Россия

В Россию вливались народы,
Как многие реки в одну.

Пасарби Цеков

Текут полноводные реки
Под солнечным небом твоим,
Народы сдружила навеки
И матерью стала ты им.

Люблю беспредельно просторы –
Повсюду родные края:
Равнины, высокие горы –
Россия отчизна моя.

Я видывал стран на планете
Немало на долгом веку,
Но лучше тебя и милее
Страну я назвать не могу.

И где б ни бывал я повсюду
Мы, Родина, вместе с тобой.
Служить тебе верно я буду,
Гордиться священной землёй.

Текут полноводные реки
Под солнечным небом твоим,
Народы сдружила навеки
И матерью стала ты им.

2007

Светел путь восхожденья

Владимиру Исламовичу Хубиеву

1

Ты был маленьким горцем,
Когда пламя войны
Стало плачущим солнцем
В небе нашей страны.

2

Горе громко стучало
В двери сакли твоей.
Это было начало
Черных, тягостных дней.

3

Твой отец не вернулся
С поля битвы назад.
В ссылке ты не согнулся
На чужбине, мой брат.

4

Там, где птицы на крыльях
Не могли пролетать.
Ты мог и на мотоцикле
Словно в сказке, скакать.

5

Вот такая сноровка –
Нипочем любой груз.
Это знали Покровка,
Иссык-Куль, Джети-Огуз.

6

Ты оставил навечно
Детство, юность вдали.
О тебе, человечном,
Там поют соловьи...

7

Ждал тебя и дождался
Край родимый давно.
Карачай вновь родился,
Где нам жить суждено.

8

Поднимался все выше
И с народом ты рос.
Ты привык к зною, стуже,
Занимал важный пост.

Светел путь восхождения,
 Нет дороги назад.
 Я тебя с днём рожденья
 Поздравляю, мой брат¹!

Пусть будет красивым,
 Светлым мудрости груз!
 Будь звездой негасимой,
 Вечен, словно Эльбрус²!

26 марта 2008 года

Гражданин Вселенной

К 150-летию со дня рождения
 великого осетинского поэта
Коста Хетагурова

Время трудное долго во мраке бежало,
 Бесконечно рыдал всюду бедный народ.
 Твоё слово искрою сердца зажигало,
 Призывая идти до победы вперед.

¹ Прожив много лет в Карачаевске, могу засвидетельствовать, что В. И. Хубиев — «партийный советский работник», как тогда говорили, — пользовался у жителей города, а потом и КЧР, непререкаемым авторитетом (прим. сост.).

² Н. А. Хубиев вспоминает: «26 марта 2002 года, когда отмечался 70-летний юбилей бывшего Главы Карачаево-Черкесии В. И. Хубиева, от имени рода Хубиевых ведущий, Председатель Парламента Карачаево-Черкесской Республики Джанибек Суюнов, предоставил слово мне. Поздравив Владимира Исламовича со славным юбилеем, я прочитал стихотворение, посвященное ему».

Ты рождён был в горах для борьбы за свободу,
Честь и совесть Кавказа, великий мудрец.
Ты служил своим сердцем неустанно народу,
Как нарт вдохновенный, знаменитый певец.

Ты поборником был дружбы, братства и мира,
Потому каменист был твой путь неспроста.
Над планетой звучит твоя звонкая лира,
Легендарный поэт и художник Коста!

Ты видел и знал, как на склонах, в долинах
В саклях плакали дети без хлеба и сна.
Ты страдал и горел, чтоб на горных вершинах
Солнца луч засиял, наступила весна.

Ты писал, рисовал и в горах Карачая,
Приезжал в Теберду, с Ислам-бием¹ дружил.
Под Эльбрусом, тебя, как родного, встречали,
Верность дружбе и братству ты свято хранил.

Поднимался не раз ты скалистой тропкою
На зелёный Машук, чтоб смотреть на Эльбрус.
Закалялся в борьбе, ты подобен герою,
Чтобы снять с плеч народа насилия груз.

Ты любил приезжать в этот солнечный город,
Где пленила тебя красотой Звезда².
Твоё сердце пылало, ты был ещё молод,
В красоту ты влюблённый, великий Коста.

Здесь воздвигнут твой бюст в день прекрасный осенний
Ты пришёл снова в мир, где борьба, красота.

---

¹ Князь Ислам Крымшамхалов, основоположник карачаевской поэзии и живописи.

² Звезда — так называли возлюбленную поэта Анну Цаликову за её пленительную красоту.

Ты прославил Кавказ, всеми признанный гений,
Гражданин всей Вселенной, великий Коста¹!

2009

Поэту

Хусеину Лепшокову

Выбрав честный и светлый
Самый праведный путь,
В справедливость одетый,
Где поэты идут.

Замечаешь ты тонко
Неимущих, сирот.
Тебя лирою звонкой
Называет народ.

Наградила природа
Светлым даром тебя,
Чтоб ты песней народа
Стал, теплее огня.

Доброта, человечность –
Твоё знамя везде.
Там, где ты и сердечность,
Там не быть и беде.

Прелесть южного солнца
В твоём сердце живёт.
Честь, достоинство горца
Твоё слово несёт.

2010

---

¹ Это стихотворение в октябре 2009 года было прочитано в г. Пятигорске и селе Коста-Хетагурова на митингах, посвященных юбилею поэта. (Примеч. автора).

Человечный человек

Поэту-барду
Сергею Рыбалко
в день его 60-летия

* * *

Человек ты человечный,
И поэт-певец большой,
Стал легендой звонкой, вечной,
Ты – кавказцам брат родной.

* * *

Ты воспел сосну, берёзу,
Мой Домбай и Алибек.
Любим мы тебя, Серёжа,
Задушевный человек.

* * *

Всё, что было вспоминаю,
В нашей дружбе пятен нет.
С днём рожденья поздравляю
И желаю жить сто лет!

2010

Дочь Эльбруса

Назифат Хасановне Батдыевой

* * *

Ты – дочь Эльбруса, гордого Кавказа,
Ты – ласковое солнце доброты,
Достойна песни, звонкого рассказа,
О том твердят альпийские цветы.

* * *

Тебя встречает радостно природа,
Спешат навстречу ручейки, журча.
Ты исцеляешь недуги народа
Талантом, лаской доброго врача.

* * *

Творения поэзии высокой
Ты ценишь бесконечно с детских лет.
Твой слух ласкает голос речки звонкой,
И ласточки весною шлют привет.

2011

Светлый храм науки

Стоит под солнцем светлый храм науки,
Открывший двери настежь для детей.
Звучат здесь речи, праздничные звуки
И мир огромный кажется светлей.

Наш город помнит первых педагогов,
Кто здесь работал и погиб за нас.
От центра гор до самых до отрогов
Их поимённо помнит весь Кавказ.

Пришли сегодня мальчики, девчонки,
Нарядны, словно яркие цветы.
Цветут улыбки, слышен голос звонкий,
Пред нами школа – символ красоты.

Хочу сказать огромное спасибо
Всем тем, кто строил этот дивный храм,
Который сказкой кажется красивой,
Раскрыв все окна солнечным лучам.

От всей души сердечно поздравляю
Я всех ребят и вас, учителя,
Здоровья, мира, счастья всем желаю!
Ликуй и пой, кавказская земля!¹

2011

---

¹ Это стихотворение прозвучало 1 сентября 2011 года на митинге, посвящённом открытию нового здания средней школы №1 г. Карачаевска.

2011

МНЕ СНОВА
ПРИСНИЛАСЬ
ВОЙНА

Баллада о погибшем брате

1

Весной деревья обрастают мхом,
Зеленым мхом в солнечном бору.
Поля, зимою спавшие под снегом,
Хлебами закипают на ветру.
Но ты не видишь этого, мой брат.

Вершины гор, повитые туманом,
Уже давно раскланялись с зимой,
И журавли крикливым караваном
Из дальних стран спешат к себе домой.
Но ты не возвращаешься, мой брат.

Ведь даже облака простёрли руки
К родным горам. И, слыша звон в крови,
Любимые, пройдя огонь разлуки,
Лишь пламенной становятся в любви!
Но ты забыл любимую, мой брат.

Проснутся реки, встрепенутся горы,
Орлицы снова выведут орлят.
И в сакли, где вчера гостило горе,
Вернётся радость, струны зазвонят.
Но ты, ты не вернёшься, милый брат...

2

Солдаты, что сердцами заслонили
Родную землю, безмятежно спят.
Ответьте, безымянные могилы,
В какой из вас лежит мой брат Ахмат?..

Я всем ветрам объятия открою,
Пусть волны Волги правду говорят!
Скажите, волны, красные от крови,
Не спит ли там, на дне, мой брат Ахмат?

Седые камни на полях Европы,
Вы видели бесстрашие солдат.
О, блиндажи, о, старые окопы,
Ответьте: где лежит мой брат Ахмат?

...Я прохожу с поникшей головою,
Оплакиваю горе всех утрат...
Березонька с отметкой пулевою,
Не под тобой ли спит мой милый брат?

3

А маме снится: ты пришёл с войны.
И наяву все ждёт тебя и тужит.
Ей кажется порой, что сны – не сны.
Нас накормив, тебе оставит ужин.

И смотрит на дорогу день-деньской.
Вот почтальон. Но он проходит мимо.
И вслед ему она глядит с тоской.
Глядит угрюмо, горько, нелюдимо.

Она всё верит, ждёт. С тех самых пор!
Орлы кружат над нею в небе синем.
И мать глядит на склоны древних гор,
С вершинами беседуя, как с сыном

Тоска

Как часто, говорят, я зеркало беру
И на себя смотрю я неотступным взглядом,

Внимание к себе такое не к добру —
Оно у нас в горах считается позором.

Любимый старший брат мой не пришёл с войны,
Ворвались в наш аул враги остервенело,
И карточку его сорвали со стены
И бросили в очаг. Она в огне сгорела.

Частенько мне теперь рассказывает мать
О брате, что погиб вдали от гор любимых,
Что очень на меня похож был брат Ахмат,
И болен я теперь тоской неисцелимо.

И потому подчас я в зеркало смотрю.
Обычай не забыв, пишу я строки эти.
Смотрю в глаза, я с братом говорю,
Забыв, что это я живу на белом свете.

1952

А мать не верит

К деревьям возвращается листва,
Как жизнь листву с деревьев ни срывает,
К весне —
Шары и флаги торжества
На перекрёстках радости и мая.
К полям — хлеба,
К рассветам — синева,
И к птицам — небо,
Или к небу — птицы,
К степным курганам — тихая трава,
А брат ко мне не может возвратиться.
Не может он прийти в родной аул,
Вдохнуть глубоко воздух невесомый,
Услышать рек и водопадов гул.
И звон струны на празднике весёлом.

Не может он взглянуть на облака,
Окликнуть горы богатырским эхом,
Любимую подругу обласкать...
Как в сорок первом на войну уехал,
Так и остался на войне, в золе,
Без имени, а может, без могилы,
Чтоб жить и строить жизнь свою могли мы
На молодой, на выжившей земле.

...А мать не верит,
Столько лет не верит!
Она не запирает на ночь двери,
Тарелку лишнюю на стол тихонько ставит
И стука ждёт,
Хотя б дождя по ставне.
И на башлык прядёт,
И почтальона
Встречает молчаливо, отдалённо.
И тем она стареет, как светлеет,
Что в листья возвратившиеся верит,
И в таяние снега, и в победу
Сквозь камни прорастающих побегов.
И я не верю.
Я в глазах любимой
Встречаю, потому что я не верю,
Укор закона гор:
Его убили,
Но сам ведь ты не чувствуешь потери,
Поэтому тебе глаза девичьи
Лишь после брата старшего женитьбы
Открыться могут
О, прости, обычай.
Каким бы неестественным ты ни был!
Тебя не нарушаю – продолжаю.
В глазах любимой вижу я, как горцы
Его весёлым именем и гордым
Детей своих с рожденья награждают.
Как будто все – его.

Как будто дожил
Он до почёта и до подражания...
Так, значит, мой народ не верит тоже,
Что брат упал навек в окопе ржавом.
А верит в то, что сердце громко-громко
Его стучит без умолку на тропях,
На реках быстрых,
В водопадных гулах
И в новостройках нашего аула.
И верит в то, что добрая улыбка
Его видна в рассветных светлых бликах,
В росе травы, в стекле вечерних окон,
В глазах горянок, тёмных и глубоких...
О брат мой!
До любви
И до жены
В бою упавший поперёк планеты,
Ты не вернёшься,
Но твоё к живым
Бессмертно возвращение из смерти.

Сталинград 1943 года

И осеннее небо, уставшее от канонады,
Синеглазое небо, осмелившись вниз посмотреть,
С высоты увидало безмолвных строений громады
Через сеть белизны, паутинную сизую сеть.

Лежало мёртво безглагольное тело равнины,
Металлом засеяны, политы кровью поля.
Словно чёрные горы, вздымались над степью руины,
Словно правда немая, лежала сырая земля.

Груды касок солдатских, обломки и слева, и справа
От проезжей дороги железо, тряпьё, черепки.
И разбитые вдребезги стынут на рельсах составы.
Ни движенья, ни шороха. Гулы войны далеки.

И высокой травой поросли пустыри и траншеи,
Камни застланы мхом, но сухой торопливой травой,
Боль земли не излечена. Громче звучат и сильнее,
Голоса всех погибших – бессмертный напев хоровой.

Всё слышной голоса. И бессмертье дано, как награда,
Спасшим жизнь на земле. В нескончаемых днях и ночах
Шёл о будущем спор в орудийных громах Сталинграда.
И большая планета лежала у них на плечах.

Расступилась стена, и стучал миномёт без умолку,
Ясный день был окутан сплошной дымовой пеленой.
Вот об этих-то днях мне поведала пенная Волга,
Что писала историю сильной волной приливной.

Пар над Волгой вставал, белый пар, ослепительно белый
Паутиною плыл и в руинах лежал Сталинград.
И руины в тумане, как лес, от огня поределый,
Обезглавленный город, — как раненный насмерть солдат.

Как вершины Кавказа, восстали дома Сталинграда,
На пути у врага встали камни и встали дома,
Встали люди стеной, заслонила живая преграда
Все народы Земли и оглохнула чёрная тьма.

...Паутина бела, но утихла уже канонада,
И желтеющих нив разливается в даях покой...
Говорю я с тобою, святая земля Сталинграда,
Говорю я с тобой, гордый город над Волгой рекой.

Не умирает мужество

Был долог бой
И вьюга замела
И кровь, и гильзы,
Бездыханные тела.

Земля молчала.
Но порой весенней

Лучами растопило
Снег забвенья.

Пускай бойцам
Подняться не дано,
Пускай глаза их
Не увидят солнца –

Не умирает мужество:
Оно,
Как свет, сердцам живым
Передаётся.

Покоя нет

Когда на кручах тают ледники,
Боюсь того, что ниже станут горы.
Когда сползают берега реки,
Страшусь того, что больше станет горя.

Зурна застонет, и душе опять
Припомнится война. Фронты всё шире...
И о погибшем сыне плачет мать
А сколько их рыдает в целом мире!

1960

Мельница

Стучат жернова, и тяжелое льется зерно,
И мельничным шумом сплошное затишье полно.

И спелым зерном озолочены все закрома,
И светлым окном заболочено смотрят дома.

И светел очаг, ослепительно бел, как мука,
И тесто квашни материнская месит рука.

И дети смеются, и носится радостный свет
На лицах мальчишек оставит он солнечный след.

Стучат жернова, и сплошная течёт тишина.
Зачем же мне снится немая зарница, война?

У мёртвой реки в огнедышащем чёрном дыму
Безмолвная мельница сумрачно смотрит во тьму.

И в пламени даль, и кровавый огонь в небесах,
И мчится печаль в угасающих детских глазах.

И чёрной бедою висит на воротах замок.
И пёс караульный бессильно упал на порог.

Война продолжается в чёрном провале зрачка,
И крупные слёзы роняет в ущелье река.

Но время идёт, пробежали не день и не год...
Так пусть воробьи гомонят у раскрытых ворот!

Да будет дано нам рождение нового дня!
Пусть льётся зерно, словно лучшая песня моя!

Поистине, мельник, – ты мастер и златокузнец,
И солнца крупницы – искусной работы венец!

В затишье ночном я стою на речном берегу,
О будущем знаю и детства забыть не могу.

Окутан туманом, рассветным лучом озарён
У мельницы старой, на самой границе времён.

Вращайся, волна, шевелящийся жернов, мели,
Беги, колесо, на границе воды и земли!

И радость воде – побежать с колесом наравне...
Хотел бы и я сослужить свою службу стране.

1960

Когда отцветает в ущельях жасмин

Когда отцветает в ущельях жасмин,
Высокое небо
Взирает угрюмо
И тень
От подножья до снежных вершин
Ложится на горы,
Как чёрная дума.

Когда отцветает в ущельях жасмин,
Вершины седые
Суровость прячут
И громкие реки
В оковах теснин,
Как всадники,
С вестью печальною скачут.

Когда отцветает в ущельях жасмин,
Вновь ранит меня
Незабытая дата,
Принёсшая в дом наш
С далёких равнин
Слова чёрной вести
О гибели брата.

1960

Раненый солдат

Ущелье наполнено горем и тьмою,
Встаёт на дыбы, завывая буран.
На горной тропе, запеленатой мглою,
Солдат молодой обессилен от ран.

Вперёд он ползёт и не хочет сдаваться,
Как в честном бою не сдавался врагу.

Его крыло для нас незримо
Уходит к небу, в бездну туч,
Его мечта неповторимо
Светла, как солнца яркий луч.

Его тропа, как нитка рвётся,
Прижавшись к тучам, скал стене.
Как горы, молча плачет он, смеётся
С вершинами наедине.

Не может жить без гор на свете
Орёл, привыкший к небесам.
Вершины за него как будто бы в ответе,
Как альпинист за них в ответе сам.

Пускай Эльбрус порой бывает мудрым
Под звёздным миром при луне.
Он дремлет, словно старец мудрый,
С вершинами наедине.

Следы лавин ему напоминают
Суровых дней, принесших боль Земле.
Героев имена он в сердце сохраняет.
С вершинами наедине.

Боль павших воинов за горы
Он знает как никто другой,
Как плачут громко водопадов хоры
За тех, кого не ждут домой.

В горах Победы день встречает
У обелисков в думу погружён.
Печали неба может беркут знает,
А гор страданья только он.

Когда под знойным солнцем лета
Трескаются с громом ледники,
Он плачет будто рушится планета,
И будто исчезают все материки.

Последний видит солнце над планетой,
Его встречает первым на заре.
Живёт он жизнью трудною, но светлой
С вершинами наедине.

Пред ним стоят громады смиренно
Как наяву, так и во сне.
И, как орёл, живёт он мирно
С вершинами наедине.

1962

Поле боя

Степь на покров торжественный похожа,
И море пуха намела метель
На жесткое, пружинистое ложе,
На снеговую жаркую постель.

Багрянец крови с белизною мела
Мешает вьюга, плачет и поёт.
Лежит земля, как саван снежно-белый,
И жизнь мертва, но мужество живёт.

1962

Кавказский пейзаж

У пейзажа кавказского нету вины
В том, что тучи похожи на крылья войны,
В том, что грохот лавин канонадам сродни,
В том, что кажется раной открытой родник.
Как сквозь слёзы, сквозь время смотрю глубоко,
Но не вижу малины, не слышу дождей,
Это кони храпят, потеряв седоков,
Это алая кровь льётся с белых камней.

1963

Слёзы орла

Баллада

Недавно мне снова приснилась война,
Снега лавиной падали с Эльбруса,
У матерей Земли была печаль одна –
Тревожна мать героя, как и труса.

Недавно мне снова приснилась война,
Чьё пламя на перевалах вставало,
Как слёзы орла, мне на скалах видна
Баллада о мужестве – вписана в скалы.

Недавно мне снова приснилась война,
Плач детский слышу, как будто в бреду я,
Приносит их голос мне гор тишина,
Когда Гоначкира ущельем иду я!

Недавно мне снова приснилась война,
И вот перевал Санчарский дымится,
Ослепший орлёнок искал крутизну,
На выстрел кричит, вздымаясь орлица.

Недавно мне снова приснилась война,
Марух-перевал, где трупы рядами.
Цепь гор, как надгробий над ними стена,
Как матери плачут они над сынами.

Недавно мне снова приснилась война,
Все ледники, где погибших немало,
Согретые пламенем, кровью сполна,
Сползали к Нахарскому¹ перевалу.

---

¹ Нахарский перевал карачаевцы называют Махарским. (Примеч. автора).

Недавно мне снова приснилась война,
Увидел под крик я орлиный на скалах,
Из сердца солдат, бессмертного сна,
Вновь солнце живых над Эльбрусом вставало!

1965

Лавина

Как лавиною, всё моё детство
С головой завалило войной.
Помню: бьёт пулемёт по соседству,
Всадник падает рядом со мной...

До сих пор, если скрежет лавины
Среди ночи поднимет меня,
Мне всё кажется: руки раскинув,
Там, в горах, кто-то рухнул с коня.

1966

Героям Марухского перевала

Вас утаить не смог холодный саван.
Вас и под снегом ветер отыскал.
И слёзы гор бегут, бегут, как лава,
По ледникам, сковавшим губы скал.

Слились в одно солдатская отвага
И этих гор ледовая броня.
И вы назад не сделали ни шага,
Врагов жестоких яростно грома.

Сжимая сталь иззябшими руками,
Вы здесь вели последний смертный бой,

И в том бою не прятались за камни,
А прикрывали камни вы собой¹.

1963

В Тебердинском ущелье

Ущелье голубое Теберды,
Твой гул веков,
Звучащий вдохновенно,
Мне раскрывает чашу красоты,
Где розовый туман,
Как винной пеной,
Покрыл вершины неба и земли.
Массивы горные и облака за ними,
Где речку, что отару, повели
Каменья – пастухи за горы, к ниве.
Как наши предки древние аланы,
Макушки гор от мудрости белы.
И свежий снег молочно, первозданно
Их молодит.
И звучные стволы
Волшебному Домбаю подпевают,
Когда их тронут руки ветерка,
И сочность трав, про осень забывая,
Течёт меж сосен, стройна и легка.

---

¹ На седом Марухском перевале, среди ледников, я нашёл каску и рядом письмо солдата, написанное кровью на камне: «Я погибаю за Родину, но всегда буду смотреть на мир с высоты непокоренного Кавказа».

18 августа 1963 года на Марухском перевале состоялся митинг, посвящённый открытию обелиска героям ледовой крепости. Когда я читал это стихотворение, оставшиеся в живых участники боев на перевале и тысячи участников массового восхождения, затаив дыхание, слушали со слезами на глазах. Рядом со мной стоял и плакал житель г. Карачаевска Геннадий Томилов, который в 1942 году сражался с немецкими фашистами на перевале будучи подростком. Потом он на фронте потерял одну ногу. Все были удивлены: как он совершил восхождение на высокий перевал?.. (Примеч. автора).

И зелень лета сосны сохраняют,
И кровь рябины льётся по горам,
Что кровь земли...
Земля моя родная,
Какой строкой себя тебе отдам?
Строкой, где детство, о войну разбилося.
И кровь людская по камням текла.
Вот почему так больно заструилась
Рябины кровь, священна и светла.
Она горит в глазах напоминая,
Когда иду ущельем Теберды
Среди щедрот спокойного сгорания
Нетронутой осенней красоты.

1965

Бухенвальд

Не дымит крематорий
и в воздухе теплом не чадно.
Цветники пламенеют.
Мне больно смотреть на цветы.
Бухенвальд! Среди ран,
нанесенных войной беспощадной,
Может самая страшная рана Земли –
это ты.
Каждый камешек твой
человеческим горем испытан.
Став тяжелыми, ноги
отказываются идти,
Будто волосы женские,
ленты, пелёночки чьи-то,
Как чужую судьбу,
вдруг могу зацепить по пути.
И кричу я Земле:
«Что же в гневе высоком равнины
Не взбугрились горами,
дорогу врагу преградив?»

Погибших в Бухенвальде голоса
Я в колокольном звоне различил.

И вторят завещание они,
Звон колокола, как сирени вой:
— Пусть солнце мира Землю осенит,
Пусть больше на земле не будет войн!

1967

Вьетнамский Гаврош

Измаянный день
Лёг на горы Вьетнама
И стонет как,
Раненый тяжело, солдат,
Над скалами стелется
Чёрным туманом,
Клубится над гнёздами
Малых орлят...
Бездомный, но гордый
И смелый мальчишка
Уходит на зов
Партизанских костров,
Там – в джунглях –
Себе смастерит он
Домишко –
Мечты и надежды
Отеческий кров.
Над ним лютый зраг
Хищным коршуном вьётся,
В долине пылает
Высокая рожь...
Он голоден, гол,
Но врагу не сдаётся
Наследник Сайгона,
Вьетнамский Гаврош.

Он тысячи
Стреляных гильз собирает,
Бесстрашный мальчишка,
Отважный боец:
Пусть каждый патрон
Вновь и снова стреляет,
Чтоб мирный рассвет
Засиял наконец.
Он верит
В грядущее утро Победы,
В пришествие
Самого светлого дня,
Он знает,
Что минут
Все тяготы – беды,
Что Родина выйдет
Живой из огня.
Спалили враги
Мирный дом его детства,
Хотели и счастья
Лишить навсегда,
Но Родина даст ему
Храбрость в наследство
И неистребимую
Радость труда.
Везде,
Где на всё это
Враг посягает,
Мальчишка
Мужчиной
Становится там...
Дорогой солдата
Упрямо шагает,
К победе идёт
Непреклонный Вьетнам.

1963

Озеро Возвращенного Меча

Баллада

Лежит большое озеро в Ханое
И нежно плещет тёплыми волнами,
Глубокое, как небо голубое,
Как солнечное зеркало Вьетнама.

В нём черепаху, говорят, видали,
Что, как заря, сверкала под водой,
Как иноземцы на страну напали,
Вручила меч побед она герою.

Когда страна была уже свободна
И солнце лик свой к миру обратило,
Меч, закалённый воин благородный –
Меч мужества обратно возвратил он.

И Возвращенного Меча зовётся
То озеро с тех пор в седом Ханое.
И вновь, Вьетнам в бою с врагами бьётся,
Огонь войны над озером волною.

Меч, закалённый и в огне, и в горе,
Вьетнам вручил народу в час тревожный...
Пока, народ врагов не сбросит в море,
Не будет вложен меч народный в ножны!

1965

Вечный бой

*Осману Хубиеву –
моему старшему брату,
народному писателю Карачаево-Черкесии,
участнику Великой Отечественной войны*

Ты родился, боёв опалённый огнём.
Гром гремел в изголовье суровым приветом.

Как свободно вмещается в сердце твоём
Вся радость, вся боль нашей старой планеты.

Сны кошмарные снятся тебе по ночам,
Из седла выпадает друг и товарищ.
Словно град – это ливни стальные стучат,
И солнце тускнеет в завесах пожара.

Вспоминаешь ты молча тот яростный бой,
Небеса, земля перепутались в гуле,
Помнишь: крепко стоял и что было с тобой,
Как ударила в грудь фашистская пуля?

И под сердцем с тех пор залегает она,
Фашистская пуля, тебя беспокоя,
Плечи знают твои, что за тяжесть война,
Пуля – адская тяжесть. Что делить с такою?

До сих пор тебе слышится гром канонад,
Пылью камни летят в бою к небосклону,
Плач детей окровавленных, тех, что кричат,
Зовут матерей и голодные стонут.

И хоть мир на земле, но в тревоге ночной
Упорно война тебе заново снится,
Защищаешь Отчизну от пули шальной,
Так бой для тебя и сегодня всё длится.

И когда тебе тихий вопрос задаю:
– Почему ты так часто не спишь ночами,
Нуют раны, бессонницу мучат твою? –
Отвечаешь ты мне немymi очами:

– От того мне не спится, что мучусь одним,
И потерял покой мой на мирной квартире,
Что фашистская пуля под сердцем моим,
Вечный бой для меня продолжается в мире!

1968

Воспоминание

*Посвящаю детям, погибшим в 1942 году
в Тебердинском ущелье
от рук немецких фашистов*

Баллада

Былое не стирается с годами.
Трагедия войны еще ясней.
Планета обливается слезами:
Ведь убивают на земле детей.

Шел сорок третий. Помню над горами
Растаял снег, трава была видна.
Украшенная первыми цветами,
Шагала тебердинская весна.

Мы в Микоян-Шахар¹ под самый вечер
Пешочком шли из Верхней Теберды.
И здесь война, что рушит и калечит,
Нам показала черный лик беды.

Лежали в яме маленькие дети –
Не пощадили детства палачи.
Рыдали травы, небо, горы эти,
И тихо звезды плакали в ночи.

Картины детства, вы – всему основа,
Живете вы, нетленные, во мне.
Детей убитых вспоминаю снова
В родном ущелье, на святой земле.

Косички, заплетенные руками
Уже давно погибших матерей,
И ленточки встают перед глазами –
Алее маков, неба голубей.

---

¹ Микоян-Шахар – прежнее название г. Карачаевска.

И с той поры, особенно весною,
Когда иду ущельем Теберды,
Я слышу детский плач над всей Землёю,
Во мне горит пожар большой беды.

И вновь гроза над древними горами,
И вновь черны густые облака.
Мне кажется, с тех пор их голосами
Здесь громко плачет горная река.

1968

Ашуг и подпасок

Баллада

Кайсыну Кулиеву

И гул камнепадов, грозивший долинам,
И говор громов, сотрясавший Кавказ,
Казались мне в детстве рыданием орлиным
В таинственном небе, далёком от нас.

Пастух и подпасок, мальчишка с ашугом,
Пасли мы на склонах у самых снегов
Серебряных туров. И плыли над лугом
Вступившие в битву отряды орлов.

Как будто сошлись два клокочущих вала,
И мчался отважнейший наперерез,
И падал... Но слава его не упала
И не отдавала высоких небес.

Огромное солнце зажглось на просторе,
Угрюмые туры столкнулись на льду,
И грянули скалы, и, грохоту вторя,
Зигзаги зарниц понеслись в пустоту.

И тучи, разбужены громом и градом,
В отару стеклись и к Эльбрусу пошли.

И вслед поглядел им пронзительным взглядом
Ашуг, собеседник небес и земли.

– Быть грозам а горах, – говорили аланы¹,
Лишь туры затевают войну и мятеж...
Ты слышишь: кричат над равниной орланы,
К Эльбрусу идут облака на кенгеш².

Вдруг всё загремело и загрохотало,
И ливень ударил, и вспыхнул вдали,
Сквозь тучи прорвался огонь сизокрылый,
И крыльев кинжалы лазурь рассекли.

Вздохнули снега, застонали утёсы,
И кажется снова, что небо горит,
И падают тяжко орлиные слёзы,
И яростно плавится твёрдый гранит...

Я грелся под буркой седого ашуга.
Так жмётся на гребне отвесной скалы
Орлёнок под крыльями старшего друга...
– Зачем же стенают и плачут орлы?

И старец задумался, мне отвечая,
И молвил: «Так плачут в ненастные дни
Единожды в жизни орлиные стаи,
Когда небеса покидают они».

1970

* * *

Покуда зори светятся с востока,
Покуда реки с гор текут к морям,
Покуда войны трудятся жестоко –
Погибшие приходят к матерям.

---

¹ Аланы — предки карачаевцев и балкарцев. Алан — дружеское обращение друг к другу у карачаевцев и балкарцев.

² Кенгеш — совет.

Покуда небо дышит над землёю
И лунный свет струится по горам –
Любовь и песня тайной молодою
Придут ко всем грядущим матерям.

1970

Горный партизан

Светлой памяти партизана
Великой Отечественной войны
Юсуфа Алиева,
расстрелянного немецкими фашистами
24 сентября 1942 г.
в г. Кисловодске на Кольцо-горе

Плывут над страной тревожные тучи,
Вершины Кавказа окутал туман.
Как дикие кони, все вздыблены кручи,
Не спит до рассвета в горах партизан.

Светланку¹ он вспомнил и тяжело вздыхает,
Но верит, что утром вновь будет светло.
Гроза надвигается и гром громыхает,
Орёл приземлился – в пещере тепло.

В горах неустанно сражался с врагами,
В боях защищая Отечества честь.
Порывистый ветер гудел над горами
О том, что на свете бессмертие есть.

Привёз на рассвете фашист партизана
В тюрьму Кисловодска, ударив не раз.
И вот на допрос его вызвали рано.
Не выдал друзей он, свидетель Кавказ.

---

¹ Светланка – дочурка партизана.

Машина добралась до точки последней
И выстрел раздался – погиб партизан.
Заплакал Казбек¹, Юсуфа наследник.
Окутал вершины Кавказа туман...

1972

Домик Лермонтова

Наталье Капиевой

Была войной охвачена планета.
Вся в чёрном, но сединами светла,
Вдруг в Пятигорске к домику поэта
Немолодая женщина пришла.

Ей сердце жгла тяжёлая утрата.
Издалека добравшись налегке,
Стояла мать погибшего солдата
С кизиловою палочкой в руке.

Стояла мать, вздыхала и молчала.
Упал на землю замертво джигит,
Но лермонтовский томик был сначала
В его кармане пулею пробит.

Бывают люди в домике поэта.
И, не пытаясь памяти унять,
В день смерти сына –
В чёрное одета –
Сюда из года в год приходит мать.

1974

---

¹ Казбек – сынишка партизана.

КИРГИЗСКИЕ КРАЯ

Киргизстан

Сергею Фиксину

Ты для меня, кавказца молодого,
Что для касатки тёплые края:
На раскалённых склонах Ала-Тоо¹
Прирелась юность трудная моя.

Впитал я сердцем вольность Иссык-Куля²
И чистоту заоблачных высот,
И задушевность песен Токтогула³,
И водопадов радужный разлёт.

Крыло орла над гребнем перевала,
И Сусамыр⁴ с отарами овец,
Могучий грохот горного обвала
И тишину, в которой спит отец...

И ты цветёшь, цветёшь во мне садами,
Стучишь в груди разбегом поездов,
Зовёшь к себе нагорными цветами
И суетой зеленых городов.

Гостеприимством глиняных домишек
Вдоль горных троп, где я скакал верхом,
Сияньем глаз чумазных ребятишек
И самым первым собственным стихом.

1960

¹ Ала-Тоо — народное название хребтов Тянь-Шаня.

² Иссык-Куль — большое озеро в горах Киргизии.

³ Токтогул Сатылганов — знаменитый акын, демократ.

⁴ Сусамыр — высокогорная долина.

Ночь

Кайсыну Кулиеву

Ночь плывёт над грешною землёю,
Спят печально чуйские поля.
Ты не спишь под тусклою звездою,
Плачут на чужбине тополя.

Спят поэты-горцы сном глубоким.
Ты о них всё думаешь один.
Плачет где-то над хребтом высоким
Чёрный беркут снеговых вершин.

Иссык-Ата

Вновь
звезды гаснут незаметно,
Луна
ушла за синь хребта...
Да будет
радостным и светлым
Твой новый день,
Иссык-Ата!¹
Бьет из-под скал
вода живая!
И отовсюду, неспроста,
Неближний
путь одолевая,
Мы к ней идем,
Иссык-Ата.
Горит
рассвет над Ала-Тоо
Неугасимый,
как мечта.

¹ Иссык-Ата — курорт в горах Киргизии.

Весь
в бликах солнца золотого,
Встречай гостей,
Иссык-Ата!

Луна над юртой

На горных травах веянье прохлады,
Горит роса в серебряном огне.
Отары туч иль облаков отряды
Стоят над юртой в лунной тишине.

Горят над миром зоркие светила
И в сумрак юрты смотрят свысока,
И, как звезду, светильник погасила
Горячая чабанская рука.

Кумысный дух и горький привкус дыма
Гнездятся в юрте долгие года,
А лунный свет летит неуследимо,
Звенит, как песня, льётся, как вода.

Бежит луна, качаясь и маяча,
Овчарка смотрит на овечий путь,
Но овцы спят,
в больших зрачках собачьих
Отары туч пытаются уснуть.

Степь видит сон прекрасный
и мгновенный,
Тревожных звёзд мерцают фонари,
А лунный свет, прохладный, белопенный,
Уводит горы в красный край зари.

Горит очаг, и первый луч востока
Пронзает зелень пробужденных трав.
И лишь луна блуждает одиноко,
Отары звёзд за юртой растеряв.

Поёт акын

Алымкулу Усенбаеву¹

Поёт акын, играет на комузе,
Весенней птицей кажется мне Фрунзе.

Легендой стали сердце его, руки,
Мир наполняют сказочные звуки.

Долина Чу, вершины Ала-Тоо
Залиты светом солнца золотого.

Как первый поцелуй влюблённых, утро,
Роса сверкает ярче перламутра.

Поёт акын, играет на комузе,
Весенней птицей кажется мне Фрунзе.

Киргизия

Над тобою свет зари струится,
Древний край высоких гор, долин.
Поднялась ты к солнцу, как орлица,
Над снегами сказочных вершин.

Я с тобою связан хлебом, солью
Навсегда, могилою отца.
Ты во мне и радостью, и болью
Будешь жить до самого конца.

Ты дала мне крылья для полёта,
Научился я стихи слагать.
Пить кумыс твой, что вкуснее мёда,
Шёлк травы на склонах целовать.

¹ Алымкул Усенбаев — знаменитый киргизский акын, ученик непревзойденного певца Киргистана Токтогула Сатылганова.

Солнцу, звёздам тихо улыбаться
На вершинах белокрылых гор.
И в росе серебряной купаться,
Любоваться зеркалом озёр.

Иссык-куль симфонией чарует,
Слышу в ней я трели соловья,
Стая голубиная воркует,
Слушают киргизские края.

Золотом твои богаты недра,
Стелется лугов твоих ковёр.
Твой народ талантливый и щедрый
Дружбе, братству верен с давних пор.

Слышу песни твоего акына,
Справедливость защищал Токо¹.
Приласкала ты меня, как сына,
Подняла, как птицу, высоко.

Поднялась ты гордою орлицей
К солнцу, где лишь синева чиста.
Восхищён твоею я столицей –
Городом Зеленого Листа².

1956

Иссык-Кульская осень

Я иду тропинкой полевою –
Желтизна осенняя кругом,
Журавли летят над головою
В Иссык-Кульском небе голубом.

---

¹ Токо – ласкательное обращение к народному поэту Токтогулу Сатылганову.

² Слово Фрунзе в переводе с молдавского означает зеленый лист.

Слышу, песню звонко запеваёт
Тракторист совсем невдалеке.
Вижу, поле тихо объезжает
Агроном колхозный на коне.

Горы в небо снежные сверкают,
Окружая озеро вдали.
Песни птиц любимых умолкают,
Иссык-Куль синеет впереди.

На охоте

Моему старшему брату
Осману Хубиеву

Пусть ненастная ночь нам навстречу идёт,
Пусть клубится в горах непроглядный туман,
Пусть рыдает и злится седой ураган,
Но по скалам скользя мы шагаем вперёд¹.

Громыкает вода: не сковал её лёд...
Это брызжет, хохочет, кипит водопад,
Словно пляске метельной отчаянно рад.
И по скалам скользя мы шагаем вперёд.

---

¹ Содержание стихотворения навеяно реальным фактом. Братья Хубиевы, Осман и Назир, которых вела великая тоска по горам родного Каказа, 17 августа 1956 г. отправились на снежные вершины Тянь-Шаня, где их застала непогода. Н.А. Хубиев вспоминает:

«Подул холодный ветер и начался страшный снегопад. В двух метрах ничего не видно. Началась пурга. Невозможно открыть глаза. Крутые склоны гор, острые скалы и колючки кустов облепили. Мы оказались в тупике. Остается единственный вариант – спуститься в ущелье, где текла белопенная речка, вода которой была чуть выше колен. Это была единственная возможность двигаться вперед, чтобы не погибнуть. Речка была нашим проводником. До села более 25 километров.

Таким образом в течение 12 часов мы были в поединке со стихией. От пяти часов вечера до пяти утра шли по ледяной воде под страшным снегопадом. Нас спасло от гибели только усиленное движение вперед. Ноги резали острые скалы. Речка текла из ледника. Это было смертельное приключение в Волчьих Владениях Тянь-Шаня».

Ты бесстрашно поёшь. И с тобою поёт
Голосами ветров эта зимняя ночь.
И от песни туман расплзается прочь...
И по скалам скользя мы шагаем вперёд.

Пусть бушует метель, скоро солнце взойдёт!
Спят орлята в гнезде под отвесной скалой.
А в аиле¹ нас мать ожидает с тоской...
И по скалам скользя мы шагаем вперёд!

Золотой цветок

Цветные травы зыблются высоко,
От их сиянья Иссык-Куль поблек,
Солнцеподобный, как зеница ока,
Горит багряный, золотой цветок².

Им пахнет почва, им пропитан воздух,
И пламенные волны дышат им.
Гордятся цепи маков красноезвездных
Целебным всемогуществом своим.

Безудержному я дивлюсь цветенью,
И солнце пьёт дыхание полей,
И внемлет голубому песнопенью
Зеленый слух склоненных тополей.

Тропа ведёт в чертоги детской сказки.
Где маки улыбаются, маня,
И рассыпают радужные краски,
Живые всплески влажного огня.

Усеяно росой серебристой
Мерцающее золото цветка...
Наряд киргизской девушки цветистый.
Как алый мак, горит издалека.

---

¹ Аил (киргиз.) — аул.

² Лекарственный мак цзинь-хуа — «Золотой цветок», как именуют его иссыккульцы-дунгане.

И вереница девушек румяных
Пришла на чудный, многоцветный пир,
И радуга смеётся на полянах...
Цветы и люди населяют мир.

Красные скалы

Здесь к утёсу – утёс, будто к парусу – парус.
Словно древние крепости и корабли,
Встали красные скалы – за ярусом ярус,
Как знамёна свободы восставшей Земли.

Многодумные горы тверды, нерушимы,
Их лучи опаляют, их моют дожди.
Всё мне кажется: путь озаряют вершины...
Так народы ведут за собою вожди!

Пролетают над ними веков караваны
И плывут облаков голубые ряды.
Но утёсы крепки и, как прежде, багряны,
Цветом яростной крови орлиной горды.

Здесь рождалась огромною птицею алой,
Огнекрылою птицей свободы заря,
Может быть, потому и красны эти скалы,
И шумят, как знамёна, над миром горя.

Баллада о перевале Сан-Таш

Блещет на рассвете
Кунгей-Алатоо,
Обагранный солнцем
неприступный кряж.
Близ холма,
кургана древнего, крутого

Проезжал я снежный перевал
Сан-Таш¹.
Вскрикнул спящий беркут...
Но вершина дышит
Тишиной древнейших,
вымерших времён.
Гул копыт поникший
камни чуть колышет...
Нет на серых плитах
надписей, имён.
Крепнет жар полдневный
и печёт жестоко,
Моеет дождь печальный
мертвый камнепад.
Нарастает ветер,
дующий с востока,
Яростные брызги
слезами кипят.
Некогда нагорьем
двинул свои орды
На киргизов мирных
сам Аксак Темир²
Дрогнули народы,
но возвышались гордо
Тянь-Шаньские отроги
и снеговой Памир.
Велено всем воинам было
перед боем
Возложить по камню
на голову хребта.
В небо голубое
поднялась прибоем,
Полчищем обломков
застыла высота.

---

¹ Сан-Таш — название перевала, буквально: считанный камень (киргиз.).

² Аксак Темир — Тамерлан.

И рванулось войско
в долинные просторы,
Позади оставив
гребень холмовой.
Он стоял над миром,
подпирая горы
И огнём небесных касаясь головой.
Искры высекал
сталь касалась стали,
Всадники сквозь скалы
летели напролом,
И в крови по пояс,
землю сотрясали...
Ливень реял птицей
с огненным крылом.
На пути обратном
батыры Тамерлана
Взяли свои камни
по крутой тропе
Отшагал последний,
но не снес кургана...
Так воздвигли павшие
памятник себе.
Стал восточный ветер
с той пор «Сан-Ташем»,
На волне озерной,
вздувшейся горбом,
Борется с ним насмерть,
смешавшись с ералашем
Бури
ветер западный,
зовущийся «Боом».
Вихрей поединок
над заревом лазури
Видел я на ранней,
на розовой заре...
Думал я о битве,
о времени,
о буре,
О сложенной из камней
древнейшей горе.

Верблюжонок

Спят глубоким сном
Знойные пески.
Караван идет,
Лунным светом дыша.
Колокольчик то спит,
То поёт от тоски
Караван идёт,
Не спеша.
Определит по звезде
Караванщик путь.
Караван плывёт,
Будто по морю флот.
Таёт туман, как дым.
Звон не даёт заснуть.
Медленный караван
Тихо идёт вперед.
Вот верблюжонок упал,
Белый, упал в песок.
Неприметный в ночи,
Вдаль караван уйдёт.
А на звездный песок
Караван облаков лёг.
И пустыня сквозь сон
С богом беседу ведёт.
Колокольчик то спит,
То поёт от тоски.
А верблюжонок отстал,
Белый, упал в песок.
Караван далеко,
Вокруг не видно ни зги.
Ему покажет рассвет
Отпечатки верблюжьих ног.

Аил Шавай

Тянь-шаньских гор немеркнущим сияньем
Облит аил.

Висит его скала
Над стрежнем рек, над самым их слияньем —
Гнездо орла под крыльями орла!

Здесь отчий дом, начало всех кочевок...
Ночь...
Чабаны, собравшись у костра,
Сидят и жарят на дровах арчевых
Архаров мясо...
Скоро в путь пора.

В долинах — лето. Здесь — еще подснежник.
Весенний ветер легкий звон принес.
То в розовых цветах, то в белоснежных
Цветёт весны предвестник, абрикос.

Сердца тревожит песнь ключей живая,
Весну торопят песни чабанов...
Влетают в окна девушек Шавая¹
Снежинки абрикосовых садов.

Когда Шавай
Покрыт цветочным снегом,
Весь путь свободен, остановок нет...
Идут отары вброд по белым рекам,
Толпа деревьев белых смотрит вслед.

Весна в долине Чу

Бесконечен знойный день весенний
И горяч в степи моторный гул,
И в небесной зыбкой светотени
Голос нитью солнечной блеснул.

---

¹ Аил Шавай — маленькое селение под Белогоским перевалом в Сокулукском районе Киргизии.

Тракторист глядит на высверк нити,
Жарким солнцем залит небосвод.
Звон стоит застывший, и в зените
Жаворонок пляшет и поёт.

То в лазурь он прынет бездыханно,
То к земле опустится, звеня,
И вздохнут багряные тюльпаны,
Раздадутся волнами огня.

То горячий луч, то спелый колос
Тронет крылья, быстро, как стрела.
И цветам, и людям отдан голос,
Сердце – степи, небесам – крыла.

Ходит море зреющего хлеба,
Льётся песни солнечный разлив,
И, как в день творенья, твердь и небо
Внемлют ей, дыханье затаив.

Ала-Тоо

Как восточные акыны,
Что на праздник собрались,
Сединой крутой вершины
К небу, к солнцу поднялись.

И над ними всадник вечный –
Время скачет, как Манас¹,
Чу² грохочет бесконечно,
И звенит в горах Талас³.

---

¹ Манас – легендарный народный герой, богатырь.

² Чу – название реки в горах Киргизии.

³ Талас – долина в горах Тянь-Шаня. Тянь-Шань в переводе с китайского означает «Небесные горы».

Облака плывут, как птицы.
Тучек серые отары
Вдоль хребтов спешат напиться
К Иссык-кулю, как архары.

А в ущелье гор Небесных –
Праздничный, весёлый гул,
Будто там выводит песню
Знаменитый Токтогул.

И над Чуйскою долиной
Облако лебедем плывёт,
Месяц саблей посредине
Разрубает небосвод.

Крыльев солнца золотого
Над вершиной вижу взмах.
Ты прекрасен, Ала-Тоо,
Как сравнение в стихах.

Потомок Манаса

Памяти одного из 28 панфиловцев,
Героя Советского Союза
Дуйшенкула Шопокова

В краю Небесных гор, как беркут, вырос ты,
Здесь бурей пролетал Манаса конь крылатый,
Здесь встали до небес могучие хребты
И светятся вершин серебряные латы.

Мечтою детскою раздвинув окоём,
Ты вглядывался вдаль:

всё шла река большая...

И, мальчик из Шалты¹, на палочке верхом
Скакал ты, как джигит, Манасу подражая.

¹ Шалты – название киргизского аила, где родился Дуйшенкул Шопоков.

Я — комуз

Я — комуз¹ всегда с двумя струнами,
Одна поёт, другая плачет.
Я — скакун, который над горами
Луне и солнцу навстречу скачет.

Киргизское солнце

Из-за вершин лиловых Ала-Тоо,
Над высью облаков и птичьих стай,
Вставала сказка солнца золотого
И наполняла счастьем синий край.

И призывавший долы пробудиться,
Был нежен соловьиной песни гром,
И реяла земля зеленой птицей.
Роса сверкала тонким серебром.

В тюльпановом пожаре так багряно
Цвели холмы, вдвойне озарены —
Весной и солнцем алым Киргизстана,
Рассветом и пыланием весны.

И по росе сверкающей поречья,
По берегу свеченьем полной Чу,
Что ни заря, к тебе-тебе навстречу, —
О, солнце Киргизстана, я лечу!

Пусть отрочество сказочною птицей
Давно умчалось в дальние края,
Твой первый луч в моей груди струится.
Твоим теплом полна душа моя.

¹ Комуз — киргизский музыкальный инструмент.

Жажда пустыни

Страдая от жажды,
Весь день голосила пустыня,
По жаждущим глинам
Неслышно шагал караван,
И жирного солнца
Ленивая желтая дыня
Катилась миражем
Сквозь жаркий воздушный туман.
Вдруг черный дымок
Показался над гребнем бархана,
Как будто бы кто-то
Вдали подпалил небосклон,
И двинулись тучи
Копытной ордой
Чингисхана
Неумолимо,
Как рок,
Как природы
Закон.
Хлестал суховей,
Как свистящая сабля монгола,
Кричали верблюды,
Упорно работал самум,
Огромная мельница
Камни ломала, молола,
Вставали плашмя,
Грохотали пески Каракум.
Но схлынула тьма,
И песчаное море уснуло
На вогнутом ложе
Безводного русла реки,
И солнце сидит
На ветвистых рогах саксаула,
На красном песке
Золотые лежат черепки.
— Поведай, старик,
Золотую степную легенду
Хорезмской земли,
Столь же древней, как мир пирамид...

— Здесь были сады,
Переливчатой шёлковой лентой
Шумела вода,
Там, где ветер тревожно шумит.
Но усталое солнце
Когда-то упало от жажды
На страну моих дедов
Не стало в ней больше воды.
Эти древние реки земли
Омертвели однажды,
Отшумели однажды
Весенние эти сады.
Ветер зноя летит,
И тяжело вздыхают верблюды,
И пустыня скорбит,
И песчаные волны несёт,
И метелица-мельница
Месит громадные груды,
И большие барханы
Все мелет, метет и метет...
На верблюде вздремнул
Мой рассказчик,
                    мой спутник усталый,
И великое море
В дороге приснилось ему,
И веселое солнце
Бежало полоскою алой
За бортом корабля,
Догоняя лучами корму.
Он
Спросонок привстал,
Сорвал невидимое одеяло
И воскликнул: «Вода!
Дай напиться!
Вода, ты близка!»
И проснулся от крика...
По руслу
Большого Канала,
Подминая пески,
Торопливо летела
Река.

Дочь степей

Известной поэтессе Казахстана
Марфуге Айтхожиной

Приходит весна. На степном неоглядном просторе
Такая краса пламенеет в зеленом апреле:
Тюльпаны, тюльпаны – колышется Алое море!
В него с поднебесья струятся прозрачные трели.

Весенние травы глаза распахнули по-птичьи.
Роса на цветах, словно божие слёзы, сверкает.
С черты горизонта во всём негасимом величье
Восходит светило и сумрак холодный свергает.

И ты запеваешь, как птица в степном поднебесье,
Привязана струнами сердца к весенним просторам.
Любовь к этим далям подобна бесхитростной песне,
Которую птицы поют в одиночку и хором.

Согретое сердцем, хорошее слово желанно
На свете любому... Зеленая степь утонула
В предутренней сини, в широком разливе тумана.
Но вспыхнуло солнце! И луч в синеву окунуло.

И – сразу открылись рассветные выси и шири!
И солнечный конь поскакал сквозь туманы игриво –
Тюльпанов степных не касались копыта большие,
Цветущие яблони гладила красная грива.

О, посвист рассветный – я слышу опять перепелку!
Знакомые песни нахлынули тут спозаранку.
Давно я пытаюсь догнать свою юность, а толку?
Скачи, мое солнце! Быть может настигнешь беглянку?

А ты мне, Марфуга, пропой о домбре голосистой,
О той, незабвенной, что песням Джамбула внимала.
Я стану лучом золотистым, травинкой росистой,
Росинкой степной, о судьбе не печалься ни мало.

Когда журавли прилетают, зимовья покинув,
И степи цветущие трубное будит рыданье, —
И мертвых тогда воскрешают напевы акынов!
Нетрудно поверить: правдиво седое преданье.

Понятно мне слово степное акына-казаха.
Кипением Чу сполоснута песня любая,
И в каждой гнездятся, не зная сомненья и страха, —
Поют соловьи, соловьи золотые Абая!

И даже простившись, я все ещё в вашем апреле:
Цветущую степь и зарю за чертой окоема,
И пенный кумыс, и высоко звенящие трели —
Уже не забыть ни в краю чужедальнем, ни дома.

1970

Салам алейкум!

Салам алейкум, горные вершины!
И стаи в небе мирных облаков!
Земля друзей, цветущие долины,
Страна киргизов, родина орлов!

Я — сын Эльбруса, вырос на Тянь-Шане,
Когда войной охвачен был мой край,
Оставил детство, юность в Киргизстане.
Где жёг в кострах пастушеских курай.

Со мною здесь делились братских хлебом,
С тех пор союз наш крепок, как гранит.
И вот я вновь под тем же тёплым небом,
Что звёзды детства бережно хранит.

Земля Манаса, вздыбленная к солнцу,
Прорвавшаяся сквозь вековой туман,

Как пред Эльбрусом, сняв папаху горца,
Я кланяюсь тебе, орлиный Киргизстан!¹

1975

Надпись на гильзе

Народному поэту Киргизии
Темиркулу Уметалиеву,
участнику битвы за Кавказ

Лежала эта гильза тридцать лет
В моей святой, родной земле Кавказской...
Большой рахмат² Вам, воин и поэт,
За песню и за подвиг Ваш солдатский³!

1975

Чуйская долина

Весеннее сказанье мирозданья —
Тюльпанов медных нивы и поля —
Расстелется ковровой красной тканью;
Расступятся по краю тополя.

Простор заполнен запахом весенним,
Белеет щедрый яблоневого цвет.

---

¹ Впервые это стихотворение было прочитано в сентябре 1975 года в Дни советской литературы в Киргизии, а 23 сентября 1975 года опубликовано в республиканской газете «Советская Киргизия» (Примечание автора).

² Рахмат — спасибо (киргиз.).

³ В сентябре 1975 года вместе с поэтами Сергеем Фиксиным и Буудайбеком Сабыровым я пришёл по адресу: г. Фрунзе, ул. Первомайская, 32 и вручил Темиркулу Уметалиеву гильзу с кавказской землёй. Поэт молча вытер слёзы. /Прим. автора/

И солнечным пшеничным колошением,
Грядущей жатвой счастлив белый свет.

Вслед за волной извилисто – округлой,
Проходит жизнь по рыхлому ключу,
Течёт арык, и поливальщик смуглый
Преображает чахлую бахчу...

А там, над полем пламенно багровым,
Летит напев, напоминая мне,
Что в отрочестве нежном и суровом
Я был подпаском в этой стороне.

Спадает, бывало, ноша солнцепёка,
Промчатся тени по долине Чу,
Зигзаги молнии мечутся высоко,
А я в ночное по степи скачу...

И все цветы земли степной, тюльпанной,
И все друзья первоначальных дней
Вдруг оживают в памяти туманной,
Цветут в тишайшей памяти моей.

1975

Могила отца

Сухая степь, колючки на пути,
Здесь редок дождь, а чаще – суховей,
О, как я мог, прожить до тридцати,
Не зная новой родины твоей?

В долине Чу, за Стретенкой селом,
Где отдыхает стая журавлей,
Роняю горько слёзы над холмом
Среди осенних выжженных полей.

Среди могил, заброшенных судьбой,
Средь тишины печальной и скупой,
Стою надгробным камнем над тобой
Глухонемой от горя и слепой.

Прости отец, я не принёс цветы
На скорбный холм, что ветры занесли,
С далёких гор, что вечно помнил ты,
Тебе принёс я горсточку земли.

Ты так любил цветы! Но не до них
Тебе пришлось, земли недолгий гость.
Ты завещал мне в день, когда утих
С Кавказа принести вот эту горсть.

С Эльбруса я пришёл, где снег среди скал,
Где песнь звучит струящейся воды,
Где ты на флейте песни мне играл
И на тропинках оставлял следы.

Где все орлы над скалами парят,
И где дорога по тебе грустит,
Но твой очаг погас, и уж назад
В него огонь никто не возвратит.

И мама моя рано умерла,
Два солнца для меня погасли вдруг,
Что скорбь сиротства в душу залегла,
И по глазам узнает каждый друг.

Сухая степь, тягучий жёлтый зной,
Здесь вечности покой вокруг застыл,
Лишь журавли курлычут надо мной,
Роняя перья на холмы могил.

Песок пустыни все захоронил
Легенды этой вымершей земли,
Она покрылась ранами могил
И люди её бросили, ушли.

И вот твоя могила без примет
Заброшена суровой судьбой,
Простого камня над могилой нет,
Но сын застыл надгробьем над тобой.

Не встать тебе в твоих пустых ночах,
В родных горах приют не обрести,
О, если б мог я на своих плечах
Твою могилу в горы унести!

1975

Киргизстан

Кумыс

Известному писателю и учёному
Санарбеку Карымшакову

Был Иссык-Куль в тумане сине-сизом,
Пылал от зноя кряж береговой,
Дочь пастуха поила нас кумысом,
Прохладою молочно-снеговой.

В отцовской юрте – груды бешбармака¹,
Ручьи кумыса пенились, журча...
Слезал охотник юный с аргамака,
Срывая когти беркута с плеча.

О мужестве орлиного полёта,
О днях Манаса пел Иманалы...
И не сойти с большой кошмы почёта,
Не осушить пудовой пиалы.

Я помню солнца яростную силу,
Что дарит коже смуглое тепло.

¹ Бешбармак – киргизское национальное блюдо.

Я помню песнь волны голубокрылой
И беркута отважного крыло.

И волны голубые Иссык-Куля
Мне снятся вновь, как молодость моя.
Спустя десятилетия смогу ли
Забуть ваш хлеб, киргизские края!

И ваш кумыс, и тот далёкий вечер
В туманной сини, в розовом огне.
Я помню всё! И звуки вашей речи,
Как ваше солнце греют сердце мне.

1975

Арча Манаса

Баллада

Чингизу Айтматову

В глуши Тянь-Шаня, на горе Манаса¹
Тысячелетняя стоит арча².
Порою к ней из тучи седовласой
Несутся стрелы молний, грохоча...

Меж небом и землёю, на отвесе
Стоять на страже, дан арче наказ,
Оглядывая зорко поднебесье...
Как дочь, лелеял деревце Манас.

И, стужею пронзён до сердцевины,
Овеян ветром, снегом убелён,
Ствол высился, и славили акыны
Посланца незапамятных времён.

¹ Манас — герой киргизского эпоса «Манас».

² Арча — вечнозеленое дерево в горах Тянь-Шаня.

Как будто бы с небес арча сходила,
Взяв тучу под зеленое крыло,
И зажигала ветками светила,
И было на вершинах гор светло.

И в древности под воинством киргизов,
Как знамя, развевалась ветвь арчи...
И мчится чаща, бросив буре вызов
И обнажала на скаку мечи.

Парят арчи раскидистые крылья,
Так сладко ей в долину с кручи слать
И голубого ливня изобилье,
И золотого солнца благодать.

Шумит арча и звёзды не померкнут,
И землю минет лютая беда...
Так мечется над беркутенком беркут,
Когда в зарницах горная гряда.

В тревожный час арча обрушит скалы
И вспять врага пожаром повернёт,
И силою былинной, небывалой
Исполнит ополчившийся народ.

Сияют вечно горные вершины,
Снега, белея, светятся в ночи.
Как воин баснословный и былинный
Отчизну охраняет ствол арчи.

Здесь точит небо огненные стрелы,
Здесь бьётся сердце чистого ключа,
И, развеваясь на вершине белой,
Шумит, как знамя, древняя арча!

1975

Город Зеленого Листа

Пришла весна в предгорья Ала-Тоо,
Как молодость, прекрасна и чиста.
Стоит громада солнца золотого
Над городом зеленого листа.

Журчит вода арычная, речная,
Шумят ряды зеленых тополей,
Весёлый мальчик, ласточек встречая,
Идёт дорогой юности моей.

Вот здесь когда-то ласточкины гнёзда
Я сам лепил из глины по весне.
Шумит листва, весенний лёгок воздух,
Весенний город подпевает мне.

И держат небо тополей опоры,
Оно синей, чем двадцать лет назад...
Ещё светлей серебряные горы,
Всё зеленей светло-зелёный сад!

И снова детство предо мной предстало,
Как мальчик, я по улице бегу
Туда, где Ленин смотрит с пьедестала
На край вершин, чьи головы в снегу.

Апрельским днём, сойдя со склонов близких,
Под крыльями весеннего дождя
Сложу цветы холмов и гор киргизских
К подножью изваяния вождя...

Я помню, как открылся предо мною
День осени страницей букваря
Над площадью торжественно-большою,
Где мчится Фрунзе – всадник Октября.

Вновь облака над белыми горами
Я вижу с Лебединского моста...
Всё глубже в сердце входишь ты с годами,
Вид города зеленого листа.

1956

Кашка-Су

Учёному и переводчику
Сагынбаю Ерматову

Гляжу на Белогорский перевал.
Вверху плывут неспешно облака,
А верблюжонок-солнце к ним припал,
И пьет, и не напьется молока.

Река с отвесных скал несется вниз
И у подножья, словно гром, гремит,
Как будто это юноша-киргиз
На быстроногом скакуне летит.

На склоны Ала-Тоо бросишь взгляд –
Везде тюльпанов огненный ковер,
А я стою, как много лет назад,
Под щедрым солнцем этих древних гор.

Плывут картины детства предо мной:
Журчит, поёт мне речка Кашка-Су
О том, как бегал по лугам босой
И как впервые в руки взял косу.

Судьба, тебе я низко поклонюсь
За то, что привела опять сюда.
К земле киргизов я ещё вернусь.
Ведь в ней отец остался навсегда.

Там, на Кавказе, через много лет
Я не забыл хрустальную красу.
Благодарю тебя за соль и хлеб,
Моя сестренка, речка Кашка-Су!

Киргизских гор волшебная струя,
Поющая, звенящая звезда.
В тебе я слышу пенье соловья,
И жаворонка трель, и свист дрозда.

Твой голос звонкий, ласковый зовёт
К тропинкам детства, где когда-то рос,
Туда, где рядом твой аил плывёт
И мой такой далекий сенокос.

Сейчас хотел бы я акыном стать,
И пусть тогда комуз расскажет сам
Всё то, что я не в силах рассказать,
Всё то, что не доверил я словам.

Пуškai звенят волшебные края.
Чем выше в горы, тем слышнее звон.
Цвети и пой, Киргизия моя!
Я навсегда, как сын, в тебя влюблен.

1975

Иссык-Куль

Словно небо на сушу упало,
Синих вод беспределен простор.
Машет чайка крылами устало
Над тобою, владыка озёр.

Я застыл над озерной равниной,
Мне волна тишину принесла,
Словно беркуту клетот орлиный
Песню эха, воды и весла.

Сине-звонкое зеркало моря
Отражает безмолвный простор...
Словно пауза в медленном хоре –
Ледяное молчание гор.

Глуше, глуше дыхание бури...
Звёзды спят в синеве голубой.
И летит по озёрной лазури
Лунный серп, снятый с неба волной.

1975

Иссык-Кульская луна

Народной артистке СССР
Кааргуль Сартбаевой

Над озером просвет меж облаками,
Как будто день настал – вокруг светло.
И полная луна застыла над волнами –
Так смотрит девушка в зеркальное стекло.

Вершины гор покрыты льдом и снегом,
Полуночная дремлет тишина.
Лишь изредка звезда простится с небом,
Как девушка, купается луна.

И волны шепчут нежно и влюбленно,
Чолпон¹ восходит над Чолпон-Атой².
И переполнен чудом мир бездонный,
И лунный свет играет над водой.

И сердце снова мается и бредит
Под рокот волн тревожный, как струна.

¹ Чолпон – утренняя звезда /киргиз./

² Чолпон-Ата – курортный город на берегу Иссык-Куля.

Зовёт и что-то хочет мне поведать
Прекрасная, как девушка, луна.

1975

Могила Кязима

Казахская степь без конца и без края,
И жаворонок – в небесах, и цветы,
И травы шумят, покрывая, скрывая
Могилу твою без надгробной плиты.

Твой след в ослепительно-знойной пустыне,
В степной чужой стороне отыскать я хочу,
Учитель учителя... Ленточкой синей
В горячем раздолье теряется Чу.

Без надписей камни, немые могилы
Война здесь оставила... Вечер багрян.
Дорога задумчива... Ветер в полсилы,
Лениво, чуть слышно колышет бурьян...

Могилы твоей не сыскать, и просторы
Безмолвны... Оставив степные чужие края,
Опять улетаю в родимые горы,
Где кузница славилась раньше твоя.

Но пусто и в доме хромого Кязима,
Погашен огонь, и затихли меха,
Лишь пламя поэзии неугасимо,
Прославлена кузница сталью стиха.

Так мир по весне белорозов и весел,
И груша твоя расцвела, и, как сын,
Воздвиг тебе памятник дивный из песен,
Из гулких стихов, ученик твой Кайсын.

1979

Алма-Ата

Вновь гляжу я на тебя с любовью –
Заалел рассвет за Алатау.
О, Алма-Ата, столица дружбы,
Над тобою осень золотая.

Проплывают под крылом машины
Садики, сады твои и парки.
Соловьи усталые уснули
В зелени твоей густой и яркой.

Сверху ты мне кажешься тюльпаном,
Беркутом, собравшимся далече,
Девушкой-наездницей казахской,
Скачущей своей судьбе навстречу.

Кажешься мне мудрым аксакалом
Кажешься младенцем годовалым –
О, Алма-Ата, хозяин щедрый,
Гордый урожаем небывалым.

Ты наполнен ароматом яблок,
Город, выплывающий к рассвету.
В этот час и возникает песня,
Солнечного горы ждут привета.

Молодой, как первый луч восхода,
Город наш, прославленный Джамбулом,
Поднимающийся к солнцу беркут.
Обгоняемый заздравным гулом.

1983

Атакел

Тебя вспоминаю¹ и, снова во сне,
Далёкое детство всё видится мне.

Крылатый, горячий, летящий огонь,
На лбу со звездой красавчик мой конь.

Купались девчонки у мельницы той.
Ты звал и манил их своей белой звездой.

Одна улыбнулась огнями очей,
Та, что мне снится во мраке ночей.

Закрою глаза и у мельницы пруд,
Купаю коня я, девчонки идут...

И кажется, смотрят они на меня:
Нет в мире огромном такого коня.

Пускай постарел я, и множество дел –
Тебя вспоминаю, мой друг Атакел.

1988

Жолон и Долон

Светлой памяти
талантливого киргизского поэта, моего друга
Жолона Мамытова

Рассказывал киргизский друг Жолон:
«Есть на Тянь-Шане перевал Долон.

---

¹ Поэт вспоминает: «Я, сын табунщика, с детства очень любил лошадей и горы. Помню, когда учился в 8-м классе, в течение полугода ежедневно после уроков приходил на конюшню посёлка Первомайского Сокулукского района Киргизии, чтобы входить в доверие к каждой лошади и помогать конюхам раздавать сено, поить лошадей и вывозить навоз. Летом только мне одному доверяли купать на пруду за мельницей Гилина знаменитого английского скакуна Атакеля».

Там скалы дикие, снега кругом,
Гремит стоустый поднебесный гром.

Срываются лавины часто с круч,
Чернее в мире не бывает туч.

Со своей добычи не отводит взор
Там снежный барс – хозяин гор.

Шумят дожди, внизу рыдает лес,
И беркут камнем падает с небес.

Метель метёт, буран бушует – шум.
Там полон человек тревожных дум.

Всё небо держит на рогах архар¹,
А где-то голос подаёт улар.

Там звёзды выше кажутся, светлей,
Откуда дарит солнце нам лучей».

...Я с этим краем с детских лет знаком,
Там горы исходил в юности пешком.

Там пас когда-то отары я овец,
Уснул навеки добрый мой отец.

Впервые я стихи сложил в горах
О сверстниках, о школьниках – друзьях.

Судьбой нелёгкой связан был с тобой,
Орлиный край, Тянь-Шань мой снеговой.

Грохочет, всё спешит Нарын-река.
Над нею в небе пляшут облака.

Ушёл из жизни мой киргизский друг Жолон.
О нём грустит всё перевал Долон.

---

¹ Архар – дикий горный баран в горах Тянь-Шаня.

Но помнит всадника-поэта перевал,
Который древний эпос рассказал.

Как храбрый предводитель хан Манас
Племена киргизов от врагов там спас.

Он не боялся смерти и огня,
Я слышу топот крылатого коня.

Любил поэт потоков долгий звон,
Воспел долины и вершины он.

Грущу в горах, где в серебре Долон:
Ушёл из жизни милый друг Жолон.

1989

ЖЕНСКАЯ
КРАСОТА

Люблю я девушку одну

Как птица любит небо голубое,
Как ветер горный любит вышину,
Как ветка любит солнце золотое,
Люблю всем сердцем девушку одну.

В горах, где любит раннюю весною
Поток стремить в теснину быстрину,
Из всех девчат, что ходят под луною,
Люблю всем сердцем девушку одну!

* * *

Наши окна смотрят друг на друга,
Твой балкон мне кажется звездой.
Ты моя красивая подруга,
Как тюльпан в горах, цветешь весной.

Время всё летит не удержиимо,
Взглядом мне «Люблю» ты говоришь.
Часто на балкон выходишь живо,
Красной кофтой ты к себе манишь.

Сердце рвётся всё к тебе, стремится,
Ты не знаешь ничего о том.
Ты моя божественная птица,
Мне звездою кажется твой дом.

Я хочу к тебе попасть неожиданно
Звёздной ночью или на заре.
Свет любви струится неустанно,
Ты проходишь молча во дворе...

В сердце ты вошла моё,
Словно ласточка в гнездо.
Всё во мне звенит, поёт:
Сердце – светлый, добрый дом.

Сердца моего язык
Слышишь ты, владеешь им
Каждый час и каждый миг –
Не понять его другим.

Как поток ущельями
Ты спешишь ко мне,
Звёздами весенними
Ты цветёшь во мне.

Жду тебя

Ждёт орёл свою орлицу.
Клён тоскует по весне.
Две реки стремятся слиться.
Гул грозы пустыне снится.
Жду тебя, приди ко мне.

Ждёт скакун лихой дорогу.
Пеший грезит о коне.
Грустно травам тонконогим:
Им росы бы хоть немного!..
Жду тебя, приди ко мне.

Горы ждут всю ночь восхода.
Бурка предана дождю.
Дни медлительны, как годы, -
Как невольник ждёт свободы –
Твоего прихода жду!..

Кюнтаяк

Выплыл месяц над Домбаем,
Разогнал в ущельях мрак.
Только ты мне ярче светишь,
Мой весенний кюнтаяк¹.

Что же сердце замирает,
Если твой мне слышен шаг?
Для меня ты всех дороже,
Мой весенний кюнтаяк!

Я найду

Если рыбкой ты исчезнешь в море,
За тобой и я нырну на дно,
Если ветром улетишь за горы,
Отыщу тебя я всё равно...

Если птицей станешь, за тобою
Полечу в небесные края,
Засияешь дальнею звездой,
Всё равно тебя достану я!

Женская красота

К небу – солнцем обласканной сини –
Вечно тянется гор гряда.
Поклоняюсь тебе как святыне,
Женская красота.

Под песками – империи бывшие.
В камне ль, в бронзе ль живёшь ты чиста,
Перевалы веков победившая,
Женская красота.

---

¹ Кюнтаяк – солнечный луч.

Жизнь течет – далеко мне до устья,
Не черствеет души чистота,
Тобою ранен, тобой лечусь я,
Женская красота.

Честь и мужество, грусть и тайна
Породнились в тебе неспроста.
Лишь оклихни – из праха я встану,
Женская красота.

Уберечь бы от горького дыма
Воздух века... так пусть же всегда
Сияет в лике планеты любимой
Женская красота.

1960

* * *

Стремится птица в небо голубое,
Колышет ветер яркие цветы.
С тех пор, как повстречался я с тобою,
Нет никого дороже мне, чем ты.

В горах не так ли раннею весною
Поток в теснине любит быстроту,
Не так ли сокол, взмывший над землёю,
В своём полёте любит высоту?

1960

Блекнут звёзды

Ночи красоту как передам?
Не подвластна красота словам.

А на землю тысячами глаз
Смотрит небо в полуночный час.

Эта ночь – преддверие к весне,
Горы грезят солнцем в полусне.

Дремлют сосны, не шумлив поток,
Ждёт рассвета ясного восток.

Я, как ночь, под звёздами притих,
Удивляюсь: сколько света в них.

Сколько яркости и чистоты!..
Но блекнут звёзды, если рядом ты.

1960

* * *

За тебя я готов испытать горя муки,
Ты, весеннего утра заря!
Я целую твои белоснежные руки,
Ты – мой перевал, ты – вершина моя.

1960

* * *

Луна взошла в небесные просторы,
Её я так просил тебя найти...
Она давным-давно ушла за горы,
А я всё жду и не могу уйти.

1960

Приди

Уходит ночь за горные хребты.
Усталый ветер спать прилёт в саду.

У дерева, что так любила ты,
Я вновь и вновь тебя напрасно жду.
Приди.

Вон скачет всадник к дому своему.
Седые к небу тянутся дымки.
Пойми же ты, мне зябко одному,
Хочу коснуться я твоей руки.
Приди.

Орёл могучий в утренней тиши,
Крылом касаясь розовой зари,
Навстречу дню грядущему спешит...
Хотя б одно свиданье подари...
Приди.

1960

Родник

Как чувство передать? Ни словом, ни рассказом
Его не удержать, так смысл его велик,
Оно – как солнца шар над брезжущим Кавказом,
Иль – в сердце ледника мерцающий родник.

Закон его судеб – во тьме непостижимой,
Крылами зашумит над смолкшею землёй,
И кажется любовь звездой неугасимой,
Глядящей с высоты на отблеск свой.

1960

* * *

Жёлтый день печали и прохлады,
Ожиданье тихое вокруг.
Журавлей осенние отряды
Держат путь к родным горам, на юг.

Голубой далёкий край мне снится,
Милый взгляд на том краю земли,
И моё уносят сердце птицы...
Жду, когда вернутся журавли.

1960

* * *

Мои орлы над кручами плывут,
Чтоб обо мне напомнить и во сне.
Стихи мои разлуки боль уймут,
Когда ты затоскуешь обо мне.

Когда ж меня захочешь ты обнять,
Приникни грудью к соснам Теберды.
Получишь весть мою, а в ней опять
Привет вершинам, говору воды.

Слова, что в сердце ты смогла найти,
Мне перескажет горная река.
А если с ночью встретишься в пути,
Папайкой я раздвину облака.

Когда погасит солнце гор хребет,
Ты не грусти, что наплывает вечер:
В родных горах стремителен рассвет —
Тебе расскажет он о близкой встрече.

1960

Верю

Когда я увижу небо без звёзд
Тёмное и пустое,
Я вспоминаю солнце с лучами вразброс,
Всходящее солнце густое...

Когда я увижу, покрытые снегом,
Горы мои охлаждённые,
Я вспомню весенние брызги побегов,
Зеленые ливни, теплом рождённые.
Когда я гляжу на высокий хребет,
Он нас разделяет,
Он – наша разлука,
Я вспомню вдруг встречи стремительных рек,
Их бурные светло-зеленые руки...
Когда я гляжу на фото твоё,
Я вспоминаю свой лучший стих,
Я верю в то утро, где будем вдвоём,
Я верю, ты будешь в объятиях моих...
...Прочь, ночь,
И холодные горы со снегом, –
Я верю зеленым весенним побегам,
Я верю восходу и рекам в потоке,
И этой летящей ко мне дороге...

1960

* * *

Безмолвие... И я с тобою рядом
Слов не найду. В который раз и вновь!
Я говорить умею только взглядом
И только сердцем ведаю любовь.

И не солгут скрестившиеся взоры,
В твоей руке замрёт моя рука...
И друг на друга молча смотрят горы,
Их долгий взгляд переживёт века.

1962

Девушке из Сибири

Тихо дремлет озеро на скалах,
В нём вода прозрачна, как роса,
В нём, как в чаше жидкого металла,
Отразились горы и леса.
А луна, улыбки не скрывая,
Ласково в глаза твои глядит.
Я иду с тобой до перевала,
Что таится где-то впереди.
Рассветает. По тропе туристы
Снова вышли в дальний свой поход.
Водопад пыльцою серебристой
Проходящих рядом обдаёт.
На крутом Клухорском перевале
В это утро мы стоим с тобой.
Вот уже вершины засияли
Плещет море сказкой голубой.
Ты сейчас уйдёшь к нему тропкою,
Нашим щедрым солнцем залитой.
Тёплый наш салам возьми с собою
Передай Сибири золотой.
Молча мы глядим в глаза друг другу,
Что он значит, этот миг для нас?
Жаркую твою пожму я руку,
Может быть, пожму в последний раз.
Этот ясный день не тянет в море,
Не растает, словно белый дым.
Даже снег, что выпал на Клухоре
Не запорошит твои следы...
Подарив улыбку Карачаю,
Ты ушла по светлой высоте,
Где до перевала провожают
Милых сердцу горскому гостей.

Улыбнись

Как меня увидишь возле дома –
Раствори окно и улыбнись!
А пойдёшь с кувшином к водоёму –
Обернись ко мне и улыбнись!

Видишь, солнце горы освещает,
Будь мне солнцем ярким, улыбнись!
Лишь тебе я песни посвящаю,
Для тебя пою их, улыбнись!

Яблоня весенняя в расцвете,
Белая голубка, улыбнись!
Я одну тебя люблю на свете,
И за это ты мне улыбнись!

Если горы нас разъединяют,
Думая о встрече, улыбнись!
Скоро неразлучны будем, знаю,
Будем всюду вместе, улыбнись!

1963

В часы разлуки

После ночи долгой и беззвёздной
Пробудится солнце ото сна,
Вслед за стужей рано или поздно
К нам приходит нежная весна.

Ручейки сбегают по отрогам,
Чтоб долины к жизни пробудить.
Разлучила нас с тобой дорога
И должна опять соединить.

1964

* * *

Ночная тень на плечи Машука
Вразлёт, как бурка чёрная, ложится.
Вот просветлели с краю облака
Я о тебе всё думаю, не спится.

От этой думы тает мгла вокруг
Перед окном стою, рассвет встречаю.
И сердца твоего я слышу стук,
А я в тебе давно души не чаю.

1964

* * *

Ложатся хлопья снежные
На плечи белых берёз.
Ревную: губы нежные
При мне целует мороз.

* * *

Спят тропинки узкие
И видят нас во сне.
Берёзы шепчут русские
На горском языке.

* * *

Застыли ветки туев,
На кронах белизна.
От сладких поцелуев
В душе моей весна.

1964

Будь верна любви

Когда разлука будет вновь длинна,
Не бойся за меня, но только помни:
Есть бог любви – ты будь ему верна,
И жди меня, и сердце мною полни.

Я по утрам цветка коснуться рад!
Мне кажется, что с ним ты в чём-то схожа.
В ночи звезда притягивает взгляд –
Тебя, тебя увижу в ней, быть может.

Ты не печалься, что пока одна,
Мы встретимся, ведь встреча неизбежна.
Есть бог любви – ты будь ему верна
И не гаси в себе огонь надежды.

Я раб и властелин любви. Во мне
Она своё гнездо свила, как птица
И часто мне в полночной тишине
Сиянье глаз твоих в разлуке снится.

Когда разлука выпадет длинна,
Не бойся за меня, но только помни:
Есть бог любви – ты будь ему верна,
И жди меня, и мною сердце полни.

1969

Очарование

Солнце сказочно вставало,
Удивлён Кавказ.
Ты меня очаровала
Съетом карих глаз.

Покорён мой край родимый
Чудом красоты.

Ты – цветок неповторимый
Гордой высоты.

Ты – жемчужина планеты,
Лучше Шаганэ.
Воспевают пусть поэты
Наяву, во сне.

Не нужна мне птица рая,
Если рядом ты.
Ты – княгиня гор Домбая
Символ красоты!

1978

Задумчивая грузинка

Маргарите Габулашвили

Тебе, быть, может, снится по ночам
Родимый край, долина Алазани,
Где часто небо по твоим очам
Грустит, тоскуя звёздными глазами.

Тебе быть может, чудится рассвет,
Кахетия, умытая росой,
Где каждый камень песнею согрет,
Огнём светил, янтарною лозою.

Тебе, быть может, слышатся порой
Там ласточки чарующие звуки,
Где гром ударил липу над горой,
Которая тебе протягивала руки.

Тебе, быть может, шепчет наизусть
Луна свои таинственные сказки.
Осенней птицей где-то плачет грусть,
И падают на землю золотые краски.

Сам Лермонтов, пленительной звездой
Назвав, воспел горянку до слезинки,
Был очарован он её красой.
А может быть, ты внучка той грузинки?

1980

Музыка колёс

На полустанке весело и грустно,
Слышу я колёс вечерний стук.
Коль ты любишь, говори мне устно
Языком очей и нежных рук.

Ласточки куда-то улетают,
Не спеши за солнцем, задержись.
В воздухе дождевки молча тают,
Ты огнём любви во мне зажгись.

Ах, как жаль, что я-то не Есенин,
Я не знаю языка берёз.
Ты зажгла во мне костёр весенний
И стучишь все музыкой колёс!

1980

Жаворонок

Теплотой согрета в небесах дорога
Птицы прилетают стаями весной.
Где ты задержался, друг крылатый, долго,
Нежная певунья, жаворонок мой?

Где ты заплуталась, ласковая пташка?
Думал о тебе я, тосковал зимой.
Знаешь ты о том, что задержалась вспашка,
Песенка на крыльях, жаворонок мой?

Может быть, тоскуешь ты в далёких странах
По Кубани звонкой, по земле родной?
Может, заблудилась ты в густых туманах,
Солнышко живое, жаворонок мой?

Нивы загрустили, песню ожидая,
Буду откровенен: плачу сам порой.
Чародейка сердца, птица золотая,
Жду в горах тебя я, жаворонок мой!

1980

Чайки плачут

Ночь с луною говорила
О цветах любви не зря.
Небо звёзды уронило,
Занимается заря.

Дремлет берег мой скалистый,
Просыпаются поля.
Свет струится серебристый,
Тихо шепчут тополя.

Утро доброе настало,
От росы дымит трава.
Море древнее устало,
Как о нём мои слова.

Чайки плачут над волнами,
Нет тебя сегодня здесь.
Горы, море между нами,
Плачем чайки стал я весь.

1983

Твой влечёт меня ласковый взор,
Окрыляя во сне, наяву.
Ты – прекрасная музыка гор,
Без которой я жить не могу.

1987

Ласточка

Позади остались холода, метель,
Наступает дружно солнечный апрель.

Распустились почки, расцвели цветы,
Прилетели птицы в горы Теберды.

Посылает солнце тёплые лучи,
Зазвенели нежно горные ручьи.

У реки в ущелье расцвела сирень,
Над моим окошком щебет целый день.

В праздничном наряде горные края,
Радуетя солнцу ласточка моя.

С песенкой касатки зори гор ясны,
В ней любви дыханье и тепло весны.

Ласточка щебечет, льётся сладкий звук,
Солнышка приносит мне крылатый друг.

Пой, не уставая, над моим окном,
Вся земля ликует, торжество кругом.

Разбудила нежность, трепет сердца, стук
Ласковая пташка, ласточка – мой друг.

Радуюсь я солнцу, ласковой весне,
Я тебе обязан всем, что есть во мне.

1987

Солнце любви

Поцелуй меня ласковым взглядом.
Утоли мою жажду в груди.
Я хочу, чтоб всегда было рядом
Негасимое солнце любви.

1987

Черкешенка

Сияло щедро солнце над горами,
Цвели на склонах дикие цветы.
Ручьи звенели, пели голосами
Всех райских птиц в ущелье Теберды.

Ты озаряла край мой чудным светом
Своих очей – немеркнувших светил.
Когда в горах косили сено летом,
Крылатый голос счастье приносил.

Ты пела песни, горы были рады,
Черкесия цвела в душе моей,
И в честь твою гремели водопады,
С тех пор язык твой ближе и милей.

С тех пор народ твой воедино слился
С моим народом, гордая краса,
И где б я ни был, облик твой мне снился,
Очаровали милые глаза.

С тех пор я слышу, жаворонки тонко
Поют, щебечут, ласточки весны,
Звучит твой голос соловьиный звонко,
И зори всюду для меня ясны.

С тех пор и вечер кажется мне утром,
Черкезия цветёт в душе моей.
Роса на травах светит перламутром,
Когда поешь ты, райский соловей.

С тех пор заря горит волшебным светом
В краю вершин, в ущелье Теберды,
Где косари косили сено летом,
Ты собирала нежные цветы.

1987

* * *

Ночь проходит, день проходит,
А тоска всегда со мной.
Счастье где-то рядом бродит
За Медовою горой.

Солнце грустное садилось,
След остался золотой.
От меня отгородилась
Ты Железною горой.

1987

Солнце диких роз

К ласке я твоей привык,
Что теплей огня.
Мёда слаще твой язык,
Поцелуй меня.

Голос твой поёт, звенит,
Как журчанье струй.
У меня душа горит,
Сладок поцелуй.

Пью бальзам из твоих уст,
Сам свидетель Бог.
Ты цветёшь, жасмина куст
Завидовать бы мог.

Аромат твоих кудрей,
Чёрный цвет волос.
Краше нет тебя, мудрей,
Солнце диких роз.

Серебро, фонтана звон
До зари звенел,
Сладкий был волшебный сон,
Соловей нам пел.

Я искал твои следы
Много, много лет.
Я дарил тебе цветы,
Как любви привет.

Ты, как сказка хороша,
Позови – приду,
Ласточка, моя душа,
В ласковом саду.

Нету в мире таких сил,
Нет таких высот.
Ты светлее всех светил,
Краше всех красот.

1987

В Алибекском ущелье

Рушатся потоки знойным летом,
Опьянён я музыкою рек.
Озаряет край волшебным светом
Скачущий по скалам Алибек.

Пред тобою став я на колени,
Буду слушать песни светлых струй.
Нет на свете лучше моей Лены,
Подарившей сладкий поцелуй.

Оттого-то горы стали выше,
Оттого-то счастлив я с тобой,
И земля мне кажется здесь краше,
Голубее небо над землей.

Окрылён любви волшебной силой,
Лунным светом сказочных ночей.
Не видал я глаз твоих красивей:
В целом мире нет таких очей!

1987

* * *

Спят и горы, и долины,
Сердцу милые края,
Белокрылые вершины,
Краснокрылая заря.

Словно звезды, светят горы,
Небо стало серебром.
Водопадов слышу хоры,
Раздаётся всюду гром.

Здесь любовь моя гнездится
В каждой капле светлых струй

И малиновый мне снится
Твой домбайский поцелуй.

В поцелуе – вкус малины
У порога сентября,
Белокрылые вершины,
Краснокрылая заря.

Ты, как ласточка, проснулась
У слияния бурных рек.
Сердце сладко вострепелось,
Катит воды Алибек.

Я забыл печаль и горе,
В сердце – праздник красоты,
Потому что рядом горы,
Потому что рядом ты.

Пробуждаются долины,
Сердцу милые края,
Белокрылые вершины,
Краснокрылая заря.

1988

Домбайская осень

Словно белые беркуты в стае,
Все вершины в свежем снегу.
Без тебя я один на Домбае
На скалистом стою берегу.

Тишину нарушая в долине,
Листья падают с клёнов, шурша.
О тебе я пишу на вершине.
Без тебя загрузила душа!

Слышу, в воздухе ласточки плачут,
Им печально покинуть свой край.
Ручейки голосистые скачут,
Будто ждёт их в ущельях рай.

Ты уехала – солнце не греет,
Осень машет мне желтым крылом.
Сердце тает, о чём-то жалеет,
Происходит в душе перелом.

Водопады, что песни дарили,
Умолкают и стали мелей,
И тропа, где с тобой мы ходили,
С каждым днём всё дороже, милей.

Вспоминаю ушедшее лето,
Как звенел, ликовал водопад,
В небесах над вершинами где-то
Дождь плясал, грохотал камнепад.

Просыпался я с птицами рано
По утрам, собирая цветы.
Их рассвет целовал неустанно,
А потом целовала и ты.

Любовалась горами, долиной
У слияния солнечных рек.
Угощал тебя дикой малиной
Я в ущелье реки Алибек.

Той малиной меня угощала
Ты с конца своего языка
И губами меня превращала
Ты в счастливец, всё знает река.

И с тех пор красной ягодой кратко
Всё доносится музыка струй,
Будто в жизни моей всё так сладко,
Как малиновый твой поцелуй.

Твоя улыбка

С тобою ночи кажутся светлее,
Моей души немеркнувший кумир.
Пред ним, и солнце кажется бледнее,
Твоя улыбка греет целый мир.

1988

* * *

И всегда мне тебя не хватало,
Быть счастливым судьбой не дано,
Машет осень крылами устало,
Без тебя я устал уж давно.

1988

Прилечу

Не признаю я «погоду нелётную»,
Я стосковался, я к тебе хочу.
На крыльях ветра, птицы перелётной
К тебе, мой ангел, скоро прилечу.

1988

Железноводск

Маленький на карте городок,
Ты отмечен точкой лишь всего.
Я гляжу на северо-восток,
Греясь светом солнца твоего.

Ты – гнездо и песня соловья,
Прелесть ласковой моей весны,
Сладкий зов целебного ключа,
Зори тихие твои ясны.

Ароматом полон с давних пор,
Как цветок альпийской высоты,
Где живёт у двух волшебных гор
Девушка небесной красоты.

1989

На горе Железной

День весенний. Солнце светит ярко,
Голосами птиц ликует лес.
Я уверен, в полдень будет жарко,
Облака покинут край небес.

Терренкур лекарства полезней,
Мир крылатым кажется весной,
Льётся радость на горе Железной –
Ласточка и Солнышко со мной.

Я иду с красавицей любезной,
Всё поёт, щебечет лес вокруг.
Хорошо мне на горе Железной,
Если рядом Ласточка, мой друг.

Ручейки спешат, куда-то скачут,
Благодарны солнцу и весне.
Здесь от счастья птицы звонко плачут,
Нежно улыбаешься ты мне.

Зазвенела где-то куропатка,
Расцвела душистая сирень.
Улыбайся, пой, моя Касатка,
Пусть светлее будет этот день!

1991

Цветы

Снова годы уплыли куда-то,
Будто стал я совсем молодым,
И рождается утро крылато,
Каждый камень встает золотым.

Я не чувствую времени груза,
Будто вновь улыбаешься ты.
Я нарвал у подножия Эльбруса
Для тебя, моя прелесть, цветы.

В лепестках колокольчиков вечно
Вижу взгляд твой, милая джан¹.
И рождается песня сердечно,
И бушует любви океан.

Горы гордые белой толпою
Все зовут к тебе крыльями стай.
И спешу я на встречу с тобою
В Пятигорье – солнечный край.

Мне ромашки белые машут,
Как в долине родной Теберды.
Белогрудые ласточки падают
Синеву у скалистой черты.

Четверть века я сбросил куда-то
И потерял времени груз,
И к тебе мои песни крылато
Все стремятся, как к звездам Эльбрус.

1990

---

¹ Джан – душа, милая.

Сладкий голос

Твой облик мне снится всегда по ночам,
Завидует солнце твоим милым очам.

К другим голосам равнодушен я, глух.
Твой голос целебный ласкает мне слух.

1992

Моей любви ты бархатный сезон

1

Осенний лист шуршит, грустит и плачет,
В ущельях гор хрустальный слышен звон.
Поёт ручей и торопливо скачет,
В моей любви ты бархатный сезон.

2

Короче день, а солнце светит нежно,
От новой встречи на душе светло
Хотя на склонах холодно и снежно,
Меня согрело вновь твоё тепло.

3

Ты луч весны, ушедшей безвозвратно,
Как птица рая, как волшебный сон,
Ко мне вернулась ласточкой обратно,
Моей любви ты бархатный сезон.

4

И старый клён последний лист роняет,
В весну и лето снова верит он,

И пред тобою голову склоняет.
Моей любви ты бархатный сезон.

1993

Я вернулся с гор Домбая

Я вернулся с гор Домбая
Полуночную порой,
Где светил небесных стая
Все парит над головой.

Где любовь моя гнездится,
Где душа моя поёт,
Где река к реке стремится,
Где звезда звезду зовёт.

Я вернулся с гор Домбая,
Где ручьи поют, звенят,
Где земля дороже рая,
Где орлы мои парят.

Я вернулся с гор Домбая
Полуночную порой,
Где когда-то, обнимая,
Целовал тебя весной.

Горы нас с тобой сближали
Много лет тому назад,
Где ручьи, звеня, бежали,
Где манил цветов наряд.

Подарила мне ты нежность
И целебный поцелуй.
Белизна твоя, как снежность,
Чистота, как речек струй.

1997

Твой голос

Телефон для меня, как звезда,
Как волшебник земной.
Без него я подобен изгнаннику рая.
Сколько счастья принёс
Мне твой голос родной
В эту ночь из далёкого горного края.

В ночь осеннюю мне весну
Ты даруешь одна –
Льётся радость потоком в душе неустанно,
Улыбнулась звезда,
Надо мной засияла луна,
И запели в садах соловьи Киргизстана.

Ах, как хочется мне в эту ночь
До утра целовать глаз твоих огоньки,
Что зову я цветами.
Мне приятно вдвойне
Край родной вдалеке вспоминать,
Где гнездится касатка моя под горами.

Очень жаль, что подходит к концу
Наш с тобой разговор.
Время птицей летит и не знает преград
Скучно мне без тебя
У подножия киргизских гор,
Хоть поют соловьи и шумит водопад.

Не хочу я признать
Боль разлуки далёких дорог.
Ты со мною всегда, моё солнце,
Весна золотая.
На свете лишь одну тебя любить велел мне Бог,
Моя ласточка, солнце, жемчужина
Моя дорогая.

1989

Почему Карачаевск не в Пятигорске?

Как прекрасны сказки горские –
Солнцем ставшую вижу луну.
Почему Карачаевск не в Пятигорске
Скажи мне, луна, почему?

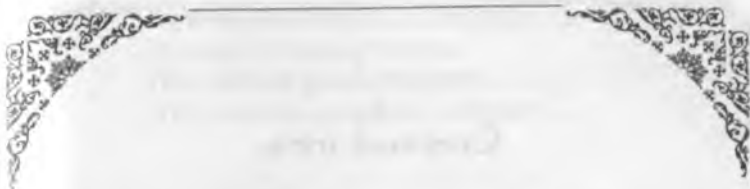
Льётся свет серебряный на зорьке,
Сам поэт любил здесь этот час.
Почему Карачаевск не в Пятигорске
Скажи мне, белокрылый Кавказ?

Как легко здесь дышится на воздухе
После ливня под солнцем весной.
Почему Карачаевск не в Пятигорске,
Где беседует солнце с луной?

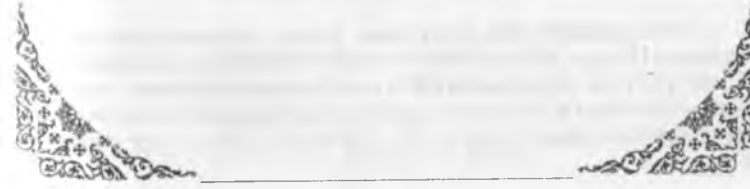
Здесь в сквере Лермонтов встречается
Он вдохновляет песни творить.
Почему Пятигорск не в Карачаевске,
Где Теберда с Кубанью говорит.

1980

СТИХОТВОРЕНИЯ
ИЗ РАННИХ
ТЕТРАДЕЙ

Светлый путь

Уже пора прощаться лету с нами,
И к нам оно вернется через год.
Любуясь утром желтыми листьями,
Мальчишка в школу радостно идет.

О всем хорошем думает, мечтает
Прохладным утром будущий герой,
Вся радость жизни вместе с ним шагает
По нашей светлой улице родной.

Идет девчонка скорыми шагами,
Услышав песню звонкую ребят,
Трава ей будто шепчет под ногами:
– Сегодня ты научишься писать...¹

Горянка

Твои косы темнее ночей,
Твои очи, как звёзды ясны,
Голосочек твой – горный ручей,
Твои губы – дыханье весны.

Твои щёки – рассвет и заря,
Твои зубы – на Эльбрусе снег,
А ресницы – полёты орла,
Соловьиная песня твой смех.

---

¹ Это, написанное на русском языке, стихотворение девятиклассника Назира Хубиева было его первой публикацией в газете «Народная трибуна» от 31 августа 1955 года. Поэт так объясняет необходимость включения в итоговый сборник самых первых его стихотворений: «Читатель должен видеть, что первые мои шаги были ученическими».

Крылья ласточки – дуги бровей,
Дорогая ты мне подари.
И не мучай улыбкой своей,
Откровенно – люблю – говори.

Учительнице

Уже задремала станица
В саду замолчала гармонь,
Осенняя полночь ложится
На клены, дубы у окон.

Свет лунный в окошко струится
Сквозь ветки плечистых дубов.
Но Вы не спешите ложиться,
Читаете сборник стихов.

Над книгою низко склонились,
Очки поправляя свои,
Особенно в «Мать» Вы влюбились,
Что пишет поэт от души.

Не скоро читать устаете
Стихи Вы о матери той,
В которой себя узнаете
Осенней полночной порой.

Припомнилось детство поэта:
Веселый мальчишка и класс,
И карта, и точность ответа,
Улыбка сияющих глаз.

Вы молвите: «Милые дети,
Известными стали людьми,
Артисты, врачи и поэты –
Повсюду детишки мои».

Луна за горами садится,
Дубы шелестят у окна,
Огни потушила станица,
Не спите Вы только одна...¹

Весна

Уже поют, усталости не зная,
Ручьи под вешним солнцем у дорог;
Скворцы щебечут, радостно летая,
И дует марта теплый ветерок.

Бежит к реке ватага ребятишек –
Веселый шум торопит их туда...
И с крыш аильных маленьких домишек
На землю тихо капает вода.

Весна идет к нам с тихими дождями.
О свете солнца шепчут тополя.
В саду под вечер голыми ветвями
Шумят березки, счастья не тая.

Маленький строитель

Во дворе босоногий мальчишка
В одиночку под вечер всерьез
Мастерит деревянный домишко
Под навесом кудрявых берёз.

---

¹ Когда писал я эти строки, учился в 10-м классе и мечтал стать поэтом, издать книгу стихов, где должно было быть опубликовано стихотворение «Мать», посвященное моей первой учительнице Марии Павловне Куликовой. Я ещё мечтал быть усыновленным ею. Сбылись в жизни мои мечты. (Примеч. автора).

А касатка, на веточке сидя,
Всё поёт неустанно о том,
Как, вечернего солнца не видя,
Работяга возводит свой дом.

Крокус

В тебе горит костёр голубого огня
Под тёплым солнцем, край родной лаская.
Большим подснежником называют тебя,
Цветок запоздалый в горах Домбая.

Осенний день красив, и воздух свеж и чист,
Твоё цветенье сердце согревает.
Летит с горного клёна багровый лист,
И водопад серебро щедро роняет.

Прошла моя весна, и отцвели цветы,
Но любовь живет ещё во мне.
Курлычут в небесах и тают журавли...
Я думаю о будущей весне.

Песня чабана

Рокот горной реки – голос памяти сильной и свежей...
На туманной заре ты спускалась к реке за водой.
Разве мог не любить я промытый песок, побережий?
На прибрежном песке отыскал я твой след золотой.

И священны цветы, ведь за ними взбегаешь по скалам
Ты, любимый цветок своевольных, обрывистых круч.
Улыбаешься солнцу, любишься заревом алым,
И пронзил моё сердце его торжествующий луч.

Современник Лермонтова

Локману Эбзееву

О, древний человек! Тебе знаком
Мятежный крик в сражениях с врагом,
Подобный грому горного обвала,
Ты вспоминаешь гул грозы над Машуком,
Когда звезда поэзии упала.

Ты, помнишь, как, копытами звеня,
Шамиль скакал по узкому ущелью
И как звезда на лбу его коня
Роняла искры на дорогу мшенья.

Ты был подобен острому мечу.
Всю жизнь служил свободному народу –
Его Борьбы слепящему лучу,
Его Мечты орлиному полёту.

Ты был абреком горной вершины
Достойным сыном гордого Эльбруса,
И Канамата¹ – звуками зурны –
Восславила твоя земная муза.

О, человек! Поведай мне рассказ
О Лермонтове – древний и печальный:
Струились ливни из небесных глаз,
Оплакивая взор его прощальный.

И помнит Млечный Путь твоих седин,
Как на дорогу выходил один
Пиит во мгле предутреннего часа
И, слыша, как с звездой говорит
Звезда – зарю грядущего Кавказа
Звездой строки приветствовал Пиит.

---

¹ Канамат Эбзеев – знаменитый абрек Кавказа, защитник народа.

Он рухнул в бездну горя и страданий...
Смерть гения – невыносимый груз
Для сердца,
До сих пор хранит Эльбрус
О нём немало былей и преданий...

О, древний человек! Тебе знаком
Мятежный крик в сражениях с врагом,
Подобный грому горного обвала,
Ты помнишь гул грозы над Машуком,
Когда звезда Поэзии упала.

1960

Лунная сказка

Первый раз коснулся я руки
Девичьей, ласкающей и нежной,
Лунной сказкой у ночной реки
Мне земля казалась, белоснежной...

Я стеснялся горного хребта,
Звёзд небесных, лунного сиянья,
Солнца выше женщин красота,
Стала песней первого свиданья.

Помню, в лунном платье своём
Ты тогда казалась мне крылатой,
Белой птицей в небе голубом,
И моей волшебною отрадой.

Я коснулся платья твоего,
Радость в сердце пламенем горела.
Не было милее ничего –
Ты в ответ мне нежно посмотрела.

Этот взгляд со мною до сих пор,
Буду жив, его забыть не смею.
Красоту я женщин, словно гор,
Разлюбить не в силах, не умею.

1960

Песня первой любви

Южное небо, вечерние звёзды.
Прячутся в скалах орлиные гнёзда.
Слышу я клёкот орлёнка в пещере
И шум водопада, гремящий в ущелье.
Горные реки к морю несутся,
А думы мои — со мной остаются.
Давние думы тревожат меня,
Волнуют, покоя не ведаю я.
Сквозь полог белёсый ночного тумана
Вижу на небе два ярких чолпана¹.
Два ярких чолпана смотрят из ночи,
Они мне напомнили девушки очи.
Милые очи из дали бездонной
Мне улыбнулись нежно, влюбленно.
Губ моих влажных коснулись лучами,
В тревожную душу мою постучали.
Была ты, любимая, песней моей,
Меня согревала приветом очей.
Мы в школу ходили дорогой одной,
Рядом сидели за партой с тобой.
Тогда мне казалось ночь тёмная светом,
Зима белогривая — ласковым летом.
Охваченный радостью знал я одно:
В сердце моём ты лепила гнездо.
Ни сверстники наши, ни мать, ни отец
Не знали о тайне влюблённых сердец.
Мы были в плену у любви, это знали
Звёзды одни, мы же тайну скрывали
Не год и не два и за тысячу дней
Руки не коснулся, родная, твоей.
В глаза твои глянуть стеснялся в упор,
Страдая, назвал тебя ангелом гор.
Казалось, до счастья — один только шаг,
В груди для тебя приготовил очаг.

---

¹ Чолпан — утренняя звезда.

Не знал и не думал, что ранней весной
Разлучат тебя, дорогая со мной:
Выдали замуж, тебя не спросили,
Ограбили душу и счастья лишили.
Два камня с высокой вершины упали.
Две звездочки в туче огромной пропали.

2

Дымок свой имеет каждый костёр.
Славен Кавказ мой алмазами гор.
Образ любимой сравнил я с чолпаном.
Значит болит ещё давняя рана.
В сердце вошла ты кинжалом в ножны.
Лекари в деле таком не нужны.
Бреду по ущелью, не вижу дороги.
Ходит любовь моя туром безрогим.
Себя осуждаю, как горец мужчина.
Беды моей давней ищу я причину.
Звездочкой ясной была ты моей.
Меня согревала сияньем лучей.
С тобой не дошли до весенней зари,
За это, родная меня не кори.
С упором пространство сверлит её взор.
Кого она ищет, девушка гор?
Меня? Или тех, что её не спросили,
Выдали замуж и счастья лишили?
Ограбили душу, заставили жить
С тем, кого сердце не хочет любить...
Твердеет с годами земля под ногами.
Выше становится небо над намч.
Но я всё по прежнему также тоскую,
Любить, как тебя, не смогу я дружую.

3

Выводит орлица орлят в пещере,
Эльбрус посылает равнинам салам.

Хозяйка вселенной заботливо, щедро
Первое золото дарит горам.
Винить ни отца, ни тебя я не стану,
Старый отец твой не мот и не вор.
Нас разлучил пережиток адата,
Что прячется в тёмных расщелинах гор.
Если гроза над тобой отгремела –
Набрасывать бурку на плечи не дело.
Не дело, не дело за тысячи вёрст
В небе искать свет угаснувших звёзд.
Когда мы встречаемся – смотришь влюбленно,
Но пропасть, пойми, между нами бездонна.
Я чувствую, слышу любви твоей голос,
Но тропинка тонка меж нами, как волос.
Коснись до неё и порвётся она,
Как тонкая нитка, как рвётся струна.
Красивая, нежная, юная, ты
Ушла далеко, далеко за хребты.
Ушла. И теперь может только присниться
Первой любви моей белая птица:
Девушка с косами длинными, длинными,
С глазами влюблёнными синими, синими.
Я человек двадцатого века,
Юноша шестидесятых годов,
Всегда на планете за жизнь человека
За счастье влюблённых бороться готов.
Бороться не так, как герои Шекспира,
Словом бороться разумно и смело.
Песни мои поострее рапиры,
С которой сражался несчастный Ромео.
Летняя ночь коротка, ну и всё же,
Песню свою я свершил до утра.
Машет мне веткой со склона берёза,
Сосны тебердинской родная сестра.

1960

Мальчику, рожденному зимой

Члену Союза художников России,
моему племяннику
Азрету Хубиеву

Ты родился ночью
В домике чужом.
Белые берёзы
Спали под окном.

Все пути-дороги
Снегом замело,
Снег обнял пороги,
Спит в снегу село.

Ты не знал, орлёнок,
Что придет тепло
С солнцем и цветами
В снежное село.

Под лучами солнца
Тает мягкий снег.
Ускоряют в море
Реки шумный бег.

Веточкой берёза
К нам в окно стучит.
Встань, открой глазёнки,
Маленький джигит.

Первый снег

Первый снег,
ты вьешься торопливо –
Стосковался, видно, по земле.
Обнимаешь сосны,
укрываешь нивы,

Рослых гор вершины
тонут в белой мгле.

Раньше всех Эльбрус тебя встречает.
Запевает песню зимнюю Кубань.
Осень, уходя из Карачая,
Золоченных листьев собирает дань.

Я люблюсь
каждую горою:
Им к лицу папахи
снежной белизны.
Снег идёт сквозь сито голубое,
Первый вестник будущей зимы.

Первый снег,
ты всех снегов белее.
Запустил долины и ущелья рек,
Словно над землею
белый голубь, реешь,
Мягкий,
легкий,
нежный,
первый
горный снег.

1960

Зеленый мир

Лес. Черемуха, береза, алая рябина с тисом
Здесь беседуют чуть слышно в полумраке мглисто-сизом.

Жить без песни не умеет лёгкая лесная птица,
Да и лесу жить без песни звонкозвучной не годится...

Словно бабушка над зыбкой, шепчет старая чинара
Леса вкрадчивые сказки, притчи дымчатого яра.

И в зелёные объятия приняли меня, как сына,
Бук и ель, сосна и тополь, можжевельник и осина.

И гнездо свивает сердце под сплошной зеленой кроной,
Ты – мой дом родной и милый, –
лес высокий, мир зеленый!

1960

Гром громыхнул

Гром громыхнул этой ночью в горах,
Может быть, кони в пропасть упали?
Может быть, молнии сабельный взмах
Путника встретил на перевале?

Гром громыхнул этой ночью в горах.
Плачу подобны гула раскаты.
Мощные сосны рассыпались в прах,
Повыпадали из гнезд и орлята.

Гром громыхнул этой ночью в горах.
Слышен мне клёкот снежной лавины...
Быть может, малого тура страх,
Может быть, крик материнский, орлиный.

1960

Баллада о птице бессмертия

Мне отовсюду, из любой дали,
Всегда видна гора моей земли.

Нет, это не гора – под облака
Тур гордый поднял гриву родника.

И не водой целебною родник,
А ручейком молочным там приник,

Туманом белым, легким, словно дым,
К немym отрогам, вечно молодым.

Гнездится там, в той легкой белизне,
В тишайшей из тишайших тишине.

Бессмертья птица, белая сама,
Как вечная вершинная зима.
С двух крыл её бескрайной ширины
Бегут неслышно ливни белизны.

Вокруг неё, куда ты взгляд ни кинь,
Лишь золото светила, неба синь –

Её родня... И божьего меча
Дуга, что, семицветье излуча,

Лежит, сверкая, птицы дивный путь,
С которого вовек ей не свернуть.

Пока она хранит мои края,
Бессмертны мы – моя гора и я!

1960

Ночная гроза

Горы древние, седые, горы снеговые,
Вас окутали большие тучи грозовые.

Громким рокотом органа водопады льются,
Будто в небе над горами буйволы дерутся!

Пляшет ливень полуночный над ущельем Бэлы,
Тучи черные взметают огненные стрелы.

Не волна с волною спорят – громовые хоры
Всё сильней органу вторят, всё прекрасней горы.

Громким рокотом органа водопады льются
Будто в небе над горами буйволы дерутся!

Карачай

Твоя эмблема – мой родной Эльбрус,
Где был прикован древний Прометей.
Тебе обязан и тобой горжусь,
Край гор высоких, солнечных лучей.

1960

* * *

Я гостя, как друга, встречаю,
И сердце открою ему:
Я людям ошибки прощаю,
Но подлость нигде, никому.

1960

Горный пейзаж

Просыпается буковый лес
По утрам, как само божество.
Льётся золото с мирных небес,
Всюду гордо царит торжество.

Зазвенела в ущелье река,
И застыл на вершине ледник.
Над хребтами плывут облака
И журчит соловьиный родник.

Всё легенды и песни хранит
Край родимый с далёких времён.
Молчаливою сказкой гранит
Погружается в каменный сон.

И танцует в потоках форель,
Как царица стремительных рек.
Как Эолова арфа, свирель
Всё поёт над ущельем Азгек.

1962

* * *

Пас отары я с детства, пахал поля,
Разве сделать могу передышку в труде?
И безмерно тебя полюбил я, земля,
Разве море дано переполнить воде?

Обнимаю я горы, их свет голубой,
Разве Родина может меня оттолкнуть?
Был я счастлив, Отчизна, лишь только, с тобой.
Разве счастье без Родины есть где-нибудь?

1963

Поток

Поток, что рождается звонко
Под снегом высоких вершин,
От песни, им созданной тонко,
Не знает веками седин.

1964

Волна и камень

Волна морская, шумная волна
Поёт про камень, оmyвает камень.
Но берег нем. И немоту веками
Оплакивает, светлая, она.

...Одни спокойно, каменно молчат,
Жестоко, мудро – в легкости и в горе,
Другие – словно песенное море,
И край их волн, как море, непочат.

Мой берег, молчаливою скалой
Стоишь,
Ко мне угрюмо прикасясь,
Там, где я весь, как море, разбиваюсь,
Испепеляя тайный пламень свой.

1964

Мудрое слово глупца

Жил когда-то в ауле
Известный глупец,
С плеч убогих
Сумы не спускал он –
На подачках
Семью содержал тот отец,
Но за то никого
Не ругал он.
Как-то с гор он спустился
На шумный базар,
Там красивую чашу
Купил он.
И давай колотить
И жену и детей,
Что ни в чём
Неповинными были.
Отчитал он родню
И незваных гостей:
«Бью, чтоб чашу мою
Не разбили!»
Говорят ему люди:
«Ведь чаша цела!»

Он гостям
Отвечает устало:
«Ну, и что ж?
Если б чаша разбита была,
Впрок лупить их
Тогда бы не стал я!»

1964

Первопроходцы

Первопроходец, пашню проложивший!
Моя страна жива твоим зерном.
В жилище нашем двери прорубивший,
Огромным солнцем ты наполнил дом.

Склонившийся над очагом ночлежным!
Ты вызвал свет, и до сих пор светло...
Трудившийся над колесом тележным,
Ты самолета открывал крыло!

1965

Мой народ

*Карачай – нейтральный народ,
живущий у подошвы Эльбруса,
отличается своей верностью,
красотой и храбростью.*

Лев Толстой

На крыльях круч, летящих над долиной,
В снегах Эльбруса, у подошвы гор,
Поправший горы, мой народ орлиный,
Орлиный род гнездится с давних пор.

И как сейчас, так прежде, в день вчерашний,
Гостеприимной ты была, земля,
Но тень орла, парящая над пашней,
Перекрывала все твои поля.

Пером орлиным и клинком кинжала,
Серпом жнеца и тяжестью сохи
Ты, мой народ, писал на диких скалах
Разливу рек подобные стихи.

Слепых обвалов началось брожение,
Но устоял и выжил мой народ...
Звонкоголосых водопадов пенье
Проносит отзвук снеговых высот.

Эльбрусским снегом и смолой сосновой
Родная песня веет вдалеке.
Седых вершин серебряное слово
Звучит на милом сердцу языке...

На крыльях круч, летящих над долиной,
В снегах Эльбруса, у подошвы гор,
Поправший горы, мой народ орлиный,
Орлиный род гнездится с давних пор.

1966

Моя родина

Оттиск Эльбруса в сердце моём,
Я его никому не отдам.
У гордой горы кажусь я орлом.
Почему? Моя родина там.

1967

Прощание с Лейпцигом

Я прощался с Лейпцигом, интурист-кочевник.
Помню руки белые в сумерках вечерних.

Растревожив клавиши старого органа,
Немка светло-руссая Баха мне играла.

Верилось: к рукам её, сбросив гнёт разлуки,
Потянулись добрые всей планеты звуки.

Будто взявшись за руки, подружась друг с другом,
С ветерком прошлись они по звенящим трубам.

Трубы, рядом вставшие, — как ступеньки к свету,
И подставил сердце я музыке, как свету.

Мне, кавказцу, верилось под созвучья эти:
Мир забыл о горестях — нет войны на свете.

1967

Листопад в Праге

Буйное пламя алого флага
Греет Влтаву светлым огнём.
Щедро одета в золото Прага,
Будет мне сниться сказочным сном.

Осень вручает сердцу награду,
Слышу я в шорохе золота звон.
В листьев кружение, в древнюю Прагу
Я навсегда своим сердцем влюблён.

1967

Мои стихи

Когда вам к людям не дано пробиться,
Мне снится, что в затмении луна...
И как на снег садятся стаей птицы,
На белый лист спустились письма.

Пернатое томится в клетке слово.
Собью засов – перемахнет порог.
И вот летит... А я иду, и снова
Мне каждый шаг длинней былых дорог.

1968

* * *

На языке твоих белых берёз
Я говорю с тобою, Россия.
На языке твоих соловьёв
Пою о тебе, моя Россия.

На языке весенних журавлей
Я тосковал по тебе, Россия.
Храню тебе я верность лебедей,
Любовь моя, великая Россия!

1969

Ясная Поляна

Пчёлка

Из Насу Абайханова

Знойный полдень лета.
Солнышко пылает.
Золотого цвета
Пчёлка пролетает.

Колыбельная

В белый снег оделись горы,
Ночь упала на вершины.
Спи, малыш. В такую пору
Спят и горы, и долины.
Спи же, мой орлёнок горный,
Ночью непроглядной, черной.

Облака легли седые,
Снег спокойно обнимают,
И берёзки молодые
О весне во сне вздыхают.
Ласточка моя, усни.
Спи спокойно до весны.

Вон буран бушует, злится,
Что так долго темень длится,
Но орлёнку сладко спится
Под крылом большой орлицы,
Спи и ты, ягнёнок мой,
Глазки-звёздочки закрой.

Водопад застыл покорно —
Силы буйные иссякли.
Чутко спит котёнок чёрный
У порога горской сакли.
Спи же, рыбка золотая,
Пока речка не растает.

Смотрит тур недвижимым оком
Из пещеры непокорно,
И в снегу ночном глубоком
Тихо спит аул наш горный.
Спи, хороший мой турёнок,
Снег и холоден, и звонок.

Ночь. В трубе рыдает ветер,
Словно ранен пулей злою,
И зима на белом свете
Машет белою метлою.
Спи, козлёнок мой прекрасный,
Спи до дней весенних, ясных.

Вон во сне крылами машет
Твой весенний белый голубь,
Где-то спит и солнце наше,
И пока долины голы,
Спи, мой белый голубёнок,
Крепко спи до первых почек.

1970

VISSIV

ПОЭМЫ

Первая учительница

Поэма

Моей первой учительнице
Марии Павловне Куликовой,
которая после смерти моей матери 19 декабря 1971 г.,
приехав из далеких киргизский краев, усыновила меня

КЛЁНЫ

Мне память шлет живительные вести,
О детстве в Киргизстане. До сих пор
Живут во мне с родною школой вместе
Долина Чу и склоны древних гор.

Я помню, как деревья зеленели,
Вершины устремляя в небеса,
Шептались листья, и ручьи звенели,
И ласточек звучали голоса.

Кленовых веток тишина и шепот
Учили нас молчать и говорить.
Я им внимал, и этот добрый опыт
Мне никогда, наверно, не забыть.

Каким прекрасным, светлым и веселым
Был мир, который окружал меня!
Гнездовьем сказок мне казалась школа,
Источником волшебного огня.

Он освещал познания дорогу
И помогал пытливому уму,
Вот почему я к школьному порогу
Стремился, будто к дому своему.

Распахивала окна мама с алой
Зарей, и тут же просыпался я, –
Вот также мир мне новый открывала
Учительница русская моя.

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Очень трудно стране. Осень сорок шестого,
Не хватает одежды, бумаги и книг,
Но учиться мы будем, и Родина строго
Проследит, чтобы каждый пришел ученик.

Незаметно совсем азиатское лето
Улетело на мягких зеленых крылах.
Я иду босиком, а земля так нагрета!
Серебрится листва на больших тополях.

В голубые края косяком проплывая,
Журавли надо мной очень грустно кричат...
Первый школьный звонок прозвенел, собирая
В школьный двор окрыленных счастливых ребят.

Сколько детских улыбок, сияющих рядом!
Что за радость – прийти первый раз в первый класс,
Где встречает приветливым солнечным взглядом
Молодая красивая женщина нас.

И звучит колокольчика голос похоже
На залиvistый смех и звенит, как струна.
Вот мы в светлые классы заходим, – ну что же,
Здравствуй, школьная жизнь, здравствуй,
знаний страна!

Вместе с книгой приносит нам женщина эта
Хлеб в плетеной корзинке, чтоб всех накормить...
Да, в тот памятный день не могла бы планета
Драгоценней сокровища нам предложить.

Сразу класс наш наполнился запахом чудным.
Запах черного хлеба – ты дух бытия!
В нашем детстве далеком, голодном и трудном,
Поддержали нас Азии доброй края.

Поддержали нас добрые русские руки.
Мари Павловна, о, как мы вторили вам!
И звучали над партами громкие звуки
Русской речи, читаемой вслух по слогам.

Запах хлеба и вкус постигаемой речи
Навсегда я запомнил, пронес сквозь года.
Мари Павловна, сколько на девичьи плечи
Вам свалилось в суровые годы тогда!

Этот хлеб на уроках казался целебным.
Лишь сейчас, только поздним умом я постиг,
Что кормила нас этим лекарством волшебным
Та, что ела недосыта чаще других.

Хлеб и книга! Вы были всегда на планете
Стержнем жизни, основой всего существа...
Снова вижу я осень. Военные дети.
Первый школьный звонок. Облетает листва.

ПОДПАСКИ

Мы еле тогда до седла доставали,
Но только растгивал снежный покров,
Мы деду Ефрему пасти помогали
С Топаем на пару колхозных коров.

Подпаском я был до обеда обычно,
А после обеда я в школу шагал,
Где клён, выходя на дорогу привычно,
Приветственно веткой зеленой махал.

Был крут, каменист путь труда и учёбы,
Но добрый их свет призывал и манил.
Выдержал я на выносливость пробы,
На детских руках я мозоли носил.

И мама меня на рассвете будила,
Когда петухи начинали кричать,
Когда ещё солнце в горах не всходило,
Я стадо на пастбище шёл выгонять.

По сонной долине я шёл, наблюдая,
Как солнце рождается в белых хребтах
И, сказочной птицей крыла расправляя,
Дробится в росинках на птичьих глазах¹.

Коровы на клевер брели через балки,
Чуть-чуть пожевав, объедались они.
И не было здесь ни доски и ни палки,
Чтобы замостить и добраться до них.

Глубинка иль мель – без привычки мне что там
Таится – порой было трудно понять.
Пешком пробирался по мелким болотам –
Коня иль осла было негде мне взять.

Но с честью прошел я подпаска дороги –
За каждую душу душой отвечал.
Ночами болели уставшие ноги,
А днем этой боли я не замечал.

Холщёвую сумку, где книги лежали,
Повсюду носил постоянно с собой.
Учил я уроки, когда отдыхали
Коровы в полдневный, томительный зной.

Встречая учительницу добрым взглядом,
Шутил дед Ефрем: «Слушай, что говорю:
Тебе повезло – два учителя рядом,
Один учит жизни, другой – букварю».

---

¹ Птичий глаз — карачаевское название незабудки.

ЦВЕТУЩАЯ ДОЛИНА

Весна опять нахлынула лавиной,
Цветеньем мир наполнив через край.
С учительницей мы пошли в долину,
Чтобы собрать цветов на Первомай.

Клонилась в ряд зеленая пшеница —
При легком дуновенье ветерка.
В траве свистели, щебетали птицы,
Светился венчик каждого цветка.

Мы шли ватагой шумной, собирая
Цветы в краю оленей и косуль.
И не было прекрасней в мире рая,
Чем рай цветов на берегу Чат-Куль¹.

Звенела вся долина голосами,
Волшебный перезвон звучал вдали.
Учительница говорила с нами
О птицах и растениях земли.

И нам казалась песнею планета,
Как будто войн и не было на ней,
И тучи черные исчезли где-то,
И затянулись раны матерей.

Кузнечики стучали молотками,
И повторялся ритм у нас в крови,
А жаворонки звонко над полями
Нам пели песни, полные любви.

А ласточка в весенней ипостаси
Была сродни манившим вдаль мечтам,
И древние, как сказы о Манасе²,
Прислушивались горы к голосам.

¹ Чат-Куль — озеро в Чуйской долине Киргизии.

² Манас — герой одноименного киргизского эпоса «Манас».

Головку одуванчик золотую
Склонил к тюльпанам. Солнца брызнул блик
Хоть чувствовал и раньше красоту я,
Но именно в тот день её постиг.

Поля шумели вдалеке хлебами,
Природа сбросила оковы сна.
Шагала смело первыми цветами
Под теплым солнцем Чуйская весна.

Шла впереди с весною юной вместе
Учительница в окружении гор
И тихо напевала эту песню,
Слова которой помню до сих пор:

– Ласточка, ласточка, друг мой крылатый,
Как наши зори ясны!
Вдруг под окошко моё принесла ты
Запахи ранней весны...

Года и расстояния срезая,
Учительница, слышу голос твой
И снова вижу добрые глаза я, –
Не потускнел огонь их голубой.

Я помню, как, весны киргизской вестник,
Ты пела нам о ласточке весной.
Всегда живут со мною твои песни,
Зовут вернуться к родине второй.

ПЕДСОВЕТ

Вот колокольчик прозвенел веселый,
Учителя собрались в кабинет.
Учительницы муж – директор школы
Сегодня открывает педсовет.

Работу школы каждый обсуждает,
И разговор ведется здесь всерьез.
Учительница наша выступает –
О горском мальчике стоит вопрос.

Его во второгодники все прочат,
Ведь он по русскому слабей всех нас;
Она ж ему поставить «тройку» хочет,
Чтоб перешел он в следующий класс.

Но «за» одни, другие «против» стойко
Нельзя, мол, потакать ученикам
И отстающего тянуть на «тройку»,
Коль твердо «двойку» заработал сам.

И трудно споры разрешить такие,
Две стороны не могут победить.
Одни за «тройку». Говорят другие,
Что это невозможно допустить.

Учительница молвит, выступая:
– Отец погиб, спасая мир от тьмы,
К постели мать прикована больная,
И кто ему поможет, как не мы?

Пойдет в бригаду, водовозом будет,
Коль станет второгодником Заур,
Холодная угрюмость кровь остудит,
И сердце стянет недоверья шнур.

Усталые нахмуренные лица.
Проговорить ей что-нибудь в ответ
Никто сначала вроде не решится;
На завтра переносят педсовет.

Жену и мужа тихо дом встречает.
У каждого есть что-нибудь сказать.
Жену директор грубо начинает
Гнилым либерализмом попрекать.

– Что парень слаб, ты знаешь ведь прекрасно,
Поблажками мы разболтаем их...
И десять раз не выступай напрасно,
Считаться надо с мнением других.

Так, в полночь спор их продолжает длиться –
Все тянется домашний педсовет.
Никак они не могут согласиться,
А за окном уже встает рассвет.

А утром завтрак на двоих сварила,
Вся размышлений внутренних полна,
И на губах её печаль застыла.
Кто может знать, что думает она...

Она из дома вышла раньше мужа.
Нахлынул дождь. Не чувствуя его,
Она идет, задумавшись, по лужам,
Глазами плача сердца своего.

Опять звенит наш колокольчик верный,
Учеников привычно школа ждёт...
Она сейчас волнуется безмерно,
Тревога в сердце сильная живет.

По классу ходит, что-то объясняя;
Вот подошла к Зауру и рукой
Одной тетрадку к сердцу прижимая,
Заура гладит ласково другой.

Собрался вновь после труда дневного
Вчера незавершенный педсовет.
Учительница выступает снова
И сводит возражения на нет.

Хотя и сердце пламенем пылает,
Она спокойно, тихо говорит,
И в правоте своей всех убеждает,
И человечность слог её хранит.

Директор побежденный то и дело
Глаза отводит от учителей,
И, подивившись мудрости столь зрелой,
Завидуют другие нынче ей.

Теперь она вздохнуть спокойно может,
И сердце счастьем полно без конца.
С учительницей радуется тоже
Друг детства — клён у школьного крыльца.

БОРЬБА

Питомцы гор, мы русский плохо знали;
И вся полна любви к ученикам,
На пальцах, если слов не понимали,
Учительница объясняла нам.

И дополнительно с учениками
После уроков занималась час.
Она все лето проводила с нами,
В труде, в борьбе подбадривая нас.

Да, жизнь была труднейшею борьбою,
Но горизонты не были узки!
Мы за комбайном дружную гурьбою
Ходили, собирая колоски.

Мы на току работали, подводы
С водою в бочках на поля везли.
Да, взрослые в тяжелые те годы
Помощников отличных обрели.

«Мизинец тоже может быть подмогой», —
Ведь издавна так горец говорил,
И мы трудились бесконечно много,
Старались, не жалея своих сил.

На волокушах сено мы таскали
И скирдовали. Я сказать хочу –
Такую мы работу выполняли,
Какая только взрослым по плечу.

На те луга, где мы косили сено,
Учительница приходила к нам,
И мы трудились с жаром, вдохновенно,
Стремясь вперед, к победным берегам.

Расспрашивала нас она, ласкала,
Какая бодрость с ней была везде!
И нас усталость сразу покидала,
Мы даже забывали о еде.

Потом она задание нам давала
По русскому, я помню, языку.
Она о каждом думала немало –
Всегда так было на её веку.

И бригадира даже попросила,
Чтоб с русским мальчиком работал я;
Так легче б изучить мне русский было,
А русский знать – была мечта моя.

Чтобы облегчить наши неувязки,
Учила карачаевский она.
Два языка сплелись в единой связке,
Как будто два – в цепи одной – звена.

Сельчане восхваляли её хором;
Она немало положила сил,
Чтоб знали мы язык тот, на котором
Великий, мудрый Ленин говорил.

ДВА ОГОНЬКА

Когда долина погружалась в сон,
И фонари в селении гасились,
Два огонька сияли в унисон —
Там два окна в глухой ночи светились.

О, эти два светильника моих,
Как два крыла, две радостных надежды!
Как оба глаза я сливаю их
В единый взор; они со мной, как прежде.

У одного сидела моя мать,
Мой старенький беешмет опять латая,
И звёзды начинали выплывать,
Над Ала-Тоо празднично сверкая.

Невдалеке горел огонь другой,
Его учительница зажигала,
Когда, качая мудрой головой,
Внимательно тетради проверяла.

И звук двух струн мне в тишине звучал,
И в очаге огонь горел всё тише,
А белый снег пороги засыпал,
И черный ворон бормотал под крышей.

Земля спала, откинув думы прочь,
Забыв свои заботы и тревоги.
Сердечным светом озаряли ночь
Два огонька волшебных, точно боги.

Они дарили крылья на заре,
Чтоб первый путь прокладывать по жизни.
Два солнца светят на моей горе,
Где б ни был я, в любом краю отчизны.

Киргизов край, где детство я провел,
Вторая родина мне часто снится,
Где к первой песне я слова нашёл,
Где нежность в сердце постучала птицей.

Мне снятся звезды детства под луной,
Луга, чьи травы в сердце зеленеют,
Тропа в горах, где я ходил босой,
И глыбы скал нависшие над нею.

Я благодарен свету школьных дней,
И первого звонка святому мигу,
Учительнице кланяюсь своей,
Которая дала мне хлеб и книгу.

Целую я мозоли её рук, –
На них планеты тяжести ложатся;
Мне так понятен голос этих рук, –
Они умеют плакать и смеяться.

Да, жизнь прожить – не поле перейти;
В ней много бед и счастья в ней немало,
Но не погаснет никогда в пути
Свет двух огней – они мое начало.

В БОЛЬНИЦЕ

Охваченный дурманом скарлатины,
Я путал явь с тревожным смутным сном,
Но в память четко врезалась картина:
Две матери рыдают за окном.

Учительница плакала по-русски,
По-карачаевски рыдала мать...
Глаза свои прикрыв из-за нагрузки,
Их голоса я начал узнавать.

А в дверь палаты страшно и воочию
Стучалась смерть, угрозы не тая.
Боролись с ней отважно днем и ночью
Мой врач Анна Андреевна и я.

Издали мне слышалось рыданье,
Казалось, что оно меня зовёт.
Одолеев ночи волхованье,
Я с песней клёна в сердце шёл вперед.

Мне грезились осенние рассветы;
Я голову с трудом приподнимал,
Туманные заметив силуэты,
И на мгновенье снова умирал.

Но врач спасла, спасла меня от смерти,
И солнце улыбнулось с высоты,
И я заметил в майской круговерти
Вновь Ала-Тоо снежные хребты.

Я видел школу, ласточек над нею...
И в сотый раз готов я повторить:
Учительницу с матерью имея,
Каким счастливым каждый должен быть!

Коль мать жива, то мы и после смерти
Жить в её сердце будем продолжать;
Учительница любит нас, поверьте,
Порой не меньше, чем родная мать.

ПОЕЗДКА ВО ФРУНЗЕ

Радостно светит лазурь небосвода,
У монумента вождя мы стоим.
Слыша о Ленине песню народа,
Радуюсь детским сердечком своим.

Добрый обычай есть в Киргизстане:
В день, такой чистый, как воды ключа,
Рвут пионеры в предгорьях тюльпаны
И возлагают к ногам Ильича.

Взором орлиным на солнце взирая,
Ленин рукой указывает нам путь.
Мудрый стоит он, грядущее зная,
Зная великую, вечную суть.

Фрунзе какими опишешь словами?
В яркую зелень сегодня одет,
Город цветущий богат деревьями,
Ленинской правды солнцем согрет.

Кажется город мне этот поэмой,
Кажется, будто родился я в нём.
Птицей зеленою — вечною темой
Будет гнездиться он в сердце моем.

Вижу: троллейбусы между домами,
Как корабли в океане плывут,
Снежные горы за тополями
Белой громадою дружно встают.

Вижу, как всадник в просторе зеленом
К Ленину скачет галопом простым,
И наблюдают деревья влюбленно,
Головы горы склоняют пред ним.

Детство его проходило в Пишпеке,¹
Мальчик играл вот у этих ворот,
Ну, а теперь его имя навеки
Славному граду присвоил народ.

Фрунзе — зеленый листок означает,
Если с молдавского перевести.
Городу этому нет, не случайно
Имя такое пришлось обрести.

---

¹ П и ш п е к — старое название города Фрунзе.

Здесь побратались и тополь, и туя,
Дуб, и береза, и карагач.
Тихо щебечет здесь песню простую
Птица столь близкая мне – карылгач.¹

В парке Панфилова брызги фонтанов,
Запахом пряным аллеи полны,
И возлагаем букеты тюльпанов
Мы к монументам героев страны.

И отголоски военного гула
Слыша, Панфилов пред нами стоит.
Видимо, ждет генерал Дуйшенкула,²
А Дуйшенкул в Подмосковье, лежит.

С гор Ала-Тоо беркутов много,
Пало в сраженьях суровой войны.
Их имена сохраняем мы строго,
Памяти павших героев верны.

Мост Лебединый, зеленые кручи, –
Город прекрасный я весь исходил.
Дерево видел, что Юлиус Фучик
В парке зеленом давно посадил.

Нам повезло – мы попали на встречу,
Где выступали поэты. Они
Образно, ярко на разных наречьях
Славили нового мира огни.

Строчки прекрасные слыша такие,
Рукоплескал им восторженный зал.
Вместе с поэтами в жизни впервые
Стих свой о Ленине я прочитал.

---

¹ Карылгач – ласточка (карач.-балк.).

² Дуйшенкул Шопоков – один из 28 героев-панфиловцев, защитников Москвы в 1941 г.

– Что ж, молодец, — говорили поэты, —
– Ты не волнуйся, Назир, не красней.
Мне похвалы немудреные эти
Дали уверенность в силе моей.

Время летит незаметно сегодня,
Скоро уж солнце начнет угасать.
Вот все спешим мы в театр народный, —
Буду лезгинку я там танцевать.

Музыка громкая множит усилья,
Здесь бы и мертвый, видать, заплясал.
– Асса! — кричу я, летя, как на крыльях,
И замирает взволнованный зал.

Музыка льется волшебной струею,
Легкость орлиную чую в ногах.
Кажется мне, будто вместе со мною
Пляшут и горы в своих башлыках!

Звонкой гармошки аккорды стихают,
Остановился я, вытерев лоб.
Тут мне на сцене за танец вручают
Грамоту тотчас и книгу «Набоб».¹

День тот прекрасный забуду едва ли,
Через года я о нём говорю.
Нынче за всё, что в тот день испытали,
Я Марью Павловну благодарю.

НЕЗАБЫВАЕМЫЙ ОБРАЗ

Широкий лоб и благородный взгляд,
Вкруг головы коса лежит тугая.
Глаза, как материнские глядят,
Детей с любовью нежа и лаская.

---

¹ «Набоб» — книга французского писателя Альфонса Доде.

Рост небольшой. Ум светел и глубок.
И звонок голос, так звучащий смело.
Хоть молода, но каждый её слог
Всей мудростью наполнен до предела.

Её характер добрый золотой
Подчеркнут аккуратностью одежды.
Слова сильны, как солнца луч весной,
Вселяющий прекрасные надежды.

В глазах сквозит голубизна морей
И неба синева пылает ясно.
Все гармонично сочеталось в ней
И тело, и душа её прекрасны.

Сельчане часто говорили с той,
Что толщ земли, размеры неба знала,
Невыносила звон речей пустой
И слов своих на ветер не бросала.

Душа открыта, как бутон цветка.
Тепло и свет раздаривая людям,
Она не любит тех, кто как всегда
Укрылся от людей, как бы в сосуде.

В детей всем сердцем добрым влюблена,
Для них она живет на белом свете,
И бесконечно счастлива она,
Когда на землю солнце ярко светит.

Но ярче солнца дети ей горят,
К ним силою привязана волшебной.
Играется с ватагами ребят,
Их добротой одарив целебной.

Рассвет она встречает на ногах,
Работает, чтоб сделать мир светлее.
Основа всех основ в её глазах
Тот хлеб и книга, что лежат пред нею.

ПОСЛЕДНИЙ ЗВОНОК

Уже прекрасной школьной нашей жизни
Прошли веками долгих десять лет.
Чтоб украшать любимую отчизну,
Учения мы впитывали свет.

Собрались мы на праздник свой прощальный,
В далекий путь идти ученикам.
И колокольчик прозвенел печально,
Как бы разлуку предвещая нам.

Мы закружились в танце упоенно.
До полночи поёт, грустит гармонь.
Далекие дороги снятся клёнам
Под крупных звёзд мерцающий огонь.

Трепещут листья, ярко зеленея,
И свежий ветер что-то шепчет им.
В последний раз беседуем мы с нею,
За хлеб и книгу её благодарим.

Она глубоким материнским взглядом
Как будто раздаёт нам всем дары.
И поселились в сердце её рядом
Печаль и радость, словно две сестры.

Во двор луна таинственно светила,
И клёнам было сладостно дремать.
Учительница слёзы уронила –
Впервые не смогла их удержать.

Ведь нашей школьной жизни перед нею
Вставал, как солнце, каждый день вдали...
Над нами груз уже не тяготеет, –
Мы для полета крылья обрели.

Немало грусти в расставании, значит.
Печален нынче тихий шелест крон.
И даже школьный колокольчик плачет,
Но вскоре засмеется звонко он.

Напоминает этот звон упрямо
Мне голос тот, зовущий сквозь года.
Со мною будет жить вторая мама –
Нелегкой жизни яркая звезда.

Ученики вчерашние уедут,
Как птицы, разлетятся, кто куда,
Но будет жить прощальная беседа
В моей душе отныне навсегда.

ПОИСК

Меж нами давно уже связь потерялась,
А годы летят, друг за другом спеша.
Ты в их веренице далекой осталась,
И песни, тоскуя, слагает душа.

Твой ласковый голос и ум твой глубокий,
Твой проникновенный задумчивый взгляд,
Киргизское солнце и клён златоокий
Зовут меня, просят вернуться назад.

Провёл двадцать лет я в скитаньях огромных,
Надеясь, что мама вторая жива.
Сложил о тебе двадцать песен я скромных,
Где высится гордо Эльбруса глава.

Чем годы быстрее летят надо мною,
Тем больше мне образ твой дорог и мил.
Сентябрь отзывается звонкой струною –
Что маму вторую мне сентябрь подарил.

Повсюду искал тебя, где бы я ни был,
Бесплодно искал, угнетаем тоской.
Живет в моём сердце осеннее небо,
Далекое детство, мой клён золотой.

Ты руку дала мне в тяжелое время,
Из мрака к рассвету меня привела,
В меня заронила познания семя,
А добрые не умирают дела.

ЧЕРНЫЙ СОН

В горах приснился мне тяжелый сон, —
Там тучи надо мной стояли прямо.
Рыдал я, как во время похорон
Моей любимой незабвенной мамы.

Туманной крышей стали небеса,
Когда последний солнца луч укрывся.
Покинули меня все голоса,
И только голос мамы доносился.

И рухнула горою сквозь года
Надежда нашей встречи. Понемногу
Мне сердце переполнила тогда
Волнами бесконечная тревога.

Стеная, реки рушили мосты,
И бушевали над горами грозы,
И облака роняли с высоты
На белые вершины свои слезы.

Сочувственно кавказских гор глаза
Смотрели, понимая мое горе,
И бушевала страшная гроза,
Как символ боли, в мировом просторе.

Тебя всю ночь оплакивал в горах,
Но только утром на скале очнулся, —
Исчез куда-то беспредельный страх;
Я радостно вздохнул и оглянулся.

ПЕРВАЯ ЛАСТОЧКА

Под крылом кавказского светила
Через реки, горы и моря
Ласточкой письмо твое спешило,
Радостною новостью горя.

Твой конверт держу в руке, довольный.
Словно дети к солнышку весной,
Пальцы сами тянутся невольно
К весточке безмерно дорогой.

Счастьем переполненный до края,
Я читаю горам предо мной;
Каждая строка лучом играет,
Узнаю я почерк твой родной:

«Мой сынок, прими привет сердечный,
Материнский ласковый привет.
Огонёк дай, ты не гасни вечно,
Мой орлёнок, вылетевший в свет.

Бесконечно счастлива на свете,
Если не забыта до сих пор.
Что орлёнок в гнёздышке приметит,
То использует, взлетев в простор.

Моя жизнь для ваших, как предтеча, —
Всяк её частицей наделён.
Я живу надеждою на встречу...
Помнишь ли тот старый школьный клён?

Годы пухнут, как тетрадей стопки,
Волосы мои уже седы,
И морщин извилистые тропки
Пролегли, как времени следы.

Я тружусь, как прежде, неизменно
Верная призванью своему.
Вас припоминаю непременно,
Если хлеб и книгу я возьму.

Радуюсь, что вами не забыта
Я в краю друзей, где сердце гор.
Наша дружба временем не смыта,
Ты, как сын родной мне с давних пор».

Под крылом кавказского светила
Осень желтым языком поёт.
Ласточкой гнездо на сердце свило
Доброе послание твое.

ВСТРЕЧА

Горит заря кристаллами агата,
Все семицветье радуги тая.
Сентябрьский воздух полон аромата.
Зовут меня киргизские края.

Какое счастье мне судьба дарует,
Какая радость плещется в груди!
И сердце, окрыленное, ликует –
Оно предвидит встречу впереди.

Летит мой беркут, серебром сверкая,
Через вершины, доли и моря.
Земля под крыльями уходит золотая,
В огне осеннем яростно горя.

На край чудесный, на садов пыланье
Спешу взглянуть с небесной высоты.
Оглядываю я осенней ранью
Знакомые ущелья и хребты.

Здесь, под крылом киргизского светила,
Я собирал цветы и пас стада.
И колокольчик в школу звал так мило!
И клён мне песни напевал тогда.

Вот Ала-Тоо, белые, как прежде,
Стоят хребты, врезаясь в небосвод.
Горят глаза и светятся надеждой ...
И вот я снова у родных ворот.

Глазами окон школа вниз взирает,
И сердце чаще начало стучать...
Меня, от счастья плача, обнимает
Моя любимая вторая мать.

Глаза её, наполненные небом,
Вернули мне то утро сентября,
Напомнили знакомый запах хлеба
И первую страницу букваря.

Кукушки стон доносится, как будто.
Восходит солнце. Утро расцвело.
И посолив горбушку хлеба круто,
Я выгоняю стадо за село...

Поэты, что приехали со мною,
Завидуют, наверно, нынче мне.
Узнав меня, шумит мой клён листвою,
И небо отражается в окне.

У печки возится, гремя посудой,
Учительница в кухоньке своей.
А в зале мы беседуем покуда,
Как в детстве мы любили лошадей.

Родимый голос снова призывает.
Спешу на кухню, радостью светясь.
Она меня целует, обнимает
И тихо шепчет, к уху наклонясь:

– Стеснялась я, когда стоял ты с ними,
Тебя тепло обнять и целовать.
Родной орлёнок, мой сынок любимый,
Уедешь, снова буду тосковать.

По-прежнему огонь в глазах пылает.
Я перед нею мальчиком стою.
Меня, как мать, целует, обнимает,
Руками глядя голову мою.

Моих друзей, разбредшихся с годами,
Как прежде произносит имена.
О тех, кого уж нет сегодня с нами,
Вздыхает и печалится она.

И материнский взгляд её, лаская,
Напомнил мне цветущие сады.
И снова мама вспомнилась родная,
Её могила в ущелье Теберды.

Печаль и радость бродят вместе вечно.
В своей душе, как прежде, их храня,
Благодарю судьбу за эту встречу,
За звук двух струн, поющих для меня.

Нас приглашают посетить ту школу,
Где десять лет науки грыз гранит.
Звон колокольчика летит весёлый,
И сердце, окрыленное, спешит.

Заметно постаревшие явились
Учителя и школьные друзья,
И даже те тропинки изменились,
Которыми бродил когда-то я.

Стоит мой клён и золото роняет,
Он снился мне во множестве ночей,
Тепло, как мать родная, принимает,
Касаясь неба кроною своей.

Целую детства древо золотое,
То дерево — начало всех начал.
Открыты двери школы предо мною,
И колокольчик снова зазвучал.

И сердце солнцем полнится киргизским,
Я этого момента долго ждал.
Я улыбаюсь всем знакомым, близким,
Улыбками наполнен школьный зал.

Поэты фрунзенские выступают.
Волнение переполняет грудь...
И вот Мария Павловна читает
Мое стихотворенье «Светлый путь»¹.

Глаза наполнив радости слезами,
Как сладко запах рук её внимать.
Сильна земная дружба между нами,
О, русская моя вторая мать!

А ночь осенняя так долго длится,
Как будто время не владеет ей.
И песня клёна под окном струится,
И льётся золото с его ветвей.

Расходимся. Небесная окраска
Подвластна нынче звёздному лучу,
Что освещал нелегкий путь подпаска
Давным давно над долиною Чу.

---

¹ «Светлый путь» — первое стихотворение Н. Хубиева, опубликованное 31 августа 1955 года в Сокулукской районной газете Киргизии «Ленинский путь».

Взираю вновь на эти звёзды детства,
От коих так на улице светло.
Со звёздами и солнцем по соседству
Живу и даже ночью мне тепло.

Давно уж полночь облепила крыши,
Но сердце не замедлило свой стук.
Вдали работу мельницы мы слышим,
Как песня, равномерен её звук.

– Как там Кавказа горы золотые? –
Учительница говорит моя.
– Как там живут ученики родные,
Зовущие меня в свои края?

ДОРОГОЙ ГОСТЬ

В прекрасные кавказские края,
Где шапки гор лежат белее мела,
Учительница первая моя
С далеких гор киргизских прилетела.

Заур учитель и судья Хамит
Встречают вместе гостя дорогого,
Врач Назия и инженер Маджит
Её целуют, обнимают снова.

Взирает ласково родной Кавказ,
А я никак к ней не могу пробиться,
Она ведь рада каждому из нас, –
Ей из объятий не освободиться.

Моя мечта давнишняя сбылась –
Марию Павловну я принимаю.
Гранита крепче стала наша связь
И не прервется — это твердо знаю.

И вот бежит навстречу ей скорей
Мой мальчик со словами: «Мали-пала!»
И книгу с хлебом дочь вручает ей,
Как некогда сама она вручала.

Большое счастье в сердце берегу,
А дни в горах летят, как будто птицы.
Мой школьный клён на дальнем берегу,
Наверно, мне не раз еще приснится.

Мне кажется, что лист свой золотой
Далекий клён роняет нынче снова...
Земля моя! Объятия раскрой
Для гостя чрезвычайно дорогого.

О, горы белокрылые мои,
Дочь русского народа возлюбите,
Её лучами, солнце, напои,
Вы, водопады, звоном напоите!

Нет, никогда не зарастут вконец
Дороги дружбы на земле травой.
Как символ единения сердец
Пусть вечно светит солнце над землею!

Заур, её давнишний ученик,
В село Чапаевское приглашает.
Науки в институте он постиг –
Учительницы дело продолжает.

За все её Заур благодарит.
– Когда б не ваш пример, что много значит,
Учителем не стал бы, – говорит, –
Судьба моя сложилась бы иначе.

Отец мой с фронта не вернулся в дом,
А мать была прикована к постели.
Тогда я русский понимал с трудом,
А тут все беды разом налетели.

Её любовь я ощутил сполна.
Меня заботой окружая всюду,
Давала хлеб и книгу мне она,
И этого вовек я не забуду.

Учительство профессией своей
Я выбрал, на неё чтоб быть похожим.
Тысячекратно благодарен ей,
Все остальные, думаю я, тоже...

НА КЛУХОРСКОМ ПЕРЕВАЛЕ

Незыблемо стоят Кавказа горы,
Вот облаков цепочка проплыла.
И удивленные бросает взоры
Учительница на крыло орла.

Сегодня мир особенно чудесен;
Одеты горы в белую шинель.
Орлиное гнездо – источник песен –
Далекая родная колыбель.

Нас к солнечному небу поднимает
Тропинка на Клухорский перевал,
Где тишина прозрачная не тает.
Над обелисками среди диких белых скал.

Рассказ мой о былых сраженьях длится,
О тех, кто дать отпор врагу успев,
Не пропустив в Загорье¹ даже птицу,
Остался здесь лежать, окаменев.

Здесь кровь текла, чтоб не погибло солнце,
И ею вся земля освящена.
Здесь воины испытаны до донца,
И в камне их остались имена.

---

¹ Загорье – так карачаевцы называют Закавказье.

Мы не забыли – всех упомянули,
И к обелискам мы несем цветы.
Средь облаков в почетном карауле
Навечно горы заняли посты.

Учительница плачет, вспоминая,
Как защищая горы, умер брат.
Война нам горе принесла без края;
И это горе выросло стократ.

Расскажут облака о нём с годами,
И долго будут матери рыдать.
Об этом реки будут петь веками,
И обелиски строгие молчать.

И костыли учительницы мужа
Об этом на дорогах говорят.
Об этом солнце над горами тужит,
И горы бессловесные кричат.

Следы войны кровавой, её горе
В сердцах людей остались до сих пор.
Сложил орёл балладу на Клухоре
О мужестве Кавказских древних гор.

СЕНТЯБРЬ

Роняют клёны листья на дорогу.
Ведет сегодня, радость не тая,
Мою дочурку к школьному порогу
Учительница первая моя.

Она сегодня вспомнила начало –
Её в глубины память повела, –
Как тридцать лет назад меня встречала,
Как хлеб и книгу мальчику дала.

Моей вины немало в том, я знаю,
Что волосы её белы, как мел.
Пред нею низко голову склоняю,
Хотя уже и сам я поседел.

1975 – 1977

Фрунзе — Карачаевск.

Перевал

Отрывок из поэмы

В чабанском коше¹, у подножья,
Где княжил грозный перевал,
Я был рождён. После бездождья
Гроза рубила наповал.

И с диким гулом водопады,
Как туры, прыгали с вершин.
А ветры схватке были рады:
С громами бились на один.

От злобной накипи седые,
Клубились реки среди скал.
В тот день мы встретились впервые
С тобой, Мухинский перевал.

* * *

Отец табунщик, длинноусый
Зарезал тура. И три дня
Гармонь затейницей стоустой
Играла песни в честь меня.

---

¹ Кош — домик (жилище) животноводов. Бывают летние и зимние коши.

Закатные тускнели краски,
И, как горянка хороша,
Луна подсматривала пляски
В широкий дымоход коша.

Отец гордился: сын седьмой
В семье табунщика родился!
...О перевал Мухинский мой,
С тобой навек я породнился.

* * *

На жесткие плечи вершин
Улёгся пушистый снежок.
В извилинах горных теснин
Грохочет безумный поток.

Карабкаюсь к выси меж скал,
Чтоб встретить рождение дня.
И кажется мне перевал
Седлом великана коня.

Ручищи заботливых гор
Меня уже вскинули ввысь,
А ветер кричит мне в упор:
— Держись, джигитёнок, держись!

Альпийские чудо-луга,
Цветок, освещённый росой!
Трава, что послушно легла
Под острой колхозной косой.

Я слышу, отец мой поёт,
А песнь далека, далека...
Он мужества славит полёт,
И горы поют и река.

* * *

Черным-черны нахмуренные горы.
Сегодня ветер грозен, как набат.
И к нам в аул пришло большое горе
И молча взял винтовку старший брат.

Седой от горя гребень перевала,
И солнца глаз зловещий, как пожар,
Страна бойцов в дорогу провожала,
И перевал их тоже провожал.

Я не забыл те горькие заботы,
Заплаканное матери лицо,
Орлам закалка – горные высоты,
Огонь войны – закалка для бойцов.

* * *

Мы шли в малинник, горстка ребятишек.
Дремала рань, склонясь на перевал.
Вдруг хлынул дождь, на смену тёплой тиши,
И мигом наши планы перервал.

У самого подножья перевала
Нас приютила мощная скала.
Дождь лил ливнем. Вода, озлясь хлестала
Стального краснозвёздного орла...

То самолёт был, на земле распятый,
Смерть повстречавший на виду у гор.
И дрогнули испуганно ребята:
Беда дохнула холодом в упор.

В траве измятой лётчик – мёртвый сокол.
Казалось, он не умер, а уснул.
С тяжёлым грузом новости жестокой
Бежали мы, сквозь чёрный дождь, в аул.

Мы привели их: женщины и дети,
Понутив головы, стояли старики.
Я до сих пор минуты помню эти:
Они живучей скорбью велики.

А где-то, в дальней русской деревеньке
Встречает мать березовый рассвет.
Ей кажется, что скрипнули ступеньки,
А веточки от сына нет да нет.

И зыбку с внуком медленно качает
Уже много дней тоскуя об одном...
А сын лежит в далёком Карачае.
Он крепко спит. И тесен его дом.

И не она, другая мать рыдала,
Упав на мокрый камень головой,
Когда отец мой, лязгая металлом,
Выдавливал могилу под скалой.

И не она склонялась над могилой,
И не она несла сюда цветы:
Их девушка горянка посадила,
Наполнив грусть дыханьем красоты.

* * *

Дымился тучами в ненастье
Родной Мухинский перевал.
Он почернел. Он был несчастен,
Но верил в лучшее и ждал.

Я был мальчонкой босоногим,
В недетской горести своей,
Разлёт бровей прочерчен строго,
Я тоже с фронта ждал вестей.

...Родной аул! С тобой в разлуке
Меня кружил житейский вал.
Тоскуя, простирал я, руки
К тебе, Мухинский перевал.

Пылили жаркие дороги,
На плечи падала роса.
Мне снились горные отроги
И горных речек голоса.

* * *

...Орлиный край, мы снова вместе!
Ты сына верного узнал?!
И я целую, как невесту,
Тебя, мой горный перевал.

Я кланяюсь судьбе суровой
За возвращённый мне простор,
Что конь мой тяжкие подковы
Вновь опустил у этих гор.

Утих войны суровый голос,
Как прежде, радостен Муху.
И ветер детства треплет волос,
И те же травы на лугу.

Да, здесь мои родные корни.
Мой перевал, я - здесь зачат.
И словно шевельнулись горы
И двинулись меня встречать.

Орлы мои парят высоко.
Сердца их мужеством полны.
Иду туда, где русский сокол
Лежит в могиле у скалы.

Но что это? Склонившись скорбно
На грубый, пористый гранит,
Как будто памятник надгробный,
Печальный юноша стоит.

Его отец здесь похоронен.
(Тот скорбный час живёт во мне!..)
А старший брат мой, красный воин,
Лежит в Смоленской стороне.

* * *

О родные, скалистые горы,
С небесами вас кто обвенчал:
С вами вместе и горе – не горе,
А без вас мне и радость – печаль.

И не вы ли мне дали в наследство
Эту верность отчизне своей?
И не вами ль приучен я с детства
К дикой музыке горных дождей?

Над ущельем раскинулась радуга
И нагнулась напиться к реке.
Хорошо мне, заплакав от радости,
По рассветам шагать налегке.

Я иду, не сгибаясь, по жизни,
Меня ветры торопят вперёд.
И любовь моя к славной отчизне
С перевала начало берёт

1957

Алые косы

*Я любил эту жизнь
и за её красоту
вступил в бой.*

Юлиус Фучик

I

Над зимней землею – черная ночь.
В черном буране
– снег белый выюжится.
Память, как бэль,
Не прогнать ее прочь.
Платье прилипло, как слово «узница».

Над черной землею,
над платьем красным
Черный ветер ревет в трубе,
Он словно к страшным пыткам причастен,
Он словно разбойник – в дикой гульбе...
В глазах Марии¹ –
врагам проклятье,
Ее не согнули ни боль, ни неволя.
Тревожные красные пятна – на платье,
В огромных глазах – отражение боли...
У черной решетки
к светлomu миру

---

¹ Мария Кудержикова – 22-летняя чешская коммунистка, казненная 26 марта 1943 г. в тюрьме г. Беслау нацистами за участие в подпольном антифашистском движении. Окончив гимназию и одноступенчатые курсы иностранных языков, она пошла работать на фабрику, чтобы вступить в контакт с рабочим коллективом, где и началась ее подпольная деятельность. М. Кудержикова была членом областного комитета Союза молодежи, которым руководил первый подпольный ЦК Компартии Чехословакии. Она выполняла многие задания: ездила в качестве связной во многие города Моравии, инструктировала подпольные «тройки», печатала и распространяла листовки, вербовала новых членов организации. В день казни она отрезала свои косы и просила, чтобы их передали матери вместе с ее вещами. (Прим. автора).

Гордо вскинута голова.
Слова ее – к вечности, к небу синему...
Из этой жестокой темницы с оконцем
Рвутся слова, устремляясь на волю:
– Послушай меня, светлый простор,
Быстрые реки, высокие горы,
Равнины с лучами и градом – в упор,
Весь раненый мир, запомни ты
горе!

Из этой кровавой темницы с оконцем,
В этой бессильной и злой непогоде
Я вижу мир завтра,
из радуг и солнца,
Взмах крыльев его
в полете к свободе...

Враг, надо мною глумясь, свирепел,
Лютою, страшною смертью грозя...
Можно меня повести на расстрел,
Веру мою расстрелять нельзя.
И в темную ночь,
среди диких метелей

Я вижу весну по зеленым долинам,
И солнце
С серебрянным шагом
весенним

На росах,
на плесах,
на ярких равнинах...

И смех детворы по веселым дворам...
Талантливый мир, я вижу твой шаг,
Хоть руки мои – из боли и ран,
Тебя обнимаю я, будущий мир!
...А черные косы алеют от боли...

II

Над миром угрюмые тянутся дни,
Устало, как путники в хмурые ночи,
Когда угасают над миром огни,
Не спят поседевшей матери очи.

Глядят на дорогу
и ждут они дочь...
Проходят месяцы боли печальной,
Но не проходит над узницей ночь.
Для матери страшная ночь – нескончаема...
Усталые руки – к слезам горячим,
Морщины лица, как ущелья угрюмые.
Выходит она на дорогу

незрячую

С тяжелой котомкой,
С тяжелыми думами...
Метет метель,
завывает метель,
Как будто матери путь преграждая
Свирепые ветры – и ночь, и день
Над той,
Что сама как метель – седая...
Среди холмов,
и ветров,
и снегов
Усталой и старой некуда деться.
И перекресток

всех снежных ветров

Не заметет ее рану на сердце.
По векам ветры
хлещут косые,
Смешались пурга и ночей темнота.
И вспомнились матери косы Марии,
Их темная мягкость и теплота...
А горы грозным обвалом грозят,
А степи грозят панихидою горькой.
Встают перед нею
Марии глаза,
Встают попутчицей
доброй и стойкой.
И матери легче идти в буране,
И легче у бога, у неба просить:
– Верни мою дочь!
Унеси ураганы!
И мир от великой беды спаси!

С надеждой идет
едва уловимой...
Съезжился где-то рассвет за мглою
Овчаркою лагерной
ветер вертелся.
... Колючая проволока – боль под рукою,
Холод тюремный – болью по сердцу...
Тюрьма... Марии нет. Ее на допрос
Враги увезли
в кровавый рассвет...

III

Темная Прага еще дремала.
Светлый сон снился Марии.
Детство, все в белом, с бантами алыми,
Темные косы, как ливни синие...
Широкий двор, голубые деревья.
Весной румяной, на самом рассвете,
Поют касатки у гнезд весенних,
Мир из цветов – и ярк, и светел...
И мать вышивает в зеленом саду
Красным по белому шелковой гладью.
И вот под руками цветы цветут
И девочка глаз не отводит от матери...
Мёд собирают пчелы веселые,
Жужжат в лепестках розоватых цветов,
И голуби в небе уходят
высоко,
Снежные голуби – из облаков.
А у реки хороводят березы.
А осенью с них облетает наряд,
И у березок темные косы,
Как за спиной у Марийки, лежат...
К о с ы,
В которые мать вплетает
Алые ленты сентябрьским утром.
Мария с портфелем в школу шагает,
И кажется мир ей добрым и чутким...

Нарядная, гордая и веселая
Идет незнакомому миру навстречу:
— Доброе утро, небо высокое!
Речка прохладная, добрый вечер!.. —
А за спиной — ни одной грозы,
Лишь алая лента течет из косы...

IV

И ночью, и днем Мария молчит.
И ночью, и днем — допросы, допросы...
И белобрысый фашист кричит:
— Будешь молчать, повесим на косах!.. —
Холодные стены, железо горячее.
По хрупкому телу — плети незрячие.
Четыре стены, четыре солдата...
Губы Марии упрямо сжаты...
Ни слова, ни звука,
ни стоны в ответ.

Глаза твои — тысячи стуж,
Тяжелые косы — теплы на спине.
Наверное, правда, в тебе — сорок душ¹.
Одна ушла...
Тридцать девять — в борьбе.
На шею провод арканом бросали,
Железные цепи ковали к рукам,
За косы к столбу ледяному вязали,
Горящий металл подносили к глазам.
Пытали: — Скажи, с кем листовки писала?
Пытали: — Скажи, кто был главарем?
Ранимой металлом
Тверже металла
Мария стояла
Перед врагом!
И снова вопросы, и пытки сначала.
— Как твое имя? —
Мария молчала,
Врагам и теперь ничего не ответив.

---

¹ Карачаевцы говорят, что девушка имеет сорок душ.

Пальцы словно чужие,
В камере темень и стужа.
Пишет письмо Мария
Пальцами непослушными.
Может, письмо прощальное:
«Мама, не будь печальною...
Здесь научилась страдать я
За судьбы всего человечества.
Врагам посылаю проклятья.
Славлю свое Отечество!

Каленым железом не выжечь
Воли моей стальной.
Себе прикажу я выжить,
Выиграть этот бой!
Нацистский судья недавно
Вынес мне приговор.
Не расстрелять им правды!
Пусть стреляют в упор.
Мама, пойдя в наш садик...
Вспомни свое шитье.
Цветок вышивала ты гладью,
А вышила сердце мое...

Идет пора больших потрясений,
И зов свободы уже я слышу.
Скоро будет земля весенней,
Я, мама, вернусь под родимую крышу...
Осилю я непогодь эту злую,
Не сдамся, отпор дать сумею врагам.
Мама, как косы мои тоскуют
По добрым и теплым твоим рукам...»

VII

Сосны шумят у тюремной стены...
Черные сосны — как будто с войны.
Шестнадцать месяцев — в камере черной,
Шестнадцать месяцев — пытки, стоны.
А если самой — чуть больше шестнадцати?

Но надо держаться!
Надо держаться!
С одной стороны — черные сосны.
С другой стороны — черный глазок.
За дверью надсмотрщик — черный и грозный.
И, кажется, целит зрачком он — в висок.
— Надсмотрщик!
Ты памяти не расстреляешь!
Напрасно вдоль камеры
Чёрно шагаешь!
И видит Мария:

свободно садится

На черную клетку

белая птица:

— О, белая птица,

белый мой голубь!

Я о Моравии дальней

помню.

Мне о возлюбленном сердцем плакать,

Над черными днями — светлая память!

Помню — другое высокое солнце!

Помню — другие высокие сосны!

Помню — друг мой так светло

смеется,

В глазах его — сосны,

В глазах его — солнце...

Он ветку сосны подарил мне однажды,

Сказал: — Возьми, она неба касалась.

Как долго мне помнить мгновение

каждое?

И сколько дней памяти мне

осталось?

А белая птица у черной клетки,

Как белая память у черных дней:

— Умная птица, сосновую ветку

Любимому брось

среди добрых полей.

Тела от пола не оторвать,

Только вздрогнув вспорхнут ресницы.

Хочется взять все горести мира,
С собой унести безвозвратно с земли,
Чтоб люди планеты не знали несчастий,
Чтоб не было больше
ни войн, ни ненастий.
Поклон передай мой и утру, и вечеру.
Я ухожу.

Но жить буду вечно я.
Сегодня восход такой пышный и розовый.
Сегодня пред казнью отрезала косы я.
Ты, мама, так косы эти любила,
Тебе передать их я, мама, просила...»
Люди! Вы помните мать на дороге?
Она ничего не просила у бога.
Она не кричала, лишь глухо рыдала,
Лицом она к косам густым припадала.
Седые пряди блестели в косах!
Седые пряди
А может, слезы...

IX

Какой же век в этот день?!
Двадцатый.
Бескосая девочка – в тень
Каземата.
Что же за люди вокруг?!
Нацисты.
Плахи круг...
Топор...
И ручищи...

Какое ж косматое сердце – в груди,
Чтоб тоненькой девочке
Шею рубить?!
До плахи совсем недолго идти.
До плахи – целую жизнь прожить...
Короче, длинней не придумать дороги.
По хрупкому телу – ожоги, ожоги...
Под ними – честное сердце большое,
Большое, как небо над головою.

— Мария, ты не жалеешь?
— Нет!
— Умрешь ты!
— Нет, ухожу в рассвет!
— Умрешь ты!
— Нет, на земле буду вечно,
Как небо,
как птицы,
как ласковый вечер... —
Плаха. Топор. Палач на рассвете.
Все это — против девочки тонкой.
Но за неё вечность бессмертья!
И память народная
долгая, долгая...
Короче, длинней
не придумать дороги.
У глаз палача волосатые ноги...
Мама,
Ты сердце мое вышивала,
Вышила смерть и бессмертие, мама.
Мама...
Мама...
Мама...
Какой же ты, век, чтоб с плах — голова?!
Что же за люди вокруг?
Фашисты...
Алая плаха... Топор... И ручищи...
Какое ж косматое сердце в груди,
Чтоб тоненькой девочке
Шею рубить?!..
Стонут над речкой тихие вербы,
Стынут во мраке великой беды.
Бегут, согнувшись, и плачут ветры,
Не в силах подняться со скорбной земли.
Бегут они к дому
в далеком селенье,
Где старая мать
ожидает дочь.

Ходит по дому
усталой тенью
Ночь и день...
День и ночь...
В глазах матери —
боль планеты.
К косам она припадает без слов,
К косам, помнящим алые ленты.
На них застыла
алая кровь...

Х

Был я в горах, где жила Мария.
Там соловьи людям песни дарили.
Солнце светило с высокого неба.
Пахло цветами, травую и хлебом.
А по широкой дороге к околице
Шла, напевая, веселая школьница.
Темные косы на солнце блестели.
Яркие бантики в косах алели...

Первый сноп

Поэма

Андрею Исакову¹

I

Ночь съёжилась в черном своем балахоне,
Глаза ясных звезд устремив на поля,
А там
Кто-то горько рыдает и стонет,
Там вроде бы плачет сама мать-Земля.

---

¹ Андрей Исаков — старейший поэт Ставрополя, участник гражданской и Великой Отечественной войн.

Так кто же

рыдает во мгле непроглядной
На выцветшем ложе некошенных трав,
Среди молчаливых степей безвозвратно
Надежду на радостный день потеряв?
Быть может,

слепого беда закопала
В негаданной сшибке один на один,
А может быть, девушка там заплутала
В безлунную ночь меж бескрайних равнин?
Хлеба перезрелые сникли и внемлют:
Кто стонет и плачет?
Чьё сердце стучит?
Нет, нет!

Не слепой здесь повергнут на землю,
Не девушка здесь заблудилась в ночи.
А небо росинки, как звёзды, роняет
На ниву, что позднею ночью не спит.
Здесь первенца сына до срока рождает
Усталая жница – казачка в степи.
Неведомо,

день лучезарный далёк ли,
А сердце тревога долбит, словно дрозд,
И, глядя на горе чужое, поблекли
Холодные очи мерцающих звёзд.
Не слышит никто

этот стон одинокий,
Да кто и услышит:
Вокруг – ни души.
Погас над землёй

звёздный купол высокий,
Всё замерло, сникло, уснуло в тиши.
Пшеница склонилась мохнатою шапкой
К тому,

кто на свет появился в полях,
И стала ему повивальной бабкой
Сама неусыпная наша земля.
Мальчонка кричит

удивительно звонко,
Впервые глазёнки раскрыв широко.

Светает.
Над росной степною сторонкой
Летит этот крик далеко-далеко...
Мать стонет и плачет и силы теряет,
Холодной росой покрыт её лоб,
Дитя своё к сердцу она прижимает
Как первый,
на зореньке связанный, сноп.

II

Страда
в степь нагрянула жницей босою,
Шумит,
ходит волнами выпевший хлеб,
Сияет стоцветной алмазной росой,
Встречая зарю, прикубанская степь.

На поле чужое,
пришла наша жница
С мальчонкой своим на усталых руках,
Пришла,
поклонилась высокой пшенице
И возле межи положила сына.
А ветер,
с колосьев росинки сбивая,
Прогнал и тревогу и нервный озноб –
Казачка запела, пшеницу срезая,
И стала вязать
первый памятный сноп.
Он вышел тугим, полновесным и ладным,
С него начинается радостный день,
Под ним –
золотым и пока что прохладным –
Уснувшего сына кладёт она в тень.
Всё дальше идёт
и снопы она вяжет,
Не в силах от первого глаз оторвать –
Пусть ласковый ветер сынишке расскажет,
Как любит его беспокойная мать.

Всё дальше идёт она росной сторонкой,
Мурлыча негромкую песню свою,
И слышит её синеокий мальчонка:
Вокруг неумолчные птицы поют.
Как много их здесь, за родною станицей,
Как слушает их

несмышленный сынок!

А кудри его,

что так схожи с пшеницей,

Ласкает горячей рукой ветерок.

Вновь солнце над степью горит, не сгорая

Печёт нестерпимо полуденный зной,

И жница всё шепчет, лицо утирая:

— Услышь меня,

снопик малюсенький мой!

Ей кажется: края пшенице не будет,

А зной огнедышащей лавой течёт,

Ничто

этот зной ни на миг не остудит,

Нет, солнце всё жарче и жарче печёт.

Лишь звёзды

повеют прохладой далекой,

Но всё повторится опять, как вчера —

Лишь колос

Склонится над ней одинокой,

Услышит,

как плачет она до утра:

О, как же несладок ты, труд мой поденный!

Что станется с малым сыночком моим?

На первом снопе

Спит он, в поле рожденный,

Оно для него

стало домом родным...

III

Страда

ходит по полю жницей босою,

Шумит и волнуется выспевший хлеб,

Сияет стоцветной алмазной росой,

Страда

ходит по полю жницей босою
И клонит к земле золотые хлеба,
Сияет стоцветной алмазной росой,
Трудна и красива, как наша судьба.
Как буря, взыграла народная сила
И грянул,

Большой Революции гром.

О, как в эти дни ты, Кубань, забурлила,
Как радостно, вяжешь ты снопы за снопом!
А юный наследник измученной жницы
Проворно и лихо вскочил на коня –
Дорогой отца

ускакал из станицы,

Умчался он в самое пекло огня.

Спешит он

сквозь пламя, дожди и туманы

В те дали,

где солнце свободы встаёт,

Туда, где в полёт свой взмывают орланы,
Туда,

где за правду дерётся народ.

Но пуля внезапно бойца настигает,

Пятнадцатилетнего валит с коня,

А в сердце мальчишечьем не угасает

Великая сила живого огня.

И ветер

вновь шепчет заветное слово,

Целует покрытый испариной лоб,

И давнею зыбкой становится снова

Тот первый,

уложенный матерью снопы.

На нём, как тогда, наш казак засыпает,

Уходят,

тревоги

и боль,

и враги,

Страда

ходит по полю жницей босою
И клонит к земле золотые хлеба,
Сияет стоцветной алмазной росой,
Трудна и красива, как наша судьба.
Вот снова

ползёт по широкому полю
Парнишка
с горячею пулей в груди,
Он борется с голодом,
с жаждой
и с болью,
И снова он чует дымок впереди.
Дополз.

У костра – только сторож убитый...

Такое

нельзя ни забыть, ни простить!
А рядом кричат и стреляют бандиты,
Да перепел где-то горланит: «Пить-пить!»
Заметили гады.

Схватили мальчонку –
«Ну, вот и конец твой, шальная судьба!»
Замешкались...

Кинулись снова вдогонку,
Да скрылся бесстрашный
орленок в хлебах.

Не зря его кудри

так схожи с пшеницей –
Попробуй, его меж снопов различи!
А сердце

окрепшею, сильною птицей
В груди
беспокойно и громко стучит.
Напрасно метались матерые волки –
Ушёл от них,

воли вкусивший «холоп»,

Укрыл его
                    ладный,
                                    упругий
  и колкий
Тот, может быть, матерью связанный сноп.
Добрался казак молодой до речонки,
В густую траву под кустом он прилёт.
Спускается ночь над родимой сторонкой,
На рану прохладный подул ветерок.
Лежит паренёк,
                                    ясных глаз не смыкая,
Как жив он остался – не знает и сам.
А хищники
                                    рыщут вокруг, не смолкая,
По пахнущим хлебом и кровью полям.
Врачует его животворное лето,
Оно ему свежие силы даёт.
А где-то в станице опять до рассвета
Мать сына любимого кличет и ждёт...
Забыв про усталость
                                    про сон
  и про отдых,
Летит быстrokрылый орлёнок к своим.
Как ярко сияют высокие звёзды,
Как звонко
                                    в станице поют соловьи!

VI

Поют
                    краснозвёздные конники наши:
«Загоним мы белучо армию в гроб!»
В атаку
                    идут через чёрные пашни,
А видится им –
                                    золотой первый сноп.
И первым
                                    в стремительной лаве несётся
Со знаменем красным
                                    орлёнок степной.

Страда нынче

Ходит не жницей босою –
Комбайны теперь убирают хлеба,
А степь

Также блещет алмазной росой,
Светла и красива, как наша судьба.
Но снова

Не спится, неймётся кому-то:
Раскаты далекого грома слышны,
И вот уже

Землю родную окутал
Дым новой,

Нежданной и страшной войны.
Вновь клонится долу густая пшеница,
Но грянула буря среди ясного дня
И наша знакомая старая жница
К любимому сыну подводит коня:
«Я знаю,

что сердце твоё не остынет,
Сынок мой,

Будь смелым в суровом бою!»
Шумит и Кубань,

в дальний путь провожая
Солдата, что стал её добрым певцом,
А мать,

слёз горячих своих не скрывая,
Вновь к ветру судьбы повернулась лицом:
Вновь

мчатся груженные хлебом машины,
Вздымая над степью горячую пыль,
Сияют пшеничных курганов вершины,
Мечта превращается в светлую быль.
Встаёт новый день над Отчизною милой,
Заря молодая пылает над ней,
И радость кипит с небывалою силой –
Поют хлеборобы о жизни своей.

В той песне

летят по широкому полю

Могучею стаей орлы – казаки
На битву за волю, за лучшую долю,
Как молнии блещут стальные клинки.
А женщина слушает песню и плачет –
Ту гордую песню сложил её сын.
День выдался ясный, пригожий, и, значит,
Он высушит слёзы, как капли росы.
Шумит и красуется щедрое лето,
А горе бывшее развеяно в прах.
Сын жницы простой

стал бойцом и поэтом,

Звучат его песни

в степи и в горах.

И вторят тем песням стальные моторы,
Уже оседдал их степняк – хлебобороб.

Вновь жатва

идёт на степные просторы

И символом счастья

становится сноп.

Скорей бы

с победой сыночек вернулся,

Тогда и от сердца у ней отлегло б...

И снова в глазах у неё покачнулся

Тот первый,

тот юностью пахнувший сноп.

IX

Бушует война над Советской страной

И смертью грозит на каждом шагу,

Но ярость народа вскипает волною

И хлещет она всё сильнее по врагу.

Земля

пропиталась горячею кровью,

Днепровские волны пылают в огне.

Вновь ранен казак,

вновь к его изголовью

Склоняется мать, только это – во сне...

А где-то
    над нею сгущаются тучи,
А рядом,
    снаряды и бомбы громят,
А в пальцы
    вонзается колос колючий —
Он страшною бурей все же не смят.
Шумит
    опаленная боем пшеница
И вновь окроплённая щедрой росой.
О, как постарела ты,
    добрая жница,
Согнутая горем и тяжкой слезой.
Дай бог одинокой ей
    С силой собраться —
Не слышно жнецов на посевах густых
Теперь
    им уже никогда не подняться,
Над ними застыли снопы, как кресты.
А хлеб убирать надо.
Снова и снова,
Совсем обессилев, степнячка встаёт
И громко зовёт она сына родного,
Чтоб спас он от ужасов этих её.
Он вроде бы
    слышит зов матери милой
И видит он
    слёзы в запавших глазах
И рвётся он
К ней с богатырскою силой...
Очнулся, а рядом — бушует гроза.
Грохочет война
    на полях Украины,
Буря заметает окоп, как овраг,
Но жаркое сердце бойца не остынет,
Пока на земле этой зверствует враг.

Не зря
был казак запевалою ротным —
Вновь песня
Летит над разливом хлебов,
Вдоль большака
в карауле почётном
Застыл караван
запыленных снопов.
Взволнованный
встречей с родимой землёю,
Степняк наш
На миг закрывает глаза —
И падает наземь рассветной порою
Рожденная счастьем крутая слеза.
И снова
земля полной грудью вздохнула,
Устав, как и пахарь, от лютой войны,
И снова
на солнце с надеждой взглянула
И ждёт с нетерпеньем новой весны.
И хочет солдат с неизбывною силой
Вот эту родимую землю обнять,
Целует он
сноп своей
матери милой,
Целует он
старую добрую мать.
Их трое опять
на безбрежном просторе
И новой разлуке
теперь не бывать!
Нет, их не сломило
великое горе,
Им снова здесь
счастье свое добывать.
Вот их окружают
друзья и знакомцы,
И ветер, как прежде,
спешит на поля,
Им радостно светит высокое солнце,

Хвалу воздаёт им родная земля.
Как долго
                                Все ждали мы день
  этот светлый,
Какою тяжелой
                                была ты, война,
И стала, как иней при солнце, заметной
На бронзовых наших
  висках седина.
Хозяина
                                этих просторов безбрежных,
Солдата
                                ждал долго родной его дом,
Ждало нас,
                                отважных,
  суровых
  и нежных,
Степное, орлиное наше гнездо.

XI

Страда
                                в степь шагает не жницей босою, —
Шумят на ветру золотые хлеба,
Сияет стоцветной алмазной росой,
Светла и красива, как наша судьба.
Плывут
                                по широкому полю комбайны,
Звонят
                                водопады литого зерна,
И песня
                                летит над простором бескрайним,
Как смелая,
                                быстрая птица, сильна.
Шагает солдат
  полевою дорогой
И вновь вспоминает былые бои,
Идёт и любуется степью широкой
И слышит над нею он песни свои.

И кизил, и боярышник дремлют,
Все в росе небудки видны,
Омывает зеленую землю
Речка ласковым светом луны.

Горный мак, как знамя алеет
Среди моря альпийских цветов.
Стали дни длинней и теплее,
Сердце радуется щедрость лугов.

Косари ждут зарю с нетерпеньем,
Им не спится на мягкой траве:
Пахнут горы нескошенным сеном,
Занимается зябкий рассвет.

Свежий ветер с вершин в долину
Мчит стремительно и легко.
Звёзды гаснут и сразу стынут –
Начинается сенокос.

МАЛЬЧИК И ОСЛИК

Мальчишка утро это
Восторженно встречал,
Задолго до рассвета
Он ослика седлал.

И необычно рано
В дорогу снарядил,
Два бурдюка с айраном¹
Он на него взвалил.

Спешит весёлый ослик
По узенькой тропе
Туда, где сено косят,
Где песню день запел.

---

¹ Айран — напиток из кислого молока.

Мальчишка в шляпе белой
На ослике сидит
Уверенно и смело,
Как истинный джигит.

А всё вокруг сияет,
А всё вокруг поет,
Удачу обещает
И в дальний путь зовет.

Как много их повсюду,
Таких путей-дорог,
А мир подобен чуду,
Он светел и широк.

И на него мальчонка
Во все глаза глядит,
Поет о чем-то звонко
И с солнцем говорит.

А рядом осиянный
Подсолнечник цветет,
А ослик неустанный
Идет себе вперед.

КОСАРИ

Словно клинья журавлиные, над лугами реют
Косари неутомимые в синем поднебесье;
Словно крылья распростертые, шляпы их белеют,
И стучат сердца горячие в лад веселой песне.

От травы, покрытой инеем, серебрятся косы,
И звенят, звенят, певучие, задевая небо!
Видят мальчика на ослике золотые росы:
Едет он с айраном пенистым да со свежим хлебом.

Травы сочные, душистые падают покорно,
Волны тихие, но смелые вверх бегут по склонам.
Люди дружно соревнуются, трудятся упорно.
Словно витязи былинные в мареве зеленом.

Льются с купола высокого трели жаворонка,
Трелям вторят косы острые тонким звоном стали.
А старшой вновь отличается удалой сноровкой.
Оглянулся, улыбается: «Что же вы отстали?»

В бурдюках айран волнуется, так и рвется в чашу,
Мальчуган на сером ослике всё доставил к сроку.
Косари не разгибаются, жаркой сталью машут,
А мальчишка, утомленный, спит неподалеку.

Затупилась сталь горячая, люди косы точат,
Белой стаей журавлиной на валки садятся.
Пьют айран и улыбаются, шутят и хохочут.
Рядом солнечные зайчики весело резвятся.

Говорят спасибо мальчику, ослика ласкают
За прохладу, что доставил как залог удачи,
С нею силу богатырскую люди обретают,
А со спин их поднимается, тает пар горячий.

Косари не унимаются, сыплют прибаутки.
Кто в работе славится, хныкать не захочет.
Жизни нет без этой радости, без весёлой шутки,
У того, кто их чурается, век куда короче!

КОПНИЛЬЩИЦЫ

В небе звёзды встрепенулись:
Хватит зоревать!
И копнильщицы проснулись:
Всем пора вставать!

Повариха суп мешает –
Закипел казан,
У костра коня седлает
Бригадир Мазан.

С гор заснеженных студеной
Веет ветерок,
Встретить день копной зеленой
Наступает срок.

Облака над головою
Ветер вдаль унес,
Мягкой, росною травую
Пахнет сенокос.

Вилы с козыми рогами
Шустры и ловки,
И становятся стогами
Длинные валки.

Нелегко в горах суровых
Удали самой,
Будут овцы и коровы
Сыты и зимой.

Чтобы каждый стебель тонкий
Радость приносил,
Дружно трудятся девчонки
Не жалея сил.

Стихли песни, разговоры –
Старшая строга,
И растут в горах, как горы,
Копны и стога.

И лишь стрекот не смолкает,
Только он – не в счет...
Где же облака гуляют,
Солнце так печет!..

ДОЖДЬ

Прежде, чем дождем пролиться
Там, где это надо,
Тучи, словно буйволицы,
Соберутся в стадо.

И пойдут за разрешеньем
К древнему Эльбрусу:
«Дай нам, старец, позволение
Сбросить груз-обузу!»

А тем временем от зноя
Овцы сбились в кучу
И притихшею толпою
Подпирают кручу.

Им и жарко, им и тесно
За просторным скатом.
Чу! Вдруг колокол небесный
Загремел набатом.

Значит, скоро дождь начнется,
Схожий тут с обвалом,
И джейран в пещере жмётся
К сотрясенным скалам.

Ветер свищет и хохочет:
«Что, довольны, люди?»
А гроза вовсю грохочет
Сотнями орудий.

Тучи падают на горы,
Хлещут ливнем ярым,
Но ласкают наши взоры
Радугой-пожаром.

Словно огненные сабли,
Молнии сверкают.

Струи ливня чуть ослабли,
Пыл свой умеряют.

Ледяные пули града
На поляне тают.
Словом, все идёт как надо,
Это горцы знают.

АКСАКАЛ

Он совсем ещё не старый,
Не седой пока,
И как будто не усталый,
Бравый аксакал¹.

У него своя забота
Даже в этот день.
Не легка его работа –
Пот на бороде.

Машет шапкою добротной,
А она звонка.
Открывает той² охотно
Статный аксакал.

Есть обычай в Карачае
Древний, вековой:
Аксакала повстречаешь –
Одари его.

Поучись завидной хватке,
С ней он жизнь прожил
И сегодня на лопатки
Многих уложил.

---

¹ Аксакал – здесь: человек, одетый в козлиную шкуру, играющий роль заводилы на сенокосе.

² Той – праздник, торжество.

Он задорно, превосходно
Пляшет и поёт,
Всем на празднике народном
Жару поддаёт.

Он колючими усами
Девушек вспугнул,
И весёлыми глазами
На парней взглянул.

С ним в труде короче сроки,
С ним светлей рассвет,
Без него в горах высоких
Сенокоса нет.

БИЧЕНТОЙ

Стебелёк последний кинут
На последний стог крутой.
Распрямив и грудь и спину,
К нам приходит бичентой¹.

Режут люди в честь байрама
И овечек, и быков –
Этот праздник, скажем прямо,
Щедрый испокон веков.

Пой, пляши, но будь беззлобен,
Не спеши податься в тень,
Покажи, на что способен
Ты и в этот светлый день.

Скачки, танец самый быстрый
Непременно в эти дни.
Мигом влезь на стог душистый,
Колташ² дальше всех толкни!

---

¹ Бичентой – праздник сенокоса.

² Колташ – камень для толкания на спортивных состязаниях.

В круг богатыри выходят,
Начинается борьба,
Ружья в цель стрелки наводят,
Утирая пот со лба.

Бригадир немногословен,
Но сказать, как он, сумей!
Аксакал со всеми вровень
Лихо пляшет исламей.

Праздник радостный в разгаре,
Весь в цветах последний стог,
Тамада – всегда в ударе –
Поднимает полный рог:

«Наши парни удалые –
Прямо горные орлы!
А девчата молодые
И красивы, и милы!

Я за вас с большой охотой
Золотую пью зарю
И за дружную работу
Вам спасибо говорю!»

С тамадой весёлым рядом –
Уважаемый джырчи¹,
Песня льётся водопадом,
То ручьем в тиши журчит.

В небе – звёзд полночных стая,
Что сияют, как глаза.
В чашах пенится хмельная
Да игристая буза.

---

¹ Джырчы – певец.

Состязаются джигиты
В силе, в ловкости своей.
Для гостей сердца открыты,
С ними праздник веселей.

Пой, пляши, кому охота,
Веселись, весь белый свет!
Только тем, кто не работал,
На байраме места нет!

СОДЕРЖАНИЕ

Людмила Егорова. Поэтический взлет 3

Моя родина

Мой Карачай. <i>Перевод Виктора Бабиченко</i>	13
Всадник. <i>Перевод Николая Тихонова</i>	14
Сон. <i>Перевод Николая Тихонова</i>	14
«Лучше быть мне травинкой...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i> .	15
Журавлиный крик. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	15
Камень Карча. <i>Перевод Николая Тихонова</i>	16
Карачаевск. <i>Перевод Натана Злотникова</i>	17
Родная природа. <i>Перевод Марата Тарасова</i>	17
Водопад. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	18
Рассвет на Кавказе. <i>Перевод автора</i>	19
Раздумье. <i>Перевод Виктора Бабиченко</i>	19
Облака. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	20
Горная речушка. <i>Перевод Александра Яльмарова</i>	22
Горный снег. <i>Перевод Вячеслава Кузнецова</i>	22
Огонь в горах. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	23
«Когда случится...» <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	24
«Не добратья врагам...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	24
Девичья грудь. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	25
«В кругу друзей...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	26
«Детей, как листья...» <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	26
Писатель Родины моей. <i>Перевод автора</i>	27
Коста. <i>Перевод автора</i>	27
Колыбельная. <i>Перевод Виктора Бабиченко</i>	29
Деревянная чаша. <i>Перевод Андрея Исакова</i>	29
Аул Хурзук. <i>Перевод автора</i>	32
Материнские думы. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	33
«Лишь дерево рухнет...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	33
Разговор с судьбой. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	34
«Пусть пляшет дождь...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	34
Горная дорога. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	35
Слово. <i>Перевод Якова Козловского</i>	35
Себе. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	36
Отцовская бурка. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	37
Белый снег. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	38
«Камней не видим под ногами...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	39
Моё гнездо. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	39

Озеро Туманлы-Кель. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	40
Чучхурский водопад. <i>Перевод Даниила Долинского</i>	41
Домбайские водопады. <i>Перевод Владимира Бояринова</i>	42
Снежный мост. <i>Перевод автора</i>	43
«Мы времени книгу листаем...» <i>Перевод Натальи Орловой</i>	44
Береза и ласточка. <i>Перевод Виктора Потиевского</i>	45
Эльбрус. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	45
Золотой Худес. <i>Перевод автора</i>	46
Река Азгек. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	46
Родина. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	47
Разговор с покойным другом. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	48
Табуншик. <i>Перевод Виктора Потиевского</i>	48
Теберда. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	49
Матери. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	51
Ливень в горах. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	51
Белая Овечка. <i>Перевод автора</i>	53
«Когда судьба то птицей, то растением...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	54
Явился я на белый свет. <i>Перевод Якова Козловского</i>	54
В небе Родины. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	55
С Эльбруса я пришёл. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	56
«Я живу, если к высям порою иною...» <i>Перевод Владимира Савельева</i>	57
Осенняя акварель. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	58
Золотой лист. <i>Перевод Юрия Щёлокова</i>	58
Орленок. <i>Перевод автора</i>	60
Свет вершин. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	60
Родному народу. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	61
Кисловодск. <i>Перевод автора</i>	62
День рождения дочери. <i>Перевод автора</i>	62
Мой кунак. <i>Перевод Марка Рихтермана</i>	63
Кому дороже сон. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	64
Чёрный сон. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	64
В ночь смерти матери. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	65
У очага. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	67
Подкова. <i>Перевод автора</i>	68
У могилы матери Кайсына Кулиева. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	69
Терек. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	70
Койшаурская долина. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	71
Предание о Казбеке. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	72
Дагестан. <i>Перевод автора</i>	73
Азербайджан. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	74
Мои годы. <i>Перевод Майи Румянцевой</i>	75
Луч солнца. <i>Перевод автора</i>	76
Легенда о луне. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	77
Речушка Соловей. <i>Перевод автора</i>	77
Якут. <i>Перевод автора</i>	78

Горы. <i>Перевод автора</i>	78
Ручей. <i>Перевод автора</i>	79
Я родился в ауле Джемат. <i>Перевод автора</i>	79
Пятигорск. <i>Перевод автора</i>	80
Дуэль у Машука. <i>Перевод Зои Фальковой</i>	81
Город Нальчик. <i>Перевод автора</i>	82
Старик и голуби. (Из Касея Баталова). <i>Перевод автора</i>	83
Развалка скорбит. <i>Перевод автора</i>	84
Лермонтов. <i>Перевод автора</i>	85
Одинокая могила. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	86
Любимый город. <i>Перевод Александра Мосиенко</i>	87
Славный тебердинец. <i>Перевод автора</i>	88
Карачаево-Черкесия моя. <i>Перевод Геннадия Фатеева</i>	89
Мой край. <i>Перевод автора</i>	91
Певцу Теберды. <i>Перевод автора</i>	91
Песня не умирает. <i>Перевод автора</i>	93
Абхазия. <i>Перевод автора</i>	94
Россия. <i>Перевод автора</i>	94
Светел путь восхождения. <i>Перевод автора</i>	95
Гражданин Вселенной. <i>Перевод автора</i>	97
Поэту. <i>Перевод автора</i>	99
Человечный человек. <i>Перевод автора</i>	100
Дочь Эльбруса. <i>Перевод автора</i>	100
Светлый храм науки. <i>Перевод автора</i>	101

Мне снова приснилась война

Баллада о погибшем брате. <i>Перевод Вячеслава Кузнецова</i>	104
Тоска. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	105
А мать не верит. <i>Перевод Виктора Бабиченко</i>	106
Сталинград 1943 года. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	108
Не умирает мужество. <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	109
Покоя нет. <i>Перевод Владимира Савельева</i>	110
Мельница. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	110
Когда отцветает в ущельях жасмин. <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	112
Раненый солдат. <i>Перевод Юрия Щёлокова</i>	112
Солдат и пахарь. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	113
Поэту-фронтовику. <i>Перевод автора</i>	114
С вершинами наедине. <i>Перевод Марка Рихтермана</i>	114
После боя. <i>Перевод автора</i>	116
Кавказский пейзаж. <i>Перевод Виктора Бабиченко</i>	116
Слёзы орла. <i>Перевод Николая Тихонова</i>	117
Лавина. <i>Перевод Константина Симонова</i>	118
Героям Маружского перевала. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	118

В Тебердинском ущелье. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	119
Бухенвальд. <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	120
Колокол. <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	121
Вьетнамский Гаврош. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	122
Озеро Возвращенного Меча. <i>Перевод Николая Тихонова</i>	124
Вечный бой. <i>Перевод Николая Тихонова</i>	124
Воспоминание. <i>Перевод автора</i>	126
Ашуг и подпасок. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	127
«Покуда зори светятся...» <i>Перевод Феликса Чуева</i>	128
Горный партизан. <i>Перевод автора</i>	129
Домик Лермонтова. <i>Перевод Владимира Савельева</i>	130

Киргизские края

Киргизстан. <i>Перевод Георгия Дубровина</i>	132
Ночь. <i>Перевод автора</i>	133
Иссык-Ата. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	133
Луна над юртой. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	134
Поёт акын. <i>Перевод автора</i>	135
Киргизия. <i>Перевод автора</i>	135
Иссык-Кульская осень. <i>Перевод автора</i>	136
На охоте. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	137
Золотой цветок. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	138
Красные скалы. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	139
Баллада о персвале Сан-Таш. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	139
Верблюжонок. <i>Перевод Натальи Орловой</i>	142
Аял Шавай. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	142
Весна в долине Чу. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	143
Ала-Тоо. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	144
Потомок Манаса. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	145
Я - комуз. <i>Перевод автора</i>	147
Киргизское солнце. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	147
Жажда пустыни. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	148
Дочь степей. <i>Перевод Яна Гольцмана</i>	150
Салам алейкум! <i>Перевод автора</i>	151
Надпись на гильзе. <i>Перевод Сергея Фиксина</i>	152
Чуйская долина. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	152
Могила отца. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	153
Кумыс. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	155
Арча Манаса. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	156
Город Зеленого Листа. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	158
Кашка-Су. <i>Перевод Зои Фальковой</i>	159
Иссык-Куль. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	160

Иссык-Кульская луна. <i>Перевод Евгения Рейна</i>	161
Могила Кязима. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	162
Алма-Ата. <i>Перевод Евгения Рейна</i>	163
Атакел. <i>Перевод автора</i>	164
Жолон и Долон. <i>Перевод автора</i>	164

Женская красота

Люблю я девушку одну. <i>Перевод автора</i>	168
«Наши окна смотрят друг на друга...» <i>Перевод автора</i>	168
«В сердце ты вошла моё...» <i>Перевод Юрия Воробьёва</i>	169
Жду тебя. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	169
Кюнтаяк. <i>Перевод Александра Яльмарова</i>	170
Я найду. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	170
Женская красота. <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	170
«Стремится птица в небо голубое...» <i>Перевод автора</i>	171
Блекнут звёзды. <i>Перевод Натана Злотникова</i>	171
«За тебя я готов испытать все душевные муки...» <i>Перевод автора</i>	172
«Луна взошла в небесные просторы...» <i>Перевод автора</i>	172
Приди. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	172
Родник. <i>Перевод Натальи Орловой</i>	173
«Жёлтый день печали и прохлады...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	173
«Мои орлы над кручами плывут...» <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	174
Верю. <i>Перевод Майи Румянцевой</i>	174
«Безмолвие... И я с тобою рядом...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	175
Девушке из Сибири. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	176
Улыбнись. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	177
В часы разлуки. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	177
«Ночная тень на плечи Машука...» <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	178
«Ложатся хлопья снежные...» <i>Перевод автора</i>	178
«Спят тропинки!..» <i>Перевод автора</i>	178
«Застыли ветки...» <i>Перевод автора</i>	178
Будь верна любви. <i>Перевод Татьяны Кузовлевой</i>	179
Очарование. <i>Перевод автора</i>	179
Задумчивая грузинка. <i>Перевод автора</i>	180
Музыка колёс. <i>Перевод автора</i>	181
Жаворонок. <i>Перевод автора</i>	181
Чайки плачут. <i>Перевод автора</i>	182
«Твой влечёт меня ласковый взор...» <i>Перевод автора</i>	183
Ласточка. <i>Перевод автора</i>	183
Солнце любви. <i>Перевод автора</i>	184
Черкешенка. <i>Перевод автора</i>	184
«Ночь проходит, день проходит...» <i>Перевод автора</i>	185

Солнце диких роз. <i>Перевод автора</i>	185
В Алибекском ущелье. <i>Перевод автора</i>	187
«Спят и горы, и долины...». <i>Перевод автора</i>	187
Домбайская осень. <i>Перевод автора</i>	188
Твоя улыбка. <i>Перевод автора</i>	190
«И всегда мне тебя не хватало...» <i>Перевод автора</i>	190
Прилечу. <i>Перевод автора</i>	190
Железноводск. <i>Перевод автора</i>	190
На горе Железной. <i>Перевод автора</i>	191
Цветы. <i>Перевод автора</i>	192
Сладкий голос. <i>Перевод автора</i>	193
Моей любви ты бархатный сезон. <i>Перевод автора</i>	193
Я вернулся с гор Домбая. <i>Перевод автора</i>	194
Твой голос. <i>Перевод автора</i>	195
Почему Карачаевск не в Пятигорске? <i>Перевод автора</i>	196

Стихотворения из ранних тетрадей

Светлый путь	198
Горянка. <i>Перевод автора</i>	198
Учительнице. <i>Перевод автора</i>	199
Весна. <i>Перевод автора</i>	200
Маленький строитель. <i>Перевод автора</i>	200
Крокус. <i>Перевод автора</i>	201
Песня чабана. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	201
«Ветки распускаются весной...» <i>Перевод Виктора Бабиченко</i>	202
Современник Лермонтова. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	203
Лунная сказка. <i>Перевод автора</i>	204
Песня первой любви. <i>Перевод Андрея Исакова</i>	205
Мальчику, рожденному зимой. <i>Перевод автора</i>	208
Первый снег. <i>Перевод Алы Борисовой</i>	208
Зеленый мир. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	209
Гром громыхнул. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	210
Баллада о птице бессмертия. <i>Перевод Даниила Долинского</i>	210
Ночная гроза. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	211
Карачай. <i>Перевод автора</i>	212
«Я гостя, как друга, встречаю...» <i>Перевод автора</i>	212
Горный пейзаж. <i>Перевод автора</i>	212
«Пас отары я с детства...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	213
Поток. <i>Перевод автора</i>	213
Волна и камень. <i>Перевод Феликса Чуева</i>	213
Мудрое слово глупца. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	214
Первопроходцы. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	215
Мой народ. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	215
Моя родина. <i>Перевод автора</i>	216
Прощание с Лейпцигом. <i>Перевод Льва Аксельруда</i>	217

Листопад в Праге. <i>Перевод автора</i>	217
Мои стихи. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	218
«На языке твоих белых берез...» <i>Перевод автора</i>	218
Пчелка. (Из Насу Абайханова). <i>Перевод Назира Хубиева</i>	218
«Не одна ли, о горы, прекрасная мать...» <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	219
Летящая звезда. <i>Перевод Михаила Синельникова</i>	219
Колыбельная. <i>Перевод Нины Груздевой</i>	220

Поэмы

Первая учительница. <i>Перевод Марка Рихтермана и Александра Лаврина</i>	223
Перевал. <i>Перевод Аллы Борисовой</i>	252
Алые косы. <i>Перевод Майи Румянцевой</i>	258
Первый сноп. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	269
Сенокос. <i>Перевод Гервасия Орловского</i>	286

Назир Ахияевич Хубиев

БЕЛОКРЫЛЫЕ ВЕРШИНЫ

Стихи

Поэмы

Редактирование и корректорская
вычитка — *К-М. Н. ТОТУРКУЛОВА*

Оформление, художественная редакция,
компьютерная верстка и графика — *А. Я. УНЕЖОВА*

Технический редактор *Г. М. ХОМЯКОВА*

Подписано к печати 15.08.14.

Формат 84x108/32. Бумага офсетная.

Гарнитура «NewtonСТТ». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,1. Усл. кр.-отт. 15,5. Уч.-изд. л. 13,5.

Тираж 350 экз. Заказ № 075

Черкесск, РГБУ

«Карачаево-Черкесское
республиканское книжное издательство».

369000, г. Черкесск, пл. Кирова, 23,

Дом печати.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ОАО «Полиграф-Юг» 385000, г. Майкоп,
ул. Пионерская, 268.

БЕЛОКРЫЛЫЕ ВЕРШИНЫ

Н. Хубиев

X 98

Хубиев Н. А. Белокрылые вершины. РГБУ «Карачаево-Черкесское республиканское книжное издательство», 2014—304 с.

ISBN 978-5-7289-0324-6

Сборник стихотворений «Белокрылые вершины» известного карачаевско-го поэта Н. Хубиева подобрал поэтические произведения глубокого философско-го содержания. Книга предназначена для широкого круга любителей поэзии.

X $\frac{4702280200-10}{9П1(03) -2013}$ 10-2014

84 (2Рос-КаО)6-5

Член Союза писателей РФ, Народный поэт КЧР Назир Ахияевич Хубиев — автор шестнадцати поэтических сборников. Закончил Высшие литературные курсы при Союзе писателей СССР. Многие поэтические сборники были изданы на русском языке. Его произведения переведены на русский язык известными советскими поэтами, писателями Н. Тихоновым, К. Симоновым и другими.